AXBOROT RESURS MARKAZI
O'quv zali
Inv. №:

ISSN 2010-6203

XALQARO MUNOSABATLAR

Ushbu sonda

- *О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УЗБЕКИСТАН В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ»*
- *UZBEKISTAN RE-EMERGES AS THE STRATEGIC "HEARTLAND OF THE HEARTLAND"*
- *ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ, ВНУТРИАФГАНСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

№3-4/2019

Central Library (UWED)
S0011380

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL RELATIONS

JAHON IQTISODIYOTI VA DIPLOMATIYA
UNIVERSITETI

XALQARO MUNOSABATLAR

FANLARARO ILMIY-NAZARIY JURNAL

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

INTERNATIONAL RELATIONS

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC
AND THEORETICAL JOURNAL

AXBOROT RESURS MARKAZI
O'quv zali
Inv. №: 02/2880/1

3-4/2019
(№ 77, 78)

BOSH MUHARRIR: A.A. ABDUVAXITOV

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI:

Sh.M. Abdullayev, E.T. Aripov, A.Sh. Abbasova, M.M. Bahadirov,
M.T. Baqoev, B.A. Islamov, G.S. Ismailova, A.A. Kurmanov, I.R. Mavlyanov,
I.T. Ne'matov, M.M. Rahmankulov, N. Sirajiddinov, R.F. Farmonov,
I.A. Xamedov, U.A. Xasanov, K.Yusupov, S.A. Pulatova

TELEFONLAR: 267-07-41; 268-61-07; FAKS: 267-09-00
TAHRIRIYAT MANZILI: 100113, Toshkent,
Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

Ushbu sonni tayyorlaganlar:

Muharrirlar: L.B. Hodanovich
Original-maket va dizayn: I.A. Semenyuk

JIDU ruxsatisiz qayta chop etish man qilinadi.
Ko'chirib bosilganda «Xalqaro munosabatlar» jurnali ko'rsatilishi shart.
Tahrir hay'ati fikri muallif fikridan o'zgacha bo'lishi mumkin.
Qo'lyozmalar, suratlar qaytarilmaydi.

Перепечатка статей без разрешения УМЭД не допускается.
При перепечатке ссылка на журнал «Xalqaro munosabatlar» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.
Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.

Ushbu nashr 068 raqami bilan qayd etilgan.

Formati 70x100 1/16. Hajmi 8 b.t. Adadi 300 nusxa. Kelishilgan narxda.
JIDUda chop etildi. Toshkent, Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

© Xalqaro munosabatlar, 2019.

МУНДАРИЖА

I. УЗБЕКИСТАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ўзбекистон замонавий дунёда
Uzbekistan in Modern World

Ш. Абдуллаев. О международной конференции «Узбекистан в контексте региональной безопасности и глобальных изменений» 5

Gregory R. Copley. Uzbekistan Re-Emerges as the Strategic "Heartland of the Heartland" 17

II. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
Халқаро ва минтақавий иқтисодиёт муаммолари
Problems of International and Regional Economy

Н. Сиражиддинов. Торгово-экономическое сотрудничество Узбекистана со странами Центральной Азии 25

Б.А. Исламов, М.Я. Исохужаева. Актуальные вопросы системы управления электронной коммерцией в Узбекистане в условиях его перехода к цифровой экономике 37

III. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Халқаро ҳуқуқ муаммолари
Problems of International Law

И.А. Хамедов. К вопросу о повышении позиции Республики Узбекистан в международных рейтингах и индексах 47

Р.Т. Хакимов. Вопросы правопреемства для Узбекистана в отношении договоров государства – предшественника 55

IV. АФГАНИСТАН: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ
Афғонистон-сиёсат, хавфсизлик ва иқтисодиёт масалалари
Afghanistan: Political, economical and security issues

И. Бобокулов. Политический диалог, внутриафганская стабильность и региональная безопасность Центральной Азии 65

А. Умаров. Стратегия Японии в Афганистане: приоритетные интересы и основные результаты 81

V. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
Хориж тажрибаси
Foreign experience

Н.Т. Файзибаева. Опыт Японии: совершенствование качества туристских услуг 89

VI. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
Ёш тадқиқотчи минбари
Young Researcher's Rostrum

З.Д. Тураназарова. Особенности деятельности МОТ в Узбекистане 98

А.Х. Ахмедходжаев. Ўзбекистон Республикасига хорижий инвестициялар, илғор замонавий технологиялар ва илм-фан ютуқларини жалб этиш ҳамда сайёҳлар оқимини кенгайтиришда консуллик муассасалари фаолиятининг ўрни ҳақида 105

VII. ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Хорижий адабиётларнинг қисқача шарҳи
Digest of foreign literature

А. Рахимов, А. Мирзалиев. Фрагментация «Талибан»: факт, вымысел и будущее 113

VIII. РЕЦЕНЗИИ
Тақризлар
Book review

У. Хасанов. Коллективная монография «Прикладной анализ внешнеполитических ситуаций» Центра международных экономических и политических исследований УМЭД 116

IX. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УМЭД 122
Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг илмий ҳаёти
Scientific life of the University of world economy and diplomacy

X. МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ 129
Методик кабинет

Ш. Абдуллаев

О международной конференции «Узбекистан в контексте региональной безопасности и глобальных изменений»

7-8 ноября 2019 г. состоялась международная конференция на тему «Узбекистан в контексте региональной безопасности и глобальных изменений», организаторами которой выступили Университет мировой экономики и дипломатии при МИД РУз совместно с международным научным проектом КОМПАСС (Великобритания). В конференции приняли участие авторитетные ученые и исследователи из Великобритании, США, России, КНР, Беларуси, Бельгии, Азербайджана, Таджикистана и Афганистана. Предметом основных дискуссий и обсуждений на мероприятии стал региональный контекст и значимость продолжающейся трансформации Узбекистана.

Открывая конференцию, ректор УМЭД **А.Абдувахитов** отметил, что под руководством Президента Ш.Мирзиёева Узбекистан вступил в новую эпоху своего развития. В этой связи важным для международного экспертного сообщества является понимание и рассмотрение взаимосвязи новой стратегической ситуации в Центральной Азии и ее влияния на глобальные процессы, обозначение ее конструктивного потенциала и перспектив развития. Данная международная конференция должна способствовать выработке конструктивной международной повестки дня, учитывающей национальные интересы государств региона в противостоянии целому комплексу региональных вызовов и проблем.

Заместитель министра иностранных дел Узбекистана **Д.Ахатов** в своем выступлении на открытии мероприятия подчеркнул своевременность проведения международной конференции, особо отмечая высо-

Абдуллаев Ш., докт. ист. наук, проф., руководитель Центра международных экономических и политических исследований при УМЭД МИД РУз.

кий академический и экспертный уровень состава участников. На сегодняшний день благодаря общим усилиям всех стран Центральной Азии в регионе создана совершенно новая политическая атмосфера, заметно повысился уровень политического доверия. Существенно продвинулось конструктивное решение самых острых региональных проблем, включая вопросы границ и водопользования. За беспрецедентно короткий срок достигнуты по-настоящему прорывные результаты в сферах экономики, торговли, транспорта, в научно-технической и культурно-гуманитарной областях. В этой связи с учетом формирующейся новой реальности в Центральной Азии широкое экспертное обсуждение перспектив развития региона в контексте глобальных изменений становится как никогда актуальным.

Важнейшим достижением нового курса Ташкента стало качественное улучшение политической динамики в Центральной Азии. Конструктивный импульс, исходящий из Узбекистана, дает странам региона историческую возможность усилить взаимосвязанность и взаимодополняемость.

Посол Великобритании в Узбекистане **Т.Торлот** в своем приветственном выступлении подчеркнул, что «Центральная Азия находится в сердце Евразии, а сердцем Центральноазиатского региона является Узбекистан». Уникальное географическое расположение, а также наличие общих границ со всеми государствами Центральной Азии представляет Узбекистану эксклюзивную возможность оказывать непосредственное влияние на международные процессы как в самом регионе, так и за его пределами. С избранием Ш.Мирзиёева на пост Президента Узбекистана официальный Ташкент начал по-настоящему использовать свой внешнеполитический потенциал. За короткий период произошли колоссальные позитивные изменения, благодаря которым «Узбекистан смог по-новому предстать перед мировым сообществом». Важнейшим достижением нового курса Ташкента стало качественное улучшение политической динамики в Центральной Азии. Конструктивный импульс, исходящий из Узбекистана, дает странам региона историческую возможность усилить взаимосвязанность и взаимодополняемость. В этой связи правительство Великобритании полностью поддерживает открытую и проактивную региональную политику Узбекистана, направленную на обеспечение долгосрочного устойчивого развития Центральной Азии.

По мнению координатора проекта КОМПАСС с британской стороны профессора Университета Кента **Е.Коростылевой**, новая региональная политика Узбекистана основана на глубоком понимании исторических истоков взаимосвязанности в Центральной Азии, а также Евразии в целом. «Великий шелковый путь», который являлся драйвером эконо-

мического роста и культурного обогащения для евразийского материка на протяжении столетий, стал практической реализацией «концепции взаимосвязанности». При этом центральноазиатские народы, благодаря своему уникальному умению принимать и передавать культурные ценности и технологические навыки были «движущей силой» межцивилизационного обмена в Евразии. На сегодняшний день новая региональная дипломатия Узбекистана под руководством Ш.Мирзиёева на практике реализует идею взаимосвязанной и открытой Центральной Азии, которая должна в итоге вернуть себе историческую роль – соединять Восток и Запад, Север и Юг. Новая стратегия Узбекистана исходит из того принципа, что «границы не разделяют, а объединяют народы». Афганистан, который долгое время оставался за пределами ключевых региональных процессов, постепенно возвращается в центральноазиатскую повестку, благодаря усилиям узбекской дипломатии.

На первом панельном заседании (модератор – проф. **Ш.Абдуллаев**), посвященном вопросам влияния экономических и политических реформ в Узбекистане на внутри- и внешнеполитическое развитие страны, была отмечена их беспрецедентная глубина и масштабность. Отмечалось, что Президент Ш.Мирзиёев инициировал принципиально новую парадигму внутреннего и международного развития Узбекистана. Осуществление внутренних преобразований делает страну более открытой, эффективной и конкурентоспособной на мировой арене. Начало осуществления внутренних экономических и политических реформ в Узбекистане сделало возможным развитие нового регионализма в Центральной Азии, который способен трансформировать регион, что также влечет не менее важные последствия для всей Евразии.

Выступление профессора Кембриджского университета **С.Саксены** было посвящено углублению курса реформ на обновление в Узбекистане и его отражению на характере международных отношений в Центральной Азии, воздействию на стабильность и безопасность более широкого макрорегиона Евразии. Выступление Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева на Генеральной ассамблее ООН в 2017 г. «открыло окно» в его видение всеобъемлющей платформы устойчивого развития для Узбекистана и региона. Он выдвинул целый ряд глубоко обоснованных предложений и инициатив по региональному развитию с использованием международного опыта. Эти инициативы весьма актуальны на региональном уровне и дополняют общие проблемы глобального развития.

Афганистан, который долгое время оставался за пределами ключевых региональных процессов, постепенно возвращается в центральноазиатскую повестку благодаря усилиям узбекской дипломатии.

По мнению С.Саксены, за последние 3 года в Узбекистане были проведены радикальные реформы, направленные на улучшение институциональных основ ведения бизнеса и привлечения инвестиций. Либерализация денежно-кредитной политики стала фундаментальным шагом в улучшении инвестиционного климата в стране в целом. За этот период Узбекистан поднялся на 18 позиций в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса» и входит в число 20 ведущих стран, которые продемонстрировали наибольший прогресс в улучшении делового климата. В то же время по-прежнему существуют большие резервы для повышения инвестиционной и деловой привлекательности страны.

В выступлении профессора Университета Ньюкасла **Н.Мегорана** отмечалось, что текущие экономические и политические реформы в Узбекистане послужили основой новой региональной политики Ташкента и привели к возобладанию нового климата и атмосферы в Центральной Азии. Это позволяет Узбекистану быть сегодня ключевым фактором в серьезных трансформационных процессах, которые переживает Центральная Азия. По оценкам Н.Мегорана, сегодняшний экономический рост в Узбекистане в значительной степени обусловлен улучшением многих показателей развития человеческого потенциала. Уравновешивая меняющуюся геополитическую динамику, страны Центральной Азии пытаются найти решения двух довольно прагматичных вопросов, которые в конечном итоге определят их долгосрочное будущее: а) доступ к технологиям; б) доступ к рынкам.

Вторая панельная дискуссия (модератор – доц. **У.Хасанов**) рассматривала проблемы региональной безопасности и развития Центральной Азии и роли в них Узбекистана. Профессор Университета Сент-Эндрюс **М.Фумагалли** указал, что после прихода к власти Ш.Мирзиёева произошел серьезный сдвиг во внешнеполитической стратегии Ташкента. Данный сдвиг можно охарактеризовать как отход от чрезмерной приоретизации вопросов безопасности к более прагматичной и экономически ориентированной внешней политике. В то же время беспрецедентная активизация узбекской дипломатии строится вокруг главной парадигмы внешнеполитической стратегии Узбекистана – проведение независимой внешней политики и сохранение баланса в отношениях с крупными глобальными и региональными игроками.

Беспрецедентная активизация узбекской дипломатии строится вокруг главной парадигмы внешнеполитической стратегии Узбекистана – проведение независимой внешней политики и сохранение баланса в отношениях с крупными глобальными и региональными игроками.

По мнению британского ученого, особенность нового курса Узбекистана про-

является в качественно новом подходе к многосторонним международным институтам. Ташкент поднял на новый уровень свое участие в рамках крупных региональных организаций (ШОС, СНГ, ОИС, ОБСЕ). Узбекистан стал полноправным членом Тюркского совета, что в разы повысило потенциал и возможности данной структуры. Членство в Тюркском совете также дает Ташкенту важные внешнеполитические и внешнеэкономические дивиденды. В то же время существует ряд вызовов и рисков для новой многосторонней дипломатии Узбекистана. *Во-первых*, «чрезмерный энтузиазм» к вовлечению в новые многосторонние форматы может привести к поспешным решениям, неэффективному использованию внешнеполитических ресурсов. Узбекистан всегда серьезно и выборочно подходил к участию в международных организациях. Следует и дальше избегать статичности в данном вопросе и наращивать качество своего участия в многосторонних структурах. *Во-вторых*, одновременное участие в нескольких форматах может усложнить приоретизацию международных организаций в зависимости от национальных интересов Узбекистана. В этой связи появляется постоянная потребность в расставлении четких акцентов для получения практической пользы, а также правильного понимания внешнеполитического курса Узбекистана международным сообществом.

Политическая воля Ш.Мирзиёева, прежде всего проявленная в готовности идти навстречу соседям в решении острых вопросов, позволяет Узбекистану играть консолидирующую роль в Центральной Азии.

По мнению профессора **И.Звягельской** (руководитель Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН имени Е.Примакова), ключевым вызовом для Центральной Азии продолжают оставаться быстрые демографические изменения. С увеличением доли молодого поколения изменяются социальные запросы населения. От того, как государства будут адаптироваться к новым социально-экономическим требованиям, зависит устойчивое развитие региона. Центральная Азия остается одним из немногих регионов Евразии, где интересы глобальных держав не вступают в прямое противоречие. При этом значимость региона с точки зрения определения перспектив развития огромного евразийского макрорегиона увеличивается. В Центральной Азии все крупные игроки находят свои ниши для продвижения своих интересов. Россия делает ставку на сферу безопасности, КНР делает основной упор на торгово-экономический и транспортный секторы, США и ЕС концентрируются в развитии демократических государственных институтов и обеспечении прав и свобод человека. Такая уникальная ситуация предоставляет странам региона возможность проводить сбалансированную внешнюю политику, продвигая при этом собственную повестку.

Центральноазиатский регион всегда был единым организмом с особым культурно-цивилизационным кодом. Реализуемая региональная политика руководства Узбекистана исходит прежде всего из понимания этой истины. Ташкент в силу исторических и географических реалий несет особую ответственность за будущее региона. Политическая воля Ш.Мирзиёева, прежде всего проявленная в готовности идти навстречу соседям в решении острых вопросов, позволяет Узбекистану играть консолидирующую роль в Центральной Азии. Прогнозы некоторых наблюдателей о том, что центральноазиатские государства не смогут пройти период транзита власти, себя полностью не оправдали. Политические системы государств Центральной Азии показали свою устойчивость.

Профессор Белорусского государственного университета **В.Шадурский** остановился на развитии узбекско-белорусских отношений, при этом подчеркнув, что страны, несмотря на географическую удаленность, имеют большой потенциал для взаимовыгодного сотрудничества. Отправной точкой для укрепления отношений между двумя постсоветскими странами стало избрание Ш.Мирзиёева главой Узбекистана в декабре 2016 г. Новый лидер крупнейшей страны Центральной Азии высоко оценил достижения Беларуси в промышленности и сельском хозяйстве, увидел в них широкие возможности для расширения контактов. Во время визита А.Лукашенко в Ташкент в сентябре 2018 г. и ответного визита узбекского лидера в Минск в июле-августе 2019 г. были конкретно расписаны направления и формы двустороннего сотрудничества.

Узбекистан может играть особую роль во внутреннем экономическом восстановлении ИРА, в вопросах регионального экономического сотрудничества между Афганистаном и Центральной Азией и развитии транспортных связей между Афганистаном, Центральной и Западной Азией.

На основе анализа переговоров на высшем уровне, научных публикаций и экспертных данных можно выделить четыре возможных аспекта широкомасштабного узбекско-белорусского сотрудничества: определение страны-партнера в качестве ориентира в регионе; направление совместных усилий двух стран на создание более благоприятных международных условий; поощрение человеческих контактов, особенно между молодежью двух стран; обмен опытом по созданию эффективной модели развития переходных обществ.

Профессор Фуданьского университета **Ч.Хуашенг** отметил, что Узбекистан, глубоко понимающий Афганистан, всегда выступал за политические переговоры и национальное примирение в ИРА, считая, что военные средства не могут решить афганскую проблему. С тех пор, как Президент Ш.Мирзиёев вступил в должность в 2016 г., произошли

значительные изменения во внутренней и внешней политике Узбекистана. Дипломатические цели Ташкента стали более прагматичными, а стиль более активным и гибким. В то же время Узбекистан намерен играть более значительную роль в вопросах региональной и международной безопасности, включая проблему Афганистана. Узбекистан, вероятно, будет играть более важную роль в условиях возможного вывода военного контингента США и последующих изменений в Афганистане. Кроме того, Узбекистан может играть особую роль во внутреннем экономическом восстановлении ИРА, в вопросах регионального экономического сотрудничества между Афганистаном и Центральной Азией и развитии транспортных связей между Афганистаном, Центральной и Западной Азией.

Как считает эксперт Афганского института стратегических исследований **Д.Морадиан**, регионы Западной, Центральной и Южной Азии сталкиваются с общими угрозами безопасности. Они стремятся найти собственные пути развития и решения региональных проблем. Эти три региона когда-то составляли в более широком смысле восточное крыло исламского мира. Хорасан и Мавераннахр исторически являлись зоной торговли, толерантности, науки и сотрудничества. Такие великие исторические города, как Самарканд, Бухара, Герат, Газни, Исфахан, Багдад, сыграли важнейшую роль в развитии этой части Евразии.

Третья панельная дискуссия (модератор – проф. **С.Саксена**) была посвящена роли Узбекистана в Большой Евразии. По мнению д-ра **Я.Шапиро** (Geopolitical Futures, США), Центральная Азия является опорой Евразии, а Узбекистан – опорой Центральной Азии. Сокращение российского влияния и нестабильность внешней политики США совпали с расширением геостратегических амбиций Китая, Индии, Турции и Ирана, что, с одной стороны, представляет новые возможности, а с другой – опасные вызовы для государств Центральной Азии. То, как, в частности, Узбекистан использует эти возможности и вызовы, будет играть важную роль в определении будущего Центральной Азии в ближайшее десятилетие. Евразийские и неевразийские страны хотят извлекать выгоду из потенциала Узбекистана в таких областях, как транспортные и транзитные коридоры, нефтегазовые ресурсы и региональное лидерство. Между тем основные геополитические вызовы Узбекистана связаны с вопросами, которые не всегда и не полностью находятся под контролем Ташкента, такими как доступ к глобальным рынкам, исламизм и нехватка водных ресурсов. В результате евразийские интересы и потребности Узбекистана сходятся в одних сферах и расходятся в других. Их совпадение открывает огромные возможности для процветания и мира в Узбекистане и в целом в Центральной Азии. Расхожде-

ния же настолько серьезны, что если их не устранить, то они могут затормозить или совсем прервать хрупкую и развивающуюся политическую и экономическую трансформацию Узбекистана под руководством Президента Ш.Мирзиёева.

Проф. Кабульского университета **Х.Мир** подчеркнул, что самым искренним желанием афганцев является справедливый и устойчивый мир, который остается далекой мечтой на протяжении последних четырех десятилетий. Падение режима талибов в 2001 г. и начало нового демократического процесса привели к возобновлению надежды и возможности для Афганистана вновь освободиться от пепла гражданской войны и реинтегрироваться в мировое сообщество. Однако, помимо возрождения движения «Талибан», продолжающийся политический кризис серьезно подорвал процесс государственного строительства в Афганистане. Инициатива по установлению контактов с движением «Талибан» восходит к периоду президентства Х.Карзая, однако прогресс на пути к миру незначителен или отсутствует. Между тем Президент А.Гани сделал мирный процесс своим главным приоритетом и связал его со своими усилиями по сближению с Пакистаном. В первые дни своего президентства он посетил Пекин и Эр-Рияд, чтобы усилить давление на Пакистан в целях достижения его готовности сотрудничать с ним. По сути, в мирной инициативе в Афганистане есть два компонента: первый – это действительно диалог с повстанцами, которые имеют законные претензии, а второй – урегулирование исторических разногласий с Пакистаном. Движение «Талибан» категорически отказалось от мирного предложения центрального правительства, а уступки Президента А.Гани Пакистану не были встречены взаимностью, что вызвало сильную политическую реакцию в стране. Мирный процесс станет приоритетной и центральной повесткой дня и для следующего президента Афганистана и его правительства. Помимо внутриафганского диалога, необходим также региональный консенсус между соседями Афганистана и ключевыми региональными державами. Поэтому последующее афганское правительство во взаимодействии со своими ключевыми международными партнерами должно разработать всеобъемлющую стратегию мира, охватывающую все основные внутренние и региональные факторы.

Ташкент взял на себя инициативу о возвращении Афганистана в лоно Центральной Азии.

Д-р **И.Фернандес** из Института государственного управления (Великобритания) отметила, что внешнеполитические инициативы Ташкента позволили развивать новый регионализм в Центральной Азии, который способен трансформировать регион, что также влечет не менее

важные последствия для всей Евразии. Немаловажным фактом является то, что Ташкент взял на себя инициативу о возвращении Афганистана в лоно Центральной Азии. Например, Ташкент прилагает серьезные усилия, чтобы организовать мирные переговоры с афганским правительством и движением «Талибан», что само по себе является весьма сложной задачей. Несмотря на это, инициативность узбекского руководства знаменует формирование новой среды, в которой государства Центральной Азии активно стремятся способствовать стабилизации Афганистана и поддерживать ее.

Эксперт **А.Валиев** из Университета АДА (Азербайджан) рассмотрел возможности Центральной Азии и Узбекистана, в частности, в использовании транспортных и других экономических возможностей Азербайджана, включая обсуждение вопроса о транспортных коридорах Север-Юг и Восток-Запад, а также текущие проекты Азербайджана. Перспективы становления Центральной Азии как процветающего центра сухопутной торговли имеют ключевое значение для региона Южного Кавказа. С другой стороны, по мнению азербайджанского эксперта, в перспективе представляется возможным построение в «сердце» евразийского континента зоны светских и ответственных государств, которые демонстрируют приверженность традициям современного и миролюбивого ислама, открытых миру и плодотворным отношениям с международным сообществом.

Выступление профессора Оксфордского университета **Р.Аллисона** было построено вокруг возобновления интереса на Западе к центральноазиатскому регионализму. В основном выступление Р.Аллисона было посвящено ретроспективному анализу проблемы. Были рассмотрены усилия центральноазиатских государств в 1990-2000-х годах по формированию региональных структур, которые закончились безрезультатно. С другой стороны, была рассмотрена современная роль тех макрорегиональных организаций, которые включают некоторые государства Центральной Азии, особенно ШОС и ЕАЭС. Как утверждает эксперт, эти институты продолжат свое существование, но их функции будут ослаблены более широкими политическими процессами и международными течениями. ЕАЭС, в частности, работает неэффективно. Это оставляет возможности для регионального сотрудничества между пятью государствами Центральной Азии.

Инициативность узбекского руководства знаменует формирование новой среды, в которой государства Центральной Азии активно стремятся способствовать стабилизации Афганистана и поддерживать ее.

Четвертая дискуссионная панель (модератор – д-р **А.Умаров**) была посвящена новой стратегии ЕС в отношении Цен-

тральной Азии и Узбекистана. В выступлении главы делегации ЕС в Узбекистане **Э.Стипрайса** подчеркивалось, что Европейский Союз вырабатывает свое видение возобновления партнерских отношений с Центральной Азией, обновив свою стратегию по сотрудничеству с регионом. В новом Совместном коммюнике, принятом Европейской комиссией и Верховным представителем Союза по иностранным делам и политике безопасности, излагается новое видение укрепления партнерства с пятью странами Центральной Азии – Казахстаном, Кыргызской Республикой, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Это происходит в ключевой момент быстрого развития евроазиатских связей, реформ и открытости в некоторых странах региона и нового импульса для регионального сотрудничества.

Одна из разработчиков новой стратегии ЕС в отношении Центральной Азии д-р Гентского университета **Ф.Боссайт** подчеркнула, что региональное сотрудничество в новой стратегии рассматривается более глубоко. Во многом это связано с переменами, которые произошли в регионе за последние три года, а также с кардинальным изменением внешнеполитического курса Узбекистана. Сегодня в Узбекистане благодаря обновленной внешней и внутренней политике сформирована привлекательная бизнес-среда. И в таких условиях Европейский Союз готов к политической и финансовой поддержке связей с Узбекистаном во всех направлениях, в том числе по реализации инициатив в отношениях с представителями ближнего и дальнего зарубежья. Обновленные соглашения о сотрудничестве будут служить важной правовой основой в этом направлении. Хотя взаимодействие Европейского Союза с Центральной Азией остается ограниченным, роль ЕС в регионе за последние пятнадцать лет изменилась из невидимого и, возможно, неэффективного донора в полноценного актора. Ф.Боссайт задается вопросом: сможет ли новая стратегия дать ЕС возможность оптимизировать свою роль внешнего актора в Центральной Азии и обеспечить участие ЕС в регионе, которое приносило бы ощутимые и долгосрочные результаты, эффективно способствуя устойчивому развитию региона.

Проф. Университета Кента **Е.Коростелева** считает, что в новой стратегии ЕС в отношении Центральной Азии термин «устойчивость» (resilience) стал «повседневным», охватывая почти всю политическую повестку дня. Он получил известность в 2016 г. благодаря Глобальной стратегии безопасности ЕС и стал определяющим лейтмотивом для пересмотренной стратегии ЕС в отношении Центральной Азии. Какое обещание это «партнерство ради устойчивости» несет для региона? Если понимать его в смысле самоуправления (как это и должно быть), то может ли стратегия сделать отношения ЕС и других акторов с реги-

оном более устойчивыми и эффективными? Е.Коростылева рассмотрела новые возможности, а также проблемы, связанные с созданием новых партнерств, на основе анализа предстоящего специального издания «ЕС и мышление в области устойчивости в условиях перемен: изменение повестки дня».

В отдельном выступлении президента Американского университета в Центральной Азии **Э.Качинса** подчеркивалось, что важнейшим трендом развития региона на современном этапе являются масштабные и динамичные реформы в Узбекистане. Происходящие в стране изменения открывают новые широкие возможности для дальнейшей активизации двустороннего узбекско-американского сотрудничества. Во-первых, благодаря инициированной Президентом Узбекистана Ш.Мирзиёевым добрососедской политике Ташкента сегодня впервые после распада СССР страны Центральной Азии начали столь открыто и искренне обсуждать злободневные региональные вопросы. За последние 28 лет центральноазиатские государства создали свои республики, утвердили и укрепили собственный суверенитет, место и положение на региональной и мировой политической арене. Очевидно, что государства Центральной Азии состоялись как суверенные государства, и нет никакой нужды соперничать друг с другом. Сегодня же появились новые задачи, которые требуют более тесного партнерства для разрешения ряда экономических, инфраструктурных и энергетических проблем в регионе, совместного отпора радикальным движениям, недопущения соперничества крупных держав в Центральной Азии.

Очевидно, что государства Центральной Азии состоялись как суверенные государства, и нет никакой нужды соперничать друг с другом. Сегодня же появились новые задачи, которые требуют более тесного партнерства для разрешения ряда экономических, инфраструктурных и энергетических проблем в регионе, совместного отпора радикальным движениям, недопущения соперничества крупных держав в Центральной Азии.

В то же время ни одна из великих держав не располагает ресурсами или целью обеспечить безопасность Центральной Азии через лишение стран региона их суверенитета. Для Китая интерес в долгосрочной стабильности в Центральной Азии обусловлен тем, что регион непосредственно связан с Синьцзян-Уйгурским автономным районом, который представляется Пекином наиболее проблемной частью КНР, для интеграции которой с основной частью страны китайские власти предпринимают самые разные усилия. С точки зрения геополитических приоритетов главными направлениями текущей внешней политики России является Запад, затем Ближний Восток, Южный Кавказ и толь-

ко потом – Центральная Азия. Пекин и Москва договорились о разделении ролей в Центральной Азии. Россия играет ведущую роль в сферах политики и безопасности в регионе, в то время как Китай играет главную экономическую роль. В результате негласного разделения ролей Москва и Пекин успешно сотрудничают в Центральной Азии. Очевидно, что в настоящее время Россия и Китай могут больше выиграть из сотрудничества, чем из открытого противоборства. Таким образом, заинтересованность великих держав во внутренней стабильности в регионе и их невмешательство в региональную политику с целью усиления собственных позиций в конкурентной борьбе открывают возможности странам Центральной Азии самим решать задачи регионального развития.

Заинтересованность великих держав во внутренней стабильности в регионе и их невмешательство в региональную политику с целью усиления собственных позиций в конкурентной борьбе открывают возможности странам Центральной Азии самим решать задачи регионального развития.

На заключительном пленарном заседании международной конференции «Узбекистан в контексте региональной безопасности и глобальных изменений» были представлены ведущие зарубежные эксперты: председатель Комитета энергетической политики Палаты лордов парламента Великобритании лорд **Р.Теверсон**, проф. Оксфордского университета **Р.Аллисон**, проф. Университета Кента **Е.Коростылева**, проф. ИМЭМО им. Е.Примакова **И.Звягельская**, которые подчеркнули, что с принятием новой стратегии ЕС по Центральной Азии Брюссель намерен активизировать сотрудничество и поддержку для стран региона, включая Узбекистан. С одной стороны, перемены в политике и экономике в центральноазиатских странах прежде всего в Узбекистане, способствуют повышению интереса Евросоюза к поиску новых перспективных рынков. С другой стороны, растущие амбиции Китая и укрепление позиций России в Центральной Азии заставляют ЕС уделять больше внимания пяти центральноазиатским республикам, принимая во внимание заинтересованность Брюсселя в сохранении независимости этого региона.

Все ораторы отметили успех международной конференции и напряженные дебаты, которыми она сопровождалась. Данный форум должен содействовать осмыслению тех процессов и изменений в Узбекистане и Центральной Азии в целом, которые несут в себе большие возможности и одновременно вызовы и риски. Экспертами отмечалось, что было бы весьма интересно на исследовательском уровне продолжить изучение этой взаимосвязи новой стратегической ситуации в Центральной Азии и ее влияния на международные процессы, определив ее дальнейшие перспективы.

Gregory R. Copley

Uzbekistan Re-Emerges as the Strategic "Heartland of the Heartland"*

Uzbekistan is emerging as the "strategic surprise player", galvanizing the Silk Road and Central Asia.

Uzbekistan is re-emerging with much of its deep historical identity as the nation of Timur, not just as a significant new Eurasian continental influence, but also as a significant aspect of the Indian Ocean strategic matrix.

Central Asia is still, and once again, the pivot of the "world island", as British geographer Sir Halford Mackinder indicated in his 1904 Royal Geographical Society article [1]. And now — as with the 14th Century age of Timurlaine [2] — Uzbekistan has re-emerged as "the heartland of the heartland".

Significantly, Uzbekistan has been largely ignored in strategic thinking by the Western, mainly maritime, powers because it is one of only two nation-states which is doubly landlocked; that is, it must cross two other states to reach the sea. For the first 66 of its now 96 years of its existence as a modern republic (starting in 1924 with the creation of the Uzbek Soviet Socialist Republic), it was also submerged within the Soviet Empire. And yet Uzbekistan is re-emerging with much of its deep historical identity as the nation of Timur, not just as a significant new Eurasian continental influence, but also as a significant aspect of the Indian Ocean strategic matrix [3].

Uzbekistan and its post-Soviet Central Asian neighbors have developed sophisticated state structures, including armed forces and foreign

Gregory R. Copley, President, The International Strategic Studies Association.

* The article is published with permission of the author. The original article was published in the journal «Strategic Policy», 1, 2020.

policy and intelligence capabilities, as well as a modern transportation and communications infrastructure, and more market-related economies since 1990. But Uzbekistan has, since late 2016, begun to punch above its weight in regional and world affairs, and in shaping a market economy more attuned than many of its neighbors to the global environment.

The Cold War of 1945-1990 reaffirmed the centrality of Mackinder's theory, with the constant battle by the Western powers over more than four decades to ensure that a Sino-Soviet rift could be exploited to avoid dominance of Eurasia by a communist partnership. It succeeded.

Today — although the West forgot its Cold War/Mackinderish lessons and pushed post-Soviet Russia into the arms of the People's Republic of China by rejecting acceptance of Russia into the West — the former Soviet states of Central Asia have begun, on their own, to coalesce into a *bloc*. And at the heart of that *bloc* is Uzbekistan.

It is a *bloc* which geopolitically provides a wedge of separation of Russia and the PRC, and, significantly, becomes part of the greater Indian Ocean trading basin as well as a decisive factor within Eurasia. But by creating a cohesive alliance of interdependent Central Asian states — a process significantly advanced by the Tashkent Summit of November 29, 2019 — the *bloc* also contributes to the economic wellbeing of both Russia and the PRC, offsetting for both those powers the reality that the Central Asian states also serve to break up the monolithic dominance of the "world island".

Today — although the West forgot its Cold War/Mackinderish lessons and pushed post-Soviet Russia into the arms of the People's Republic of China by rejecting acceptance of Russia into the West — the former Soviet states of Central Asia have begun, on their own, to coalesce into a bloc. And at the heart of that bloc is Uzbekistan.

It would be difficult for this grouping to attain cohesion and strategic impact without Uzbekistan.

The Central Asian region began a new era with the collapse of the Union of Soviet So-cialist Republics in 1990-91. Most of the states are now in the second generation of transformation since that time. Even though the transitional period of Uzbek economic growth from 1990 (the Uzbek Parliament on August 20, 1990, declared the country a sovereign entity) until 2016 was highly significant, it was with the death of founding Pres. Islam Karimov (announced on September 2, 2016) that Uzbekistan moved to a truly new era. The effects of the 2016 transition on Uzbekistan's society and capabilities were almost as profound as the declaration of independence in 1990, even though the nominal GDP ranking of the country suffered badly in the first couple of years of the post-Karimov era as incoming Pres. Shavkat Mirziyoyev — the former Prime Min-

ister — moved to positively transform the levels of public trust in the Government by eliminating areas of corruption and inefficiency.

Uzbekistan, freed from the USSR, remained under Pres. Karimov a command economy, gradually modernizing. But with the move to Pres. Mirziyoyev, Uzbekistan moved rapidly to become a market economy and an open, liberal democracy. What has been surprising has been the speed and calmness with which this transition has occurred, particularly with the effectiveness of moves toward a relatively corruption-free business environment, and the holding of truly transparent parliamentary elections on December 22, 2019.

The effects of the 2016 transition on Uzbekistan's society and capabilities were almost as profound as the declaration of independence in 1990.

The International Strategic Studies Association (ISSA) undertook a monitoring mission on these elections, which were not only pronounced as free, fair, and transparent, but also a model of sound electoral practice. The evolution of stable, representative governance in Uzbekistan is evident, and popular participation in the process was well in evidence during the election.

Today, the capital, Tashkent, and other Uzbekistan cities are alive with activity. Investment is growing dramatically along with the formation of new capital markets. Inward tourism has soared, unsurprisingly given the significant and spectacular attractions of Samarkand, Bukhara, and the Silk Road destinations in the Ferghana Valley.

Paralleling the rise in tourism (numbers doubled from 2017 to 2018, to some five-million; and grew again substantially in 2019), the security, crime, and corruption situations also transformed for the better. The relative freedom of narco-traffickers, coming from Afghanistan to transit Uzbekistan, was ended; business practices, particularly with the Government, became increasingly transparent.

The transformation of the society was, by the end of 2019, becoming profound, and the implication for Uzbekistan's strategic future was equally significant. Most Uzbeks in 1990 spoke at least Uzbek and Russian and possibly one more dialect; today, with a growing emphasis on foreign language education from the earliest levels, most Uzbeks speak additional languages. English is widely used.

Uzbekistan does not have the largest economy of the five landlocked former Russian/Soviet Central Asian states, but it has overwhelmingly the largest population. In-deed, most states in the region are still recovering economically after the declines which hit the region — and much of the world — in 2013-14. But Uzbekistan remains the geo-political cross-

roads linking the region to the south and the Indian Ocean, and in the East-West Silk Road, and it remains a cultural heartland.

	Pop. 2020	GDP 2018
Uzbekistan	33.24m	$50.50bn
Kazakhstan	18.78m	$179.34bn
Turkmenistan	6.03m	$40.76bn
Tajikistan	9.54m	$7.52bn
Kyrgyz Rep.	6.52m	$8.09bn

When stability reaches a notch higher in southern neighbor Afghanistan, it will be the rail links from Uzbekistan which will link Central Asia through Afghanistan to Pakistan and thence to the Indian Ocean ports of Gwadar and Karachi. At that point, the strategic *bloc* of Central Asia will start to incorporate two other "stans": Afghanistan and Pakistan. As well, the *bloc* is already linked across the Caspian Sea with Azerbaijan.

The missing piece of the geopolitical jigsaw, for the moment, is Iran. India has hopes of reaching into Central Asia via rail links it is sponsoring from the Iranian Indian Ocean (Arabian Sea) port of Chah Bahar, northward along Iran's eastern frontier and into Afghanistan. But the evolution of that link awaits a resolution of Iranian strategic isolation.

In 1939, as World War II was erupting in the West, Uzbekistan had a population of only 6.55-million. Indeed, at that time the identity of the nation as Uzbekistan was only some 15 years old. The Uzbek Soviet Socialist Republic was formed in 1924. Despite this, the Uzbeks in the Red Army suffered 330,000 military deaths in World War II, fighting away from their territory for the USSR in the war against Germany. Another 220,000 Uzbek civilians died in the war. But, in some measure of compensation, the war saw the Soviet Union move much of its industry east of the Ural Mountains and into Central Asia, to protect it against the German invasion.

But it would be a mistake to believe that the identity of the Uzbek people and their capability for unified action stemmed from the creation of that Uzbek soviet state in 1924.

The Uzbeks descend from a Mongol- Turkic people who inhabited the region which later became part of Turkestan in the 15th Century. Even then, the region had been a major trading area along the overland routes to China. In the 14th Century, Samarkand had become the hub of Timurlaine's vast empire. Before that, in 1220, the region had been overrun by Mongols under Genghis Khan. The Uzbeks consolidated in the 16th Century and gradually established a system of khanates and emirates.

The area did not come under the control of the Russian Empire until the 1860s. The emirates of Khiva and Bukhara became protectorates of the Russian Tsar and the region became known as Turkestan.

The fall of the Tsar in 1917 led to instability and a series of revolts against the new Russian overlords, the bolsheviks. The bolshevik Red Army conquered the region in 1920, bringing it into the new USSR. The Soviets divided Turkestan into the republics of Turkmenia (now Turkmenistan) and Uzbekistan. The Soviet objective was to create identities loyal to Moscow, not to pan-Turkism.

While by then impoverished, the Uzbek Republic was rich in minerals and agricultural lands and the Soviet Union continued the old imperial system of extracting its raw materials for the benefit of industry elsewhere in Moscow's domains. For example, it provided 30 percent of the gold mined in the USSR. Even today, gold remains Uzbekistan's most valuable source of foreign earnings, along with oil and gas, and followed by rapidly-expanding high-value agricultural exports and tourism.

Uzbekistan remains the geopolitical crossroads linking the region to the south and the Indian Ocean, and in the East-West Silk Road, and it remains a cultural heartland.

In the manufacturing sector, Uzbekistan's automotive industry – established since 1992 – is now building some 200,000 vehicles a year, exporting to Russia and other CIS (Commonwealth of Independent States) nations. The industry, built around GM Uzbekistan (of which General Motors in the US owns 25 percent), UzDaewooAuto, and SamKochAvto, imports steel coil from Russia and advanced technology parts from the Republic of Korea, significantly integrating the country into the Eurasian (Silk Road) supply chain. A separate company, GM Powertrain Uzbekistan, in which GM of the US has a 52 percent stake, is producing auto engines for global export.

Within the Ministry of Health, an Agency on Development of the Pharmaceutical Industry has been created to help attract foreign investment and technology into the expansion of a major pharmaceuticals sector which aims to service much of Eurasia.

By the 1980s Uzbekistan also produced two-thirds of Soviet cotton. As the prestige of local politicians and managers was tied in with this, more extreme measures were taken to expand production. Heavy use of fertilizers caused widespread pollution and health problems. Associated irrigation schemes created an ecological disaster in the Aral Sea and the rivers flowing into it.

The 26,300 square miles (68,000 sq. km) Aral Sea, which extends from Kazakhstan into Uzbekistan's autonomous Republic of Karakalpakstan,

was still complete in its water area at 1960, but was virtually without water by 2016. It had been the fourth largest body of inland water, with an average depth of 53 ft (16m), but with a maximum depth of 226 feet (69m) off the western shore. The disappearance of the Aral Sea, due to the Stalin-era (early 1950s) water diversions of the two major rivers feeding the Aral Sea – the Amu Darya and the Syr Darya – to cotton irrigation was one of the largest human-engineered environmental disasters on record.

As with everything else in the country, the Armed Forces and security services underwent a profound modernization when Pres. Mirziyoyev took office. A new defense doctrine was approved by law on January 9, 2018, which showed a distinct orientation toward information warfare and psychological operations in support of conventional and unconventional warfare. It also showed a focus on advanced technology capabilities and operations to counter disruptions to state infrastructure and to manage transborder issues.

But the issue is now being addressed, both in Kazakhstan and Uzbekistan. In Kazakhstan, which holds the northern portion of the Aral, the World Bank, in the 1990s, funded an $87-million project to build a 12km (7.5 mile) dyke – the Kokaral Dam, completed in 2005 – across the narrow channel linking the North Aral Sea with the South. This captured what little water was flowing into the Sea. And then, with improvements to existing channels of the Syr Darya river, which flows northward from the Kazakh side of the Tien Shan Mountains, the flow of water into the North Aral improved. Water levels in the North Aral rose 3.3m in seven months after the dam was completed, and the fishing in-dustry resumed. A plan to raise the height of the dam, and therefore the North Aral Sea, is progressing.

In the South, in the Uzbek Republic of Karakalpakstan, the issue is more difficult, so the initial task has been to address human concerns in the region as a first priority; then ecological concerns regarding the stabilization of the seabed with plant life; and then finding ways to improve the efficiency of irrigation methods to ensure that agriculture can be sustained while restoring water flow back to the Aral. All three aspects have made significant progress, and my visit to the South Aral Sea port city of Muynaq with Jusipbek Sidikbekovich Kazbekov, First Deputy Chair on Environment and Develop-ment of the Aral Sea Region in the Karakalpakstan Council of Ministers, gave strong evidence of that. Kazbekov was trained at the University of Colorado in irrigation engineering.

The once nearly-abandoned city of Muynaq has been dramatically revived, and the fish-ing industry and grazing have re-started in and around the lakes of the region. The economy and the ecology are on the move again.

In the strategic sector, highly-professional and well-funded think-tanks support the President and the Minister of Foreign Affairs. The Institute for Strategic and Regional Studies functions under the President; the Center for International Relations Studies functions under the Foreign Minister. The University of World Economy and Diplomacy functions under the Ministry of Foreign Affairs, with a dedicated Center for International Economic and Political Studies.

In the defense sector, Uzbekistan inherited a manpower base trained in the Soviet Armed Forces, along with an array of Soviet equipment. It had, on independence in 1990, created a Ministry on Matters of Defense, which soon reorganized as the Ministry of Defense. And on January 14, 1992, the Supreme Council of the Republic adopted a resolution taking all military units, military educational institutions, organizations and other military establishments within the country under the Uzbek Government.

But, as with everything else in the country, the Armed Forces and security services underwent a profound modernization when Pres. Mirziyoyev took office. A new defense doctrine was approved by law on January 9, 2018, which showed a distinct orientation toward information warfare and psychological operations in support of conventional and unconventional warfare. It also showed a focus on advanced technology capabilities and operations to counter disruptions to state infrastructure and to manage transborder issues.

In August 2017, Pres. Mirziyoyev issued a presidential decree to remove the National Guard, the internal paramilitary policing organization, as one of the military's branches of service and made it an independent institution, but placed under the Defense Ministry as of January 2018. In July 2019, the Government amended its criminal code, giving the Guard expanded authority.

There had been military basing and training in Uzbek territory for the best part of a century, and much of it was, after independence, incorporated into the Academy of the Armed Forces of Uzbekistan, established in 1994, to serve all branches of the Uzbek Armed Forces (Ground Forces, Air and Air Defense Forces, and Naval [riverine] Force). It incorporated the Tashkent Higher Combined Arms Command School of the Soviet era, and is housed in an extensive facility in Tashkent, where significant dedicated faculties specifically focus on the military practices of Eurasian (including Western Europe-an) and global military operators.

Uzbekistan revises perspectives on what is now possible in Central Asia. And this in turn will nuance the new strategic debate globally.

The Academy — which functions at officer training, command and staff, and war

college levels — focuses strongly on the 3,000 years of military history of the country, with the iconic presence of Amir Timur setting an identity for the Armed Forces. Many senior serving Uzbek officers have had extensive combat experience during the Soviet era, particularly with operations in Afghanistan.

Uzbekistan's Armed Forces have consistently been ranking highly in professionalism, particularly with the Mirziyoyev reforms which have given real impetus to pay, conditions, military education, and equipment.

Uzbekistan revises perspectives on what is now possible in Central Asia. And this in turn will nuance the new strategic debate globally.

Footnotes:

1. Mackinder, Sir Halford John: "The Geographical Pivot of History", article for the Royal Geographical Society, London, 1904. He described the "world island" as comprising the interlinked continents of Europe, Asia, and Africa (Afro-Eurasia), and the heartland at the center of this, stretching from the Volga to the Yangtze and from the Himalayas to the Arctic. In 1919, Mackinder summarized his theory as: "Who rules East Europe commands the Heartland; who rules the Heartland commands the World-Island; who rules the World-Island commands the world", because by his estimates the "world island" would control more than 50 percent of the world's resources.

2. Timur (1336-1405), the founder of the Timurid Empire in Persia and Central Asia, was born and was buried in what is now the Republic of Uzbekistan. He was known during his lifetime as Amir (or Emir: noble leader, commander) Timur, or Timur-i lang (Timurlaine or Tamerlaine), Persian for Timur the Lame. He shared an ancestor with Genghis Khan (d. 1227), the Mongol conqueror. Timur conquered more territory than anyone else but Alexander the Great. Towards the end of his reign, Timur con-trolled all the remnants of the Chagatai Khanate, the Ilkhanatate, and the Golden Horse. He also at-tempted to restore the Yuan dynasty in China. He was born at Kesh, some 50 miles south of Samarkand, the son of a lesser chief of the Barlas tribe, and it was through him that Timur claimed to be a descendant of Tumbinai Setsen, a male-line ancestor he shared in common with Genghis Khan.

3. See, Copley, Gregory R.: "Central Asian Events Mark a Significant Strategic Shift" in Defense & Foreign Affairs Special Analysis, December 2, 2019.

© Copyright 2020, International Strategic Studies Association; reprinted with permission from Strategic Policy journal. www.StrategicStudies.org

Н. Сиражиддинов

Торгово-экономическое сотрудничество Узбекистана со странами Центральной Азии

В современных условиях развитие регионального экономического сотрудничества выступает важным фактором повышения конкурентоспособности национальных производителей, обеспечения устойчивого экономического роста и снижения уровня бедности. Углубление регионального сотрудничества даёт возможность расширить ёмкости рынка и достичь эффекта масштаба, снизить волатильность цен и сформировать конкурентную среду на многих товарных рынках, расширить доступ производителей к более широкому ассортименту сырьевых и промежуточных товаров для производства промышленной продукции. Не менее важно и то, что повышение взаимосвязанности и взаимозависимости стран выступает важным фактором улучшения межнациональных отношений между странами, создает такую ситуацию, когда население каждой страны экономически заинтересовано в успехе и процветании экономик соседних стран.

Развитие и углубление регионального экономического сотрудничества имеет особое значение для стран Центральной Азии, принимая во внимание их географическое расположение и удаленность от основных центров мирового рынка.

Развитие и углубление регионального экономического сотрудничества имеет особое значение для стран Центральной Азии, принимая во внимание их географическое расположение и удаленность от основных центров мирового рынка. Схожесть языков, обычаев, менталитета, вкусов и предпочтений населения стран региона, знание законодательств соседних стран в

Сиражиддинов Н., докт. экон. наук, проф., УМЭД.

Реформы, осуществляемые в последние годы, отказ от протекционистской политики, реализация новой открытой, добрососедской и дружественной политики Узбекистана в отношении соседних стран, закрепленной в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 - 2021 гг., нашли свое отражение и во внешней торговле Узбекистана со странами Центральной Азии.

области внешней торговли, логистики, организации производства и т.д., несомненно, выступают дополнительными факторами, упрощающими процесс углубления торгово-экономического сотрудничества в регионе, что может играть важную роль в диверсификации экспорта и повышении конкурентоспособности производителей в этих странах.

С первых же дней вступления в должность Президента Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев заявил, что в нашей стране особое внимание будет уделено тесному сотрудничеству с зарубежными государствами, прежде всего с соседними странами, с учетом взаимных интересов. Эти цели нашли свое отражение и в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 гг. В ней в качестве приоритетных задач определены вопросы обеспечения безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление глубоко продуманной, взаимовыгодной внешнеполитической деятельности, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства.

За прошедшее короткое время в результате реализованных мер налажены доверительные отношения с соседними странами, ощутимо вырос уровень доверия между государствами региона, созданы благоприятные условия для дальнейшего развития регионального сотрудничества в Центральной Азии. Как отметил Президент Республики Узбекистан Ш.Мирзиёев в своем послании Олий Мажлису 25 января 2020 г., «нам следует и далее укреплять отношения дружбы, добрососедства и стратегического партнерства со странами Центральной Азии во всех сферах» [1].

Проведение Узбекистаном в течение длительного времени протекционистской торговой политики было основным фактором, сдерживающим его торгово-экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии. Реформы, осуществляемые в последние годы, отказ от протекционистской политики, реализация новой открытой, добрососедской и дружественной политики Узбекистана в отношении соседних стран, закрепленной в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 – 2021 гг., нашли свое отражение и во внешней торговле Узбекистана со странами Центральной Азии (рис.1).

Рис. 1. Объемы внешней торговли Узбекистана со странами Центральной Азии, млн долл.США

Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: https://www.stat.uz/uploads/doklad/2018/yanvar-dekabr/ru/13.pdf

Внешнеторговый оборот Узбекистана с этими странами за 2016-2018 гг. увеличился в 1,7 раза – с 2472,4 до 4194,4 млн долл. США, в том числе с Казахстаном – в 1,59 раза, с Кыргызской Республикой – в 2,87 раза, с Таджикистаном – в 1,98 раза, с Туркменистаном – в 1,44 раза (рис. 2).

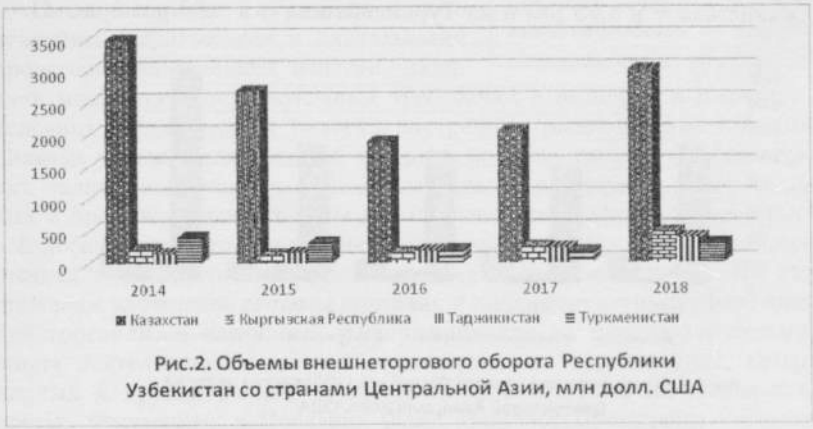

Рис.2. Объемы внешнеторгового оборота Республики Узбекистан со странами Центральной Азии, млн долл. США

Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: https://www.stat.uz/uploads/doklad/2018/yanvar-dekabr/ru/13.pdf

Экспорт Узбекистана в страны Центральной Азии за 2016-2018 гг. возрос в 1,71 раза – с 1310,8 до 2101,1 млн долл. США, в том числе в Казахстан – в 1,54 раза, в Кыргызскую Республику – в 2,87 раза, в Таджикистан – 1,43 раза (рис. 3).

Рис 3. Объемы экспорта товаров Республики Узбекистан в страны Центральной Азии, млн долл. США

Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: https://www.stat.uz/uploads/doklad/2018/yanvar-dekabr/ru/13.pdf

Импорт Узбекистана из стран Центральной Азии за этот период увеличился в 1,8 раза – с 1161,6 до 2093,2 млн долл. США, в том числе из Казахстана – в 1,64 раза, из Кыргызской Республики – в 2,89 раз, Таджикистана – в 4,75 раз и из Туркменистана – в 1,88 раз (рис. 4).

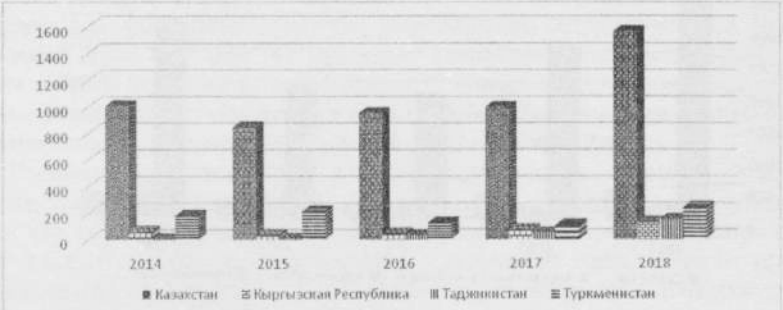

Рис 4. Объемы импорта товаров Республики Узбекистан из стран Центральной Азии, млн долл. США

Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: https://www.stat.uz/uploads/doklad/2018/yanvar-dekabr/ru/13.pdf

Однако, как показывают результаты анализа, в развитии внешней торговли Узбекистана со странами Центральной Азии остаются значительные нереализованные потенциалы по наращиванию объемов взаимной торговли и диверсификации ее структуры.

Одним из факторов, сдерживающих реализацию потенциала, является наличие значительных внешнеторговых барьеров, увеличивающих транзакционные издержки бизнеса. Несмотря на то, что, согласно отчету Всемирного банка «Doing Business», Узбекистан благодаря осуществляемым реформам вошел в топ-20 стран, достигших наибольшего прогресса в улучшении делового климата и поднялся в этом рейтинге с 87-го места в 2016 до 69-го в 2020 г., однако по индикатору «Внешняя торговля» республика занимает в этом рейтинге лишь 152-е место среди 190 стран [14]. На пограничный и таможенный контроль при экспорте тратится 32 часа, при импорте – 111 часов, а финансовые расходы и при экспорте, и при импорте составляют 278 долл. США. На оформление документов при экспорте тратится 96 часов, при импорте – 150 и расходуются соответственно 292 и 242 долл. США. Для сравнения: во всех странах ЕС расходы времени и финансов на пограничный и таможенный контроль как при экспорте, так и при импорте равны нулю, а расходы времени на таможенное оформление документов как при экспорте, так и при импорте равны 1 часу [14].

Однако, как показывают результаты анализа, в развитии внешней торговли Узбекистана со странами Центральной Азии остаются значительные нереализованные потенциалы по наращиванию объемов взаимной торговли и диверсификации ее структуры.

Сложившуюся ситуацию можно объяснить избыточными и длительными процессами таможенной очистки, наличием множества документальных требований к экспорту и импорту. В условиях недостаточной емкости внутренних рынков такие неблагоприятные условия для внешней торговли не позволяют во многих отраслях экономики добиться эффекта масштаба, расширить выбор сырьевых и промежуточных товаров для производства изделий с более высокой добавленной стоимостью, создать конкурентную среду на товарных рынках и повысить конкурентоспособность производителей. По этим причинам улучшение системы контроля и инфраструктуры в сфере внешней торговли, в частности, реформирование на основе зарубежного опыта деятельности таможенных, санитарных, карантинных, ветеринарных и других служб, осуществляющих контроль на таможенных постах, отмеченных в Послании Олий Мажлису Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева [1], имеет важное значение для решения этой проблемы.

Важным шагом в либерализации внешней торговли и снижении транзакционных издержек осуществления экспортно-импортных операций должна стать реализация поручений главы государства, поставленных на совещании, посвященном приоритетным задачам по реформированию системы внешнеэкономической деятельности [2]. В частности, поручено наладить систему, при которой контроль осуществляется не на границе, а до прибытия груза к границе или после выведения продукции в свободный оборот внутри страны; поставлена задача разработать новый Таможенный кодекс, усовершенствовать структуру и администрирование таможенных органов с привлечением международных экспертов; поручено полностью оцифровать процесс выдачи разрешений и заключений лабораторной проверки; внедрить автоматизированную систему риск-анализа, оснастить пограничные посты современными технологиями, ввести в строй до 1 октября 2020 г. ситуационный центр и др.

Важным фактором сокращения временных и финансовых затрат при осуществлении внешней торговли может стать выполнение мер по упрощению торговых процедур и внедрению безбумажной торговли.

Важным фактором сокращения временных и финансовых затрат при осуществлении внешней торговли может стать выполнение мер по упрощению торговых процедур и внедрению безбумажной торговли[1] [13]. По результатам проведенного в 2019 г. исследования оценка выполнения Узбекистаном мер по упрощению процедур торговли составила 62,37% против 24,73% в 2017 г. Выполнение мер по упрощению трансграничной безбумажной торговли составило 33,33% (0,00% в 2017 г.), безбумажной торговли – 74,07% (29,63%), институционального устройства и сотрудничества – 33,33% (22,22%), формальности – 70,83% (20,83%) и прозрачности – 80,00% (53,33%). Следовательно, из 53 предусмотренных мер по упрощению внешней торговли в Узбекистане полностью реализованы 24, частично реализованы – 6, на стадии планирования находятся 4, не реализованы – 6.

Создание Национального комитета по упрощению процедур торговли и общепризнанного сертификационного органа, участие в трансграничном электронном обмене данными, касающимися торговли, применение единых стандартов данных и стандартов обмена сообщениями, проведение совместных обучающих мероприятий, налаживание взаимного электронного обмена сертификатами о происхождении, а также

[1] Глобальный обзор ООН по цифровой и устойчивой торговле в настоящее время охватывает 128 экономик и 53 меры (с учетом отсутствия выходов к морю для Узбекистана 52 меры), связанные с Соглашением ВТО об упрощении процедур торговли (TFA), а также с безбумажной торговлей и договором ООН о трансграничной безбумажной торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе (FA -CPT) по состоянию на момент их реализации в странах.

реализация других мер, предусмотренных в Упрощении процедур торговли и внедрения безбумажной торговли в полном объеме, будут способствовать внедрению мировых стандартов для облегчения международной торговли в Узбекистане, что приведет к повышению конкурентоспособности экономики и росту благосостояния населения.

Другим важным направлением развития торгово-экономического сотрудничества Узбекистана со странами Центральной Азии стало расширение промышленной кооперации предприятий этих стран. Кооперация, представляющая собой эффективную форму сотрудничества и взаимодействия предприятий, считается одним из наиболее распространенных способов повышения конкурентоспособности промышленного производства.

Мировая практика показывает, что формирование производственной кооперации между предприятиями региона позволяет интенсифицировать приграничную торговлю, эффективно организовывать совместную производственную деятельность, основанную на специализации и кооперировании производства, создавать новые рабочие места и обеспечивать занятость населения приграничных регионов. Опыт КНР, Вьетнама, Таиланда и других стран Юго-Восточной Азии свидетельствует о том, что создание международных специальных экономических зон открывает возможности для повышения деловой активности и уровня жизни населения сопредельных территорий, повышения конкурентоспособности выпускаемых товаров и услуг за счет объединения природно-ресурсного, экономического, научно-технического и интеллектуального потенциалов стран региона.

Развитие кооперационных связей предприятий Узбекистана с предприятиями других стран Центральной Азии и формирование региональных цепочек добавленной стоимости будут способствовать углублению разделения труда и специализации в регионе, повышению производительности труда и конкурентоспособности промышленных товаров, укреплению региональных связей и интенсификации интеграционных процессов. Создание и развитие региональных цепочек добавленной стоимости позволит странам приобрести новые сравнительные преимущества, достичь экономии от роста масштабов производства, тем самым откроет новые возможности для развития взаимной торговли и диверсификации ее товарной структуры. Развитие региональных производственных сетей создаст предпосылки для включения предприятий стран региона в глобальные цепочки стоимости.

Развитие региональных производственных сетей создаст предпосылки для включения предприятий стран региона в глобальные цепочки стоимости.

Возможности развития промышленной кооперации между предприятиями стран Центральной Азии во многом зависят от роста потоков взаимных прямых иностранных инвестиций, которые направляются для организации совместных производств, открытия филиалов, дочерних и ассоциированных компаний. Создание совместных предприятий стало основной формой организации кооперационных взаимодействий между предприятиями стран-партнеров. Например, к 1 декабря 2019 г. в Узбекистане функционировало 793 предприятия с участием казахстанского капитала, 153 предприятия с участием кыргызстанского капитала, 159 предприятий с участием таджикистанского капитала и 148 предприятий с участием туркменистанского капитала [16], при этом 404 предприятия с участием казахстанского капитала были совместными предприятиями, 389 – иностранными предприятиями. Аналогичные показатели для предприятий с участием кыргызстанского капитала составили 87 и 66, таджикистанского капитала – 92 и 67, туркменистанского капитала – 66 и 82. Однако другие формы международной промышленной кооперации, такие как аутсорсинг, субконтрактация, франчайзинг, организация совместных промышленных кластеров, еще не получили достаточного развития в регионе.

В интенсификации экономических связей региона важную роль может сыграть создание международных специальных экономических зон.

В интенсификации экономических связей региона важную роль может сыграть создание международных специальных экономических зон (СЭЗ). Наиболее распространенными формами этих видов экономического сотрудничества в мировой экономике стали приграничные экономические зоны, трансграничные экономические зоны и треугольники роста. Выбор типа СЭЗ зависит от степени взаимодополняемости экономических потенциалов приграничных регионов, возможности развития кооперационного взаимодействия между предприятиями сопредельных территорий, потенциала расширения приграничной торговли.

Узбекистан имеет благоприятные возможности для создания различных международных СЭЗ: пограничной зоны свободной торговли с целью расширения объемов приграничной торговли, приграничной зоны экономического сотрудничества, трансграничных специальных экономических зон, а также треугольника роста в месте пересечения территории трех стран региона – в Ферганской, Баткенской и Согдийской областях. Примечательно, что в Андижанском, Термезском и Кунградском районах в 2020 г. предусматривается создание зон свободной торговли и развитие посредством этого приграничной торговли [1].

Эффективность функционирования приграничного экономического сотрудничества во многом зависит от наличия адекватной институциональной базы трансграничного взаимодействия и уровня административных барьеров в приграничной торговле. Учреждение институтов и развитие инфраструктуры, облегчающей кооперационное взаимодействие предприятий региона, формирование законодательной базы и различных типов международных зон экономического сотрудничества послужат важным инструментом развития приграничной торговли и международной промышленной кооперации, что обеспечит устойчивое развитие сопредельных территорий стран Центральной Азии, будет способствовать повышению уровня занятости и благосостояния населения этих стран.

Важным направлением развития регионального торгово-экономического сотрудничества и промышленной кооперации является проведение согласованной агропромышленной политики и формирование единого рынка продукции агропромышленного комплекса стран Центральной Азии. Выработка согласованных подходов к развитию сельского хозяйства стран и облегчение приграничной торговли сельскохозяйственной продукцией, углубление специализации и расширение кооперации, формирование кластеров и региональных цепочек добавленной стоимости в агропромышленной сфере позволят значительно расширить предложение и улучшить снабжение перерабатывающих предприятий сельскохозяйственным сырьем, сократить затраты на производство, транспортировку, хранение и реализацию продовольственных товаров, увеличить степень их промышленной переработки.

Эффективное взаимодействие фермеров, перерабатывающих предприятий, торгово-сбытовых компаний возможно посредством создания агропродовольственных кластеров на территории трансграничных СЭЗ, в которых налаживается полный цикл производства готовых продовольственных товаров с высокой добавленной стоимостью. Для повышения конкурентоспособности выпускаемой на территории трансграничных кластеров продовольственной продукции большое значение имеет внедрение международных стандартов качества и безопасности пищевой продукции, а их продвижение на внешних рынках потребует разработки региональной торговой марки и узнаваемого бренда.

Важным направлением развития регионального торгово-экономического сотрудничества и промышленной кооперации является проведение согласованной агропромышленной политики и формирование единого рынка продукции агропромышленного комплекса стран Центральной Азии.

Формирование единого рынка продукции агропромышленного комплекса в странах Центральной Азии предпола-

гает поэтапное осуществление таких мероприятий, как облегчение приграничной торговли продукцией агропромышленного комплекса через упрощение системы таможенной очистки товаров; совместное развитие агропромышленного сектора приграничных областей и повышение уровня переработки сельскохозяйственной продукции посредством построения на сопредельных территориях вертикально-интегрированных структур, объединяющих фермеров, перерабатывающие предприятия и торгово-сбытовые компании, что позволит сформировать региональную сеть производства продукции агропромышленного комплекса, удовлетворяющую потребности не только внутреннего рынка стран Центральной Азии, но и внешних рынков.

Облегчение взаимной торговли продукцией агропромышленного комплекса также требует гармонизации правил в области санитарного и фитосанитарного контроля, мер, регламентирующих продовольственную безопасность и стандарты для пищевой продукции.

Важную роль в упрощении взаимной торговли продукцией агропромышленного комплекса может играть применение механизма «зеленых коридоров» для ускорения процесса таможенной очистки товаров, который включает специальные каналы ввоза и вывоза с таможенной территории страны сельскохозяйственной продукции и «единое окно» для осуществления быстрой таможенной очистки и инспекции товаров. Заключение межправительственных соглашений между Узбекистаном и другими странами Центральной Азии о совместном учреждении «зеленых коридоров» для оперативного пропуска сельскохозяйственной продукции через пограничные пункты позволит значительно интенсифицировать двухстороннюю торговлю сельскохозяйственными товарами.

Облегчение взаимной торговли продукцией агропромышленного комплекса также требует гармонизации правил в области санитарного и фитосанитарного контроля, мер, регламентирующих продовольственную безопасность и стандарты для пищевой продукции. Для достижения гармонизации правил в области обеспечения безопасности и качества пищевой продукции с общепринятыми международными законами и принципами целесообразно открывать в странах Центральной Азии представительства международно-признанных организаций по сертификации, которые будут содействовать внедрению на предприятиях агропромышленного сектора системы управления безопасностью пищевых продуктов HACCP, а также международных стандартов ISO. Гармонизация законодательных актов и положений центральноазиатских стран, регулирующих безопасность продуктов питания, позволит значительно сократить

транзакционные издержки измерения качества товаров при пересечении границ.

Усиление торгово-экономических связей, промышленной кооперации и задействование транзитного потенциала этих стран, принимая во внимание их географическое расположение и удаленность от центров мировой торговли, станут важными факторами снижения транспортных издержек в себестоимости товаров, расширения емкости рынка и достижения эффекта масштаба, расширения выбора сырьевых ресурсов, формирования конкурентных товарных рынков и снижение волатильности цен на многих рынках товаров. Это приведет к привлечению иностранных инвестиций, повышению экспортного потенциала и более эффективному использованию преимуществ международного разделения труда и международной торговли.

Литература

1. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 25.01.2020. http://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeev-25-01-2020.
2. Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. Проанализированы проблемы и определены актуальные задачи в сфере внешней торговли. https://president.uz/ru/lists/view/3343.
3. *Буранелли Ф.К.* Страны Центральной Азии развивают свои собственные пути сотрудничества. «CABAR.asia», 06.05.19. http://inozpress.kg/news/view/id/54101.
4. *Зиёдуллаев Н.* Страны Центральной Азии на пути к интеграции. http://www.ng.ru/dipkurer/2018-09-16/11_7311_integrat.html.
5. *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии. – 2008.
6. *Кузнецов А., Кеженова А.* Новый этап центральноазиатской интеграции. 3 декабря 1919 г. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-tsentralnoaziatskoy-integratsii/#detail.
7. *Лаумулин М.Т.* Новая динамика сотрудничества в Центральной Азии: перспективные цели и задачи. https://isca.kz/ru/analytics-ru/3445.
8. *Махмутова Е.В.* Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели// Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – №4 (61). – С. 78-91.
9. *Назаров Ш.* Экономический ландшафт Центральной Азии // Экономическое обозрение, №10 (226), 2018.
10. Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания: Коммюнике Международной конференции по обеспечению безопасности и устойчивого развития в Центральной Азии под эгидой ООН. (Самарканд, 10-11 ноябрь 2017 г.).
11. *Юсупов Ю.* Перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии. Сентябрь 10, 2018. https://caa-network.org/archives/14095.

12. *Burunciuc Lilia*. Усиление экспортного потенциала продовольствия стран Центральной Азии за счет модернизации санитарных и фитосанитарных мер. https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/central-asia-modernizing-sanitary-and-phytosanitary-measures.

13. UNGlobal Survey on Digital and Sustainable Trade Facilitation. Trade Facilitation and Paperless Trade. https:// https://untfsurvey.org/

14. Всемирный банк. Doing Business. Оценка бизнес-регулирования. https://russian.doingbusiness.org/ru/data/exploreeconomies/

15. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: https://www.stat.uz/uploads/doklad/2018/yanvar-dekabr/ru/13.pdf.

16. Аналитическая информация о демографии предприятий и организаций, обладающих статусом юридических лиц по состоянию на 1 декабря 2019 года. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике, Ташкент, 2019 г. https://stat.uz/uploads/docs/registr_noyabr.pdf.

Б.А. Исламов, М.Я. Исохужаева

Актуальные вопросы системы управления электронной коммерцией в Узбекистане в условиях его перехода к цифровой экономике

Инновации, основанные на электронных данных, являются базовым элементом современных источников развития в XXI в. Активный переход к внедрению цифровых технологий позволит значительно сократить время ответа на актуальные вызовы экономики и потребителей. В своем Послании Олий Мажлису Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиеев отметил: «В современном мире цифровые технологии играют решающую роль во всех сферах. Широкое внедрение цифровых технологий способствует эффективности государственного и общественного управления, развитию социальной сферы, одним словом, кардинальному улучшению жизни людей... Ускоренный переход на цифровую экономику станет нашей приоритетной задачей на следующие пять лет».[1] В связи с этим наибольший интерес представляют вопросы развития электронной коммерции, особенно с объявлением 2020 года в Узбекистане Годом развития науки, просвещения и цифровой экономики.

В связи с вхождением Республики Узбекистан в экономику с использованием услуг электронной коммерции появилась необходимость обеспечения безопасности электронного ведения бизнеса. Проблема

Исламов Б.А., докт. экон. наук, профессор, директор Филиала МГИМО (У) в г. Ташкенте, профессор филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова в г. Ташкенте.
Исохужаева М.Я., канд. экон. наук, доц. Филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова в г. Ташкенте.

[1] https://www.norma.uz/nashi_obzori/2020_god_-god_razvitiya_nauki_prosveshcheniya_i_cifrovoy_ekonomiki

обеспечения безопасного ведения электронной коммерции с использованием IT-технологий и глобальных информационных сетей является одной из самых актуальных в современном деловом мире. В этих условиях появляются рискованные ситуации, вызванные применением современных информационных технологий в предпринимательской деятельности. В ходе электронной торговли безопасность означает сохранение системой стабильности, устойчивости и возможности саморазвития. Она свидетельствует о состоянии защищенности от возможного нанесения ущерба, способности к сдерживанию или парированию вредных воздействий, а также к быстрой компенсации нанесенного ущерба.

Проблема обеспечения безопасного ведения электронной коммерции с использованием IT-технологий и глобальных информационных сетей является одной из самых актуальных в современном деловом мире.

По результатам опроса топ-менеджеров крупнейших организаций, ведущих свой бизнес в России, киберугрозы являются для них одним из основных препятствий для развития бизнеса. Под прицелом киберпреступников находятся компании из самых разных секторов экономики: банковские и финансовые организации, розничная торговля, инвестиционные компании, телекоммуникации, промышленное производство, страховые компании и др. 60% руководителей предприятий в Узбекистане считают, что рост конкуренции на рынке может дестабилизировать их бизнес в ближайшие пять лет. Такие данные показал первый узбекистанский выпуск глобального опроса руководителей крупнейших компаний мира CEO Survey. Он был презентован 26 июля 2018 г. в Ташкенте.[1]

По результатам проведенного аудиторской организацией Price waterhouse Coopers (PwC) ежегодного опроса руководителей крупнейших компаний мира степень влияния киберугроз на бизнес поднялась с 10-й на 6-ю позицию. Результаты ежегодного опроса, в котором приняли участие более 9 700 респондентов, показали, что общее число инцидентов информационной безопасности резко возросло – на 48% – по сравнению с уровнем 2017 г., составив в общей сложности 42,8 млн инцидентов. Это означает, что в среднем каждый день совершалось 117 339 кибератак.[2]

Больше всего инцидентам информационной безопасности подвергается средний бизнес: этот показатель растет в среднем на 64% в год; в

[1] https://www.gazeta.uz/ru/2018/07/26/ceo-survey

[2] www.pwc.ru/cybersecurity – Взаимопроникновение цифровых технологий и актуальные риски Безопасности.

крупном бизнесе он вырастает на 44% в год. Небольшие компании располагают меньшими возможностями для обнаружения атак.

* * *

Электронной коммерции в полной мере присущи традиционные предпринимательские риски и вместе с тем выявлены специфические риски, проистекающие из самих технологий электронной коммерции. В частности, риски, связанные с информационной безопасностью: риск нарушения конфиденциальности информации, риск искажения информации, риск утраты информации, риск сбоя информации.

Одним из факторов, сдерживающих развитие электронной коммерции, являются правовые риски. Причиной их возникновения стали недостатки законодательного регулирования, что обусловливает нарушение обеспечения необходимого уровня безопасности в электронной торговле. Чтобы избежать правовые риски, требуется лицензионное оформление деятельности для конечных потребителей технологий, приобретение сертифицированных средств защиты информации, использование стандартов в области электронной коммерции, страхование деятельности торговли в виртуальной среде.

Риски возникают из-за специфических угроз электронной коммерции, включающих в себя внешние (вирусы и вредоносные программы, хакерские атаки, мошенничества, спам, угроза завладения интеллектуальной собственностью правообладателя) и внутренние угрозы (кража информации, саботаж, недостаточный профессионализм или халатность сотрудников).

Риски можно классифицировать по следующим критериям: по природе возникновения, по возможным последствиям, по масштабам, по содержанию, по сфере возникновения, по возможности страхования, по видам предпринимательской деятельности, по возможности диверсификации.

Руководителей компаний беспокоит больше всего конфиденциальность персональных данных, потенциальные юридические риски и утрата интеллектуальной собственности.

Руководители компаний включают информационную безопасность в тройку наиболее важных аспектов при использовании IT-технологий и воспринимают инвестиции в эту область не только как вложения в повышение защищенности от угроз, но и как инструмент для создания доверия к бизнесу, которое в наше время является ключевым элементом для сотрудничества.

Для совершенствования деятельности электронной коммерции в Узбекистане необходимо решить комплекс задач: урегулирование воп-

росов правовой электронной бизнес-деятельности, обеспечение безопасности осуществления электронного бизнеса, создание условий государственной поддержки, интеграция с мировым информационным пространством, повышение компьютерной грамотности и понимания необходимости использования услуг, подготовка и повышение квалификации кадров в области электронной коммерции. Основываясь на принципах уважения национальных приоритетов экономического, социального и культурного развития, стратегическими направлениями государственной политики в сфере электронной коммерции становится государственная, правовая и организационная поддержка в следующих видах: стимулирование предпринимательских структур, занимающихся электронной коммерцией, создание структуры ДТС в системе электронной коммерции как гаранта безопасности, надежности и прозрачности отношений между субъектами сделок, создание системы информационно-маркетинговых, учебно-консультационных центров, организация подготовки и повышения квалификации кадров, создание условий для формирования навыков использования экономическими субъектами услуг электронной коммерции, возможностей и путей выхода к ней, дальнейшая интеграция бизнес-сообщества республики в мировую электронную экономику.

Для совершенствования деятельности электронной коммерции необходимо решить комплекс задач, в их числе повышение компьютерной грамотности и понимания необходимости использования услуг.

Виртуальная торговля в Республике Узбекистан не стала еще достаточно широко распространенной формой совершения актов купли-продажи и заключения деловых сделок, осуществляемых с помощью Интернета. Рынки электронной коммерции «бизнес – потребитель» и «бизнес – бизнес» ограничены из-за низкого доверия к электронной торговле и у покупателей, и у продавцов, отсутствия прозрачности в ведении дел.

К серьёзным проблемам, препятствующим успешному развитию электронной коммерции во многих странах мира, относятся следующие: нарушение действующего законодательства, логистика, доставка товара, относительно низкий уровень телефонизации, отсутствие доступного выхода в сеть в регионах, невысокая степень развития единой банковской системы, неразработанность механизмов оплаты по банковским чекам и кредитным картам, отсутствие развитой системы оплаты покупок через Интернет, недостаточная сеть мобильной коммерции, неразвитость социальных сетей, виртуальных миров и мультимедийных сайтов. Ликвидация этих недостатков изменила бы поведение покупателей и повысила уровень требований к онлайновой коммерции. Раз-

витие электронной торговли тормозят также, во-первых, отсутствие гарантии качества со стороны государства, поскольку ни одно правительство не может применить внутренние санкции к зарубежной компании, работающей в системе электронной торговли; во-вторых, стоимость доставки товаров в разные страны мира достаточно высока, затраты на перевозку возрастают за счет импортных пошлин и других налогов.

В Республике Узбекистан осуществляется комплекс мер, направленных на внедрение и развитие электронной коммерции, отвечающих требованиям и правилам международной торговли. Это позволит республике стать равноправным членом ВТО и участником мирового рынка. Совершенствуется таможенное законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность, например, в сфере лицензирования и сертификации. Подготавливается проект закона о защите персональных данных; продолжается разработка вопросов стандартизации в области электронной коммерции, страхования субъектов электронной коммерции, лицензирования деятельности в области электронной коммерции и сертификации инструментов электронной коммерции, уточняются обязательства по электронным транзакциям, обеспечения информационной безопасности; условия функционирования электронного фондового рынка, а также уголовное и административное законодательство для усиления ответственности участников электронной коммерции. Необходимо систематизировать предметный перечень товаров, подлежащих обязательной сертификации и гармонизации с международными и национальными стандартами в области электронной торговли.

Чтобы создать условия для развития малого бизнеса и предпринимательства в сфере электронной коммерции (например, предоставить административные, налоговые, информационные и другие льготы), необходимо пересмотреть ставки доходов и единые социальные налоги, таможенные пошлины (путем создания единой таможенной зоны со странами ближнего и дальнего зарубежья) и упростить процедуры прохождения через таможенную зону для объектов электронной коммерции. Важно стимулировать развитие электронной коммерции в сельской местности, предоставляя различные формы льгот, преференций, создавая механизм льготного кредитования населения при приобретении ИКТ-продуктов и использовании услуг электронной коммерции.

Создание специализированных кредитных систем для предприятий малого и среднего бизнеса, использующих услуги электронной коммерции, привлечет производителей товаров и услуг к онлайн-продажам, что создаст конкурентоспособность в виртуальной среде.

Чтобы увеличить продажи в виртуальной среде, также необходимо увеличить объем экспорта товаров и услуг через Интернет. Формиро-

вание системы интернет-банкинга и развитие мобильного банкинга будут способствовать росту удаленного управления счетами. Разработка и внедрение электронной системы страхования, включая интернет-страхование при внедрении электронной коммерции, повысит доверие пользователей и, следовательно, спрос на услуги в виртуальной среде.

Необходим постоянный обмен положительным опытом со странами ближнего и дальнего зарубежья в области информатизации. Увеличение количества интернет-магазинов и расширение ассортимента товаров и услуг приведут к снижению цен на доставку товаров через интернет-магазины. Разнообразное функционирование финансовых институтов будет обеспечиваться развитием системы электронных платежей с расширением спектра услуг, в том числе межбанковского сотрудничества. Широкомасштабное внедрение универсальных электронных пластиковых карточек позволит охватить все возможные виды электронных платежей. Создание благоприятных условий для широкого привлечения инвестиций, в том числе иностранных, грантов международных организаций, финансовых институтов, компаний, фирм и др. явится основой для устойчивого роста показателей электронной коммерции за счёт привлечения инвестиций.

В ходе совершенствования инфраструктуры системы управления электронной коммерцией требуется разработать механизм сертификации инструментов электронной коммерции и лицензирования деятельности в области электронной коммерции. Необходимы также меры для улучшения процедур сертификации, которые включают упрощение доступа к информации, необходимой заявителям на получение сертификата для определения технических требований и процедур; оптимизацию сроков сертификационных процедур, которые быстро выведут технологии на рынок; установление рациональной платы за проведение процедур сертификации, включая затраты на испытания, которые позволят производителям проводить собственный контроль или выбирать одну из нескольких испытательных лабораторий, где именно должны проводиться испытания; введение последовательных процедур оценки соответствия, которые позволяют производителям создавать рациональные и реалистичные бизнес-планы; автоматическое продление сертификатов – ресертификация (необходимо упростить процедуры повторной сертификации в случае, если изменения продукта влияют на технические параметры).

В этой связи самого серьезного внимания заслуживает применение специализированных программных и программно-аппаратных средств защиты, отвечающих требованиям безопасности информации Государственной системы сертификации. Исходя из анализа зарубежного и оте-

чественного опыта, необходимо создать прозрачные условия для лицензирования деятельности в сфере электронной коммерции.

Целесообразно предложить следующие рекомендации: заменить лицензирование деятельности по защите информации ее сертификацией, что обеспечит необходимое качество инструментов и услуг по защите информации; внедрить механизм негосударственного регулирования сектора ИКТ, например, независимых ассоциаций, бизнес-сообществ и др.

Чтобы создать условия для развития малого бизнеса и предпринимательства в сфере электронной коммерции, необходимо пересмотреть ставки доходов и единые социальные налоги, таможенные пошлины и упростить процедуры прохождения через таможенную зону для объектов электронной коммерции.

Для определения единых стандартов и правил управления электронной торговли в стране и за рубежом необходимо создать систему стандартизации в области электронной коммерции, в том числе внедрить международные стандарты в области электронной коммерции и процедуры поддержки коммерческих сделок, признанные международным сообществом.

Чтобы ускорить развитие торговли в виртуальной среде в стране, нужно организовать следующие мероприятия. Для развития системы доставки товаров и услуг целесообразно расширить почтовые и транспортные услуги, в том числе внедрить электронную систему для отслеживания движения товаров. Подключение сельского населения к единому электронному документообороту будет обеспечено путем создания центров регистрации ключей ЭЦП в регионах.

Появление устойчиво функционирующих многоцелевых пунктов коллективного доступа в сельской местности (в библиотеках, учебных заведениях, почтовых отделениях) по приемлемым ценам или при бесплатном доступе к различным информационным ресурсам, в первую очередь Интернету, при соблюдении прав интеллектуальной собственности и поощрении использования информации и обмена знаниями позволит ускорить процесс интеграции населения страны в виртуальную среду.

Искоренение компьютерной и интернет-безграмотности возможно при помощи СМИ в виде пропаганды и внедрения электронной коммерции в повседневную жизнь.

Изучение и анализ международных тенденций создания и развития электронной коммерции показывает, что подготовка и переподготовка кадров для работы в сфере электронной коммерции имеет важное значение. Для этого необходимы следующие поэтапные мероприятия:

изучение потребности в специалистах по электронной коммерции;

планирование и прогноз подготовки специалистов, учитывающие мировые, региональные и национальные тенденции спроса и предложения;

разработка стандартов обучения специалистов; выработка предложений по координации обучения специалистов по электронной коммерции в секторах экономики;

создание специализированных центров обучения в области электронной коммерции;

обеспечение связи обучения с производством за счёт организации стажировок в структуры, участвующие в процессе электронной коммерции;

создание учебных программ и учебно-методической литературы на национальном языке и в различных форматах по обучению бакалавров и магистров в области электронной коммерции;

совершенствование и развитие на основе мирового опыта системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области электронной торговли путём создания информационно-маркетинговых и учебно-консультационных центров;

обеспечение трудоустройства выпускников по направлению «электронная коммерция».

Важным вопросом остается социальный аспект использования услуг электронной коммерции в регионах посредством повышения культуры их использования, создания многоцелевых пунктов коллективного интернет-доступа (в библиотеках, учебных заведениях, на почтовых отделениях) в целях совершенствования обслуживания населения и повышения качества его жизни.

* * *

Проведённый анализ зарубежного опыта развития электронной коммерции позволяет сделать ряд существенных выводов и предложений, которые необходимо учесть для бизнес-сообщества Узбекистана. Нужно реализовать разработку мощных, надежно работающих и безопасных серверов, доступных по цене для массового покупателя (альтернативой является блокчейн); обеспечить безопасность электронных транзакций; развивать онлайновую культуру; налаживать телекоммуникационную инфраструктуру, включающую регионы страны; распространять кредитные карты; добиваться соответствия деятельности электронных платежных систем с зарубежными платежными системами; развивать механизмы взаимодействия с международными финансовыми структурами; совершенствовать фискальную направленность таможенных операций международной торговли; поддерживать культуру заказов и продаж по каталогам; организовать эффективные системы экспресс-доставки; развивать мобильную коммерцию, разрабатывать вопро-

сы стандартизации в сфере электронной коммерции, страхования субъектов электронной коммерции, лицензирования деятельности в сфере электронной коммерции и сертификации средств электронной коммерции, восполнить нехватку кадрового потенциала в регионах, вовлекать население регионов в мировую электронную торговлю.

При изучении национальных приоритетов и международных требований к электронной коммерции предлагается включить перечень рекомендаций в программу развития электронной коммерции на среднесрочную перспективу: продолжать работы по устойчивому развитию электронной коммерции путем расширения доступа к национальной и международной инфраструктуре электронной торговли, включая интернет- участников электронной коммерции; завершить работы по созданию локальных и корпоративных информационно-коммуникационных сетей в основных секторах экономики; создать внешнеторговый информационный портал; завершить формирование нормативно-правовой базы для ведения электронного бизнеса, составить программу развития инфраструктуры электронной торговли; внедрять современные системы электронного документооборота с применением электронной цифровой подписи в организациях различных форм собственности; завершить разработку программных продуктов для организации электронных торговых площадок, электронных магазинов и салонов, эксплуатировать внешнеторговые и информационные порталы; создать электронные торговые площадки в каждом областном центре и вести мониторинг товарного рынка; расширить сеть электронных магазинов, салонов в регионах страны; создать систему государственных закупок с использованием торговли в виртуальной среде; развивать онлайновые платежные системы и внедрять системы дистанционного управления банковскими счетами; расширять электронную экспортную площадку Узбекистана; стимулировать инвестиции со стороны частного сектора, поощрять создание новых приложений и разрабатывать контент развития партнерских отношений между государственным и частным секторами, проводить совместные мероприятия на национальном, региональном и международном уровнях.

Литература

1. Закон Республики Узбекистан №613-II «Об электронной коммерции» от 29.05.2004 г. (настоящий Закон принят в новой редакции в соответствии с Законом Республики Узбекистан от 22 мая 2015 г. № ЗРУ-385 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «Об электронной коммерции».

2. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан на 2019–2025 гг.» №УП-4947 от 07.02.2017 г.

3. Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по внедрению цифровой экономики, электронного правительства, а также информационных систем в государственном управлении Республики Узбекистан» № УП-5598 от 13 декабря 2018 г.

4. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан» № ПП-3832 от 3 июля 2018 г.

5. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по ускоренному развитию электронной коммерции» № ПП-3724 от 14 мая 2018 г.

6. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису 28.12.2018. Режим доступа: http://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeevas-28-12-2018.

7. *Лапидус Л.В.* Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. www.dx.doi.org/10.12737/textbook_5ad4a78dae3f27.69090312. – Режим доступа: http://znanium.com/catalog/product/995938

8. ВТО. http://www.wto.org/

9. Официальный сайт Центра научно-технических и маркетинговых исследований www.unicon.uz

10. Электронный журнал Infocom.uz http://ru.infocom.uz/

И.А. Хамедов

К вопросу о повышении позиции Республики Узбекистан в международных рейтингах и индексах

В Узбекистане предпринимаются системные, масштабные меры по формированию благоприятного инвестиционного климата и улучшению бизнес-среды. Доклад *«Doing Business»* (*«Ведение бизнеса»*), который издаётся с 2004 г. Всемирным Банком, является своеобразной картой инвестиционного климата мира. В соответствии с рейтингом индекса степени благоприятности условий ведения бизнеса странам присваиваются места от 1 до 190. Для каждой страны индекс рассчитывается по нескольким направлениям: получение разрешений на строительство; подключение к системе электроснабжения; регистрация собственности; получение кредита; защита миноритарных инвесторов; уплата налогов; международная торговля; обеспечение исполнения контрактов; разрешение неплатежеспособности; государственные закупки; регулирование рынка труда. Рейтинг по каждому направлению представляет собой простое «среднее» рейтингов по составляющим ее компонентам.[1]

Хамедов И.А., профессор, докт. юрид. наук, руководитель Центра международно-правовых исследований и сравнительного публичного права УМЭД.

[1] Активная деятельность правительства в сфере совершенствования деловой среды способствовала поднятию рейтинга Узбекистана в ежегодном докладе Всемирного банка «Ведение бизнеса» с 166-го места в 2012 г. на 74-е место в 2017 г., в частности, согласно докладу «Введение бизнеса: реформирование для создания рабочих мест» 2017 г. Узбекистан вошел в число 10 ведущих экономик, улучшивших показатели по 3 и более направлениям «Ведение бизнеса» в период 2016-2017 гг.

В 2018 г. Узбекистана опустился на 2 позиции и занял 76-е место. «Узбекистан осуществил три реформы в 2017-2018 годы с целью создания более благоприятных условий для ведения бизнеса. Страна заняла 76-е место в рейтинге из 190 экономик мира», – говорится в сообщении представительства Всемирного Банка.

Следует отметить, что Узбекистан лидирует по темпам улучшения условий ведения бизнеса среди стран Европы и Центральной Азии.

Повышению рейтинга Узбекистана способствовало улучшение его показателей по ряду индикаторов качества деловой среды, которое произошло в 2017-2018 гг. В частности, речь идет о следующих индикаторах: налогообложение

В связи с важностью рейтинга «Ведение бизнеса» как индикатора качества деловой среды в Узбекистане в рамках программы действий на 2018 год – Год поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий был разработан план мер по улучшению места страны в международном рейтинге «Ведение бизнеса». Были реализованы реформы в сфере улучшения работы банков с субъектами предпринимательства, реформирования налоговой системы в направлении ещё большей поддержки предпринимателей, продолжено реформирование таможенной системы в направлении обеспечения её соответствия международным стандартам, улучшения логистического потенциала страны.

В соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан «О государственной программе по реализации стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 – 2021 годах» в Год активных инвестиций и социального развития (№УП-5635 от 17.01.2019 г.), согласно Приложению № 3, был утвержден Перечень министерств и ведомств, ответственных за улучшение позиций Республики Узбекистан в международных рейтингах и отдельных составных индикаторах. Утвержденная в сентябре 2018 г. Стратегия инновационного развития Республики Узбекистан на 2019-2021 гг. предусматривает реализацию целого комплекса мер, нацеленных на серьезное улучшение условий ведения бизнеса в стране и вхождение республики к 2025 г. в двадцатку лучших стран в рейтинге Doing Business, а к 2030 г. в состав 50 передовых стран мира по рейтингу Глобального инновационного индекса.

В частности, было запланировано осуществление следующих мер:

- развивать конкуренцию на рынках, позволяющую стимулировать переход экономики на инновационный путь развития и эффективное использование ресурсов;
- совершенствовать антимонопольную политику путем внедрения государственно-частного партнерства, ликвидировать дискриминацию в доступе к товарам, работам и услугам субъектов естественных монополий для всех юридических и физических лиц, внедрять эффектив-

(64-е место, +14 позиций), международная торговля (165-е, +3), регистрация собственности (71-е, +2), получение разрешения на строительство (134-е, +1). Вместе с тем наблюдалось снижение показателей по получению кредитов (60-е место, -5 позиций), подключению к электрическим сетям (35-е, -8), разрешению неплатежеспособности (91-е, -4), защите миноритарных инвесторов (64-е, -2).

Основными причинами улучшения позиции Узбекистана в престижном рейтинге в 2018 г. послужили улучшение процесса получения разрешения на строительство, улучшение условий международной торговли, совершенствование законодательства в сфере налогообложения и введение онлайн-платежей по налогам.

В свою очередь, по оценкам экспертов Всемирного банка, ухудшения наблюдались в следующих показателях: кредитование, подключение к электрическим сетям, разрешение неплатежеспособности, защита миноритарных инвесторов.

ные механизмы ценообразования на продукцию предприятий-монополистов;

- создать равные условия осуществления предпринимательской деятельности и предотвращать монополизацию внутреннего рынка;
- обеспечить полную цифровизацию ведения дел Государственного кадастра к 2021 г. и ввести упрощенный механизм процедуры регистрации собственности;
- увеличить долю производства электрической энергии к 2025 г. за счет использования возобновляемых и альтернативных источников энергии более чем на 20%.

Реализация указанных мер будет способствовать формированию благоприятного инвестиционного климата и улучшению бизнес-среды, что, в свою очередь, повысит конкурентоспособность экономики Узбекистана и улучшит его имидж на мировой арене.

Стратегия инновационного развития Республики Узбекистан на 2019-2021 гг. предусматривает реализацию целого комплекса мер, нацеленных на серьезное улучшение условий ведения бизнеса в стране и вхождение республики к 2025 г. в двадцатку лучших стран в рейтинге Doing Business, а к 2030 г. в состав 50 передовых стран мира по рейтингу Глобального инновационного индекса.

В Отчете "Doing Business", подготовленном Всемирным банком в 2019 г., Узбекистан занял 76-е место с рейтинговым показателем 67,40. Это ниже среднего показателя по региону (72,34) и значительно ниже показателей регионального лидера – Казахстана (77,89 и 28-е место). Есть индикаторы, по которым Узбекистан занимает довольно высокое место. Это, например, индикатор открытия бизнес-предприятия, по которому Узбекистан имеет высокие показатели (95,79 и 12-е место), что значительно выше среднего по региону (90,02) и выше, чем у Казахстана (92,96 и 36-е место), который, как указывалось выше, по суммарному рейтингу лидирует среди стран региона. В то же время по другим индикаторам, например, оформление документов на строительство, регистрация прав на землю и внешнеторговое регулирование, показатели Узбекистана значительно ниже среднего и намного уступают позициям других стран региона.

В целях эффективной реализации поручения Президента страны предлагалось начинать работу по улучшению позиций в рейтинге «Doing business» («Ведение бизнеса») с тех индикаторов, в которых *значительный* рост может быть достигнут в краткосрочной перспективе относительно простыми и доступными средствами. К ним отнесены прежде всего оформление документов на строительство и регистрацию прав на недвижимость. Для этого необходимо было нормативно обеспечить:

• *упрощение получения разрешения на строительство.* Основные направления реформ – кардинальное снижение временных и финансовых затрат предпринимателей на получение разрешения на строительство путем пересмотра списка необходимых документов и времени их рассмотрения со стороны органов государственной власти, повышение ответственности работников органов государственной власти за своевременное выполнение своих обязанностей;

• *упрощение процедуры регистрации собственности.* Основные направления реформы – сокращение количества процедур для регистрации собственности, сокращение времени, необходимого для регистрации собственности, повышение качества системы управления земельными ресурсами (повышение надежности инфраструктуры, «прозрачности» информации, географического охвата, механизмов разрешения земельных споров и равного доступа к праву собственности).

В указанных сферах только за счет совершенствования административных процедур и управленческих процессов можно было в кратчайшие сроки значительно повысить рейтинг Узбекистана, при этом вполне возможно было *подняться в общем рейтинге до среднего по региону значения*;

• *нормативно-правовое совершенствование таможенного администрирования.* Основные направления реформы – сокращение количества требуемых документов, внедрение «единого окна» на базе лучших мировых стандартов, снижение временных и финансовых затрат экспортеров и импортеров, повышение ответственности работников государственных органов, особенно таможенных органов, за своевременное оказание услуг;

• *повышение эффективности процедур разрешения неплатёжеспособности.* Основные направления реформ – сокращение временных и финансовых затрат, повышение эффективности нормативно-правовой базы, применимой к процедурам ликвидации и реорганизации предприятия. Конечная цель – сокращение временных и финансовых затрат и конечного результата процесса разрешения неплатежеспособности.

Более сложные «проблемные» индикаторы требовали комплексных решений и больше времени для достижения результата: *например, внешнеторговое регулирование и доступ к кредитным ресурсам.* Параллельно предлагалось улучшать позиции страны в *менее «проблемных» и относительно более «простых» индикаторах*, таких как *уплата налогов и подключение к электросети.*

Такова была общая стратегия предлагаемых и осуществляемых мер по разработке предложений по проектам изменений и дополнений в

действующее законодательство на основе Концепции совершенствования административных и управленческих процессов.

Весьма ценными были следующие предложения по внесению изменений в ряд нормативно-правовых актов в целях улучшения рейтинга республики:

• по индикатору «регистрация бизнеса» – рассмотреть вопрос об установлении исключительно для г. Ташкента порядка, в соответствии с которым государственная пошлина за регистрацию бизнеса при электронной подаче заявки составляет 0,8-0,9 минимального размера заработной платы, при этом запрещается явочный порядок обращения в центры государственных услуг для представления документов;

• по индикатору «защита миноритарных инвесторов» – внести изменения и дополнения в Закон «Об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», предусмотрев, во-первых, положения об урегулировании конфликтной ситуации в случае, если участники общества не могут достигнуть соглашения по какому-либо вопросу деятельности общества и при этом ни один из них не обладает достаточным количеством голосов для принятия решения, данный вопрос разрешается в судебном порядке; во-вторых, установление порядка, согласно которому общества с ограниченной или дополнительной ответственностью с балансовой стоимостью активов более ста тысяч минимальных размеров заработной платы подлежат обязательной ежегодной аудиторской проверке;

• по индикатору «получение кредитов» – ускорить принятие закона о внесении изменений и дополнений в Законы «О лизинге», «О залоге», «Об исполнении судебных актов и актов иных органов», «Об обмене кредитной информацией», а также в Уголовный процессуальный, Гражданский, Гражданский процессуальный кодексы;

• по индикатору «разрешение неплатежеспособности» – принять проект Закона «О банкротстве» (в новой редакции), предусмотрев:

а) приведение терминологии законодательства о банкротстве в соответствие с общепринятыми стандартами по неплатежеспособности;

б) предоставление права должнику:

инициализировать процедуру неплатежеспособности;

продолжать исполнение контрактов, необходимых для функционирования должника во время процедур банкротства;

расторгнуть сделки после начала производства, заключенные до возбуждения производства по делу о несостоятельности и дающие преимущество одному или нескольким кредиторам;

расторгнуть сделки с заниженной стоимостью после начала производства, заключенные до возбуждения производства по делу о несосто-

ятельности либо или объявления их недействительными / ничтожными, если иное не согласовано с кредиторами;

в) разделение на категории кредиторов, имеющих право участвовать в голосовании по одобрению плана санации или внешнего управления, что также включает раздельное голосование различных категорий кредиторов, а также применение единого режима к кредиторам, отнесенным к одной и той же категории;

г) предоставление кредиторам, не одобрившим предлагаемый план санации или внешнего управления, права получать гарантированное возмещение, как минимум равное тому, что они могли получить в случае ликвидации должника;

д) внедрение очереди удовлетворений требований кредиторов в соответствии с хронологическим порядком (время и дата) внесения ими в залоговый реестр записей о правах на соответствующее имущество;

е) определение крайних и разумно коротких сроков для важнейших этапов в процессе банкротства после возбуждения дела банкротства;

ж) предоставление должнику (или выступающему от его имени управляющему по делу о несостоятельности) возможности получения кредита после возбуждения производства по делу о несостоятельности для финансирования текущих расходов должника в ходе производства;

з) дальнейшее усиление прав кредиторов и упорядочение порядка приостановления моратория за счет изменения очередности удовлетворения требований кредиторов путем предоставления им преимущественного права перед требованиями других кредиторов в случае, если имущество ликвидируемого юридического лица выступает предметом обеспечения исполнения обязательств;

В УМЭД на основе сравнительных исследований передового зарубежного опыта разрабатываются Концепция совершенствования административных процедур и управленческих процессов и программа мер, а также методология мониторинга и оценки регуляторной политики в сфере выдачи разрешений на строительство, архитектурно-строительного надзора и регистрации прав на недвижимость в целях систематического повышения позиции Узбекистана в рейтинге «DB» и на их основе предлагаются проекты изменений и дополнений в действующее законодательство.

и) внесение изменений касательно размера требований к должнику и исполнения сроков обязательств для открытия производства по делу о несостоятельности;

к) усиление прав кредиторов и повышение эффективности управления активами должника, в том числе предоставление приоритета на погашение требований по кредитам, выданным в ходе банкротства;

л) усиление прав кредиторов и повышение эффективности управления активами должника, в том числе предоставление:

права кредиторам инициировать производство по делу о реорганизации;

права участия в голосовании касательно плана реорганизации предприятия исключительно тем кредиторам, чьи интересы затронуты или подлежат изменению данным планом;

предлагаемый план реорганизации гарантирует кредиторам, не одобрившим этот план, возмещение, как минимум равное тому, что они могли бы получить в процессе ликвидации;

права должнику (или выступающему от его имени управляющему по делу о несостоятельности) продолжить исполнение контрактов, принципиально важных для необходимого функционирования во время реорганизации;

м) предоставление права индивидуальному кредитору возражать против решения суда или управляющего по делам о несостоятельности, которое удовлетворяет или отказывает в удовлетворении требований, заявленных данным кредитором или другими кредиторами против должника.

В соответствии с пунктом 2 Постановления Президента Республики Узбекистан №ПП-4210 от 25.02.2019 «О мерах по повышению позиций Республики Узбекистан в международных рейтингах и индексах» исследовательским Центром УМЭД осуществляется программа мер по исполнению задач относительно международного рейтинга «Ведение бизнеса», поставленных руководством страны, Государственной Комиссией по согласованию приоритетных международных рейтингов и индексов и Министерством экономики и промышленности.

В рамках реализации намеченной программы разработаны научные проекты «Разработка типового руководства по методологии расчёта рейтинга «Ведение бизнеса» в целях продвижения позиции Узбекистана на основе изучения передового зарубежного опыта», «Совершенствование правового регулирования государственных закупок в Узбекистане», «Совершенствование организационно-правового механизма и административных процедур досудебного обжалования решений и действий административных органов в Республике Узбекистан», «Совершенствование административно-правового регулирования вопросов изъятия земельных участков для государственных и общественных нужд и развитие права градостроительного планирования в Узбекистане».

В Университете мировой экономики и дипломатии проводятся сравнительные исследования передового зарубежного опыта в сферах выдачи разрешений на строительство, архитектурно-строительного надзора и регистрации прав на недвижимость (прежде всего на землю и строе-

ния), а также проводится анализ проблем и возможностей улучшения регулирования в указанных сферах в Узбекистане, разрабатываются концепция совершенствования административных процедур и управленческих процессов в указанных сферах и программа мер, а также методология мониторинга и оценки регуляторной политики в сфере выдачи разрешений на строительство, архитектурно-строительного надзора и регистрации прав на недвижимость в целях систематического повышения позиции Узбекистана в рейтинге «DB» и на их основе предлагаются проекты изменений и дополнений в действующее законодательство.

Для компетентного обсуждения хода и результатов выполняемой работы с предложениями по улучшению позиции Республики Узбекистан в международном рейтинге «DB», в том числе об изменениях и дополнениях в законодательство, вытекающих из постановления Президента страны, в УМЭД проводятся семинары и тренинги для сотрудников профильных административных ведомств, а также «круглые столы» по тематике «Международные рейтинги» и «Индексы и экономико-правовые вопросы повышения инвестиционной привлекательности страны».

Литература

1. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-5635 от 17.01.2019 г. «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 — 2021 годах в Год активных инвестиций и социального развития.

2. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-4210 от 25.02.2019 г. «О мерах по повышению позиций Республики Узбекистан в международных рейтингах и индексах».

3. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3852 от 13.07.2018 г. «О мерах по дальнейшему улучшению рейтинга Республики Узбекистан в ежегодном отчете Всемирного банка и Международной финансовой корпорации «Ведение бизнеса».

4. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4160 от 05.02.2019 г. «О дополнительных мерах по улучшению рейтинга Республики Узбекистан в ежегодном отчете Всемирного банка и Международной финансовой корпорации «Ведение бизнеса».

5. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-5544 от 21.09.2018 г. «Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019 — 2021 годы».

6. Доклад Всемирного банка «Введение бизнеса: реформирование для создания рабочих мест».

Р.Т. Хакимов

Вопросы правопреемства для Узбекистана в отношении договоров государства – предшественника

Основываясь на Венских конвенциях 1969, 1978, 1983 и 1986 г. как базовых международно-правовых нормах, регулирующих вопросы правопреемства государств, Узбекистан и страны СНГ в 1991-1992 г. заключили более 20 общих соглашений в отношении договоров по вопросам правопреемства государств. Среди них назовем следующие:

- Решение глав государств-членов «Об учреждении Комиссии полномочных представителей государств – участников СНГ по правопреемству» от 20 марта 1992 г.;
- Решение № 1 Комиссии полномочных представителей государств – участников СНГ о создании группы экспертов в отношении договоров, представляющих взаимный интерес, от 2 апреля 1992 г.;
- Решение о деятельности Комиссии по рассмотрению комплекса вопросов, связанных с правопреемством в отношении договоров, представляющих взаимный интерес, государственной собственности, государственных архивов, долгов и активов бывшего Союза ССР от 6 июля 1992 г.;
- Меморандум «О взаимопонимании по вопросу правопреемства в отношении договоров бывшего Союза ССР, представляющих взаимный интерес» от 6 июля 1992 г. (далее – Меморандум).

Был заключен также ряд двусторонних договоров, например, между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Японии об «Обменных документах о юридической преемственности Узбекиста-

Хакимов Р.Т., канд. юрид. наук, профессор кафедры «Международное право и межгосударственные дисциплины», УМЭД.

на по отношению к договорам, подписанными между Японией и бывшим Союзом ССР» от 17 мая 1994 г. [1, с. 367].

На национальном уровне вопросы международных договоров регулируются на основе Конституции Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. с изменениями и дополнениями и Закона Республики Узбекистан «О международных договорах Республики Узбекистан» от 6 февраля 2019 г.

Проблема правопреемства государств в отношении договоров была чрезвычайно важной на первоначальных этапах становления молодых независимых государств, к каковым, несомненно, относился и Узбекистан.

Отметим, что каждое государство проходит свой путь развития и становления, который свойственен только данному обществу, где проявляются специфические, характерные только для него исторические, политические, культурные и экономические особенности. В этом плане Узбекистан не являлся исключением.

Институт правопреемства в отношении договоров оказался новым явлением в жизни суверенного Узбекистана. Следует отметить, что правопреемством в отношении договоров обладают только полноправные субъекты международного права, т.е. государство, каковым республика не являлась в советский период, будучи одним из субъектов Федерации Союза ССР.

С провозглашением независимости Республика Узбекистан стала заключать международные договора в соответствии с принципами международного и национального права.

На взгляд Л.Оппенгейма, «...субъекты федерации, разумеется, не могут быть полными субъектами международного права, международными лицами со всеми правами и обязанностями, обычно связанными с членством в семье народов. В этой сфере, если они обладают в ней каким-либо положением, они заслоняются федеративным государством: они являются государствами частично суверенными и, следовательно, международными лицами только в отношении некоторых объектов» [2, с. 179].

Для Республики Узбекистан Венские Конвенции и другие международные документы представляют значительный интерес, так как отражают важные положения, связанные с правопреемством договоров в отношении части территории. В части III Конвенции 1968 г. ввиду их чрезвычайной важности предусмотрены положения относительно новых независимых государств, в которых нашли отражение вопросы, связанные с многосторонними (статьи 17- 23, 27, 29 пункт 1 и др.) и двусторонними договорами (статьи 24-26, 28, 29, пункт 2 и др.).

Отдельно Конвенция закрепляет правопреемство государств в отношении договоров относительно части территории (статья 15), новых независимых государств (статьи 16-30), объединения или отделения государств (статьи 31-38), ответственности государств и начала военных действий (статья 39), военной оккупации (статья 40), механизма урегулирования споров в случае их возникновения между двумя или несколькими участниками договора (консультации и переговоры) (статья 41), примирительной процедуры (статья 42), судебных разрешений и арбитража (статья 43), разрешения по взаимному согласию (статья 44), других находящихся в силе положений о разрешении споров (статья 45), а в качестве Приложения к Конвенции предлагается мировое посредничество [3, с. 455-457].

Для Республики Узбекистан Венские Конвенции и другие международные документы представляют значительный интерес, так как отражают важные положения, связанные с правопреемством договоров в отношении части территории.

В то же время следует указать, что Конвенция не предусматривает все случаи, которые могли бы возникнуть в случае территориальных изменений.

«Нельзя, – утверждает Л.Оппенгейм, – установить какого-либо общего правила для всех случаев, в которых преемство имеет место; такие случаи должны рассматриваться в отдельности» [4, с. 164].

М.Беджауи считает, что «...правопреемство регулируется нормами, в значительной степени различающимися, в зависимости от происхождения правопреемства.

Представляется, что данное происхождение вносит в «системы» преемства элементы разнообразия такого рода, что правопреемство государств изменяется в зависимости от этого происхождения не только в смысле степени, но также и в смысле характера...» [5, с. 98].

Многообразие фактических ситуаций, как утверждает Н.В.Захарова, «...делает необходимым при определении правового урегулирования правопреемства решить вопрос, есть ли среди этих ситуаций однотипные (однотипные в том смысле, что для них могут быть установлены общие нормы правопреемства) и, вместе с тем, какие ситуации требуют дифференцированного урегулирования» [6, с. 76].

Л.В.Власова отмечает, что анализ государственной практики правопреемства договоров показал, что общего механизма для всех случаев государственно-территориальных изменений нет. Здесь необходим дифференцированный подход, где в каждом конкретном случае должны быть учтены специфические особенности образования государств, характер их договорных связей, основание изменений и т.д. В Конвенции впервые предпринята попытка установить некоторые общие основы

Узбекистан является правопреемником международных договоров лишь в той части, которая имеет отношение к территории, представляющей объект правопреемства. Такой подход соответствует нормам международного права. В то же время, согласно Конвенции, новое независимое государство не обязано сохранять в силе какой-либо договор или становиться его участником.

правопреемства в отношении международных договоров [7, с. 110].

Согласно Конвенции, только государства как полноправные субъекты международного права выступают сторонами в вопросах правопреемства в отношении международных договоров, на что указано в статье 1: «Настоящая конвенция применяется к последствиям правопреемства государств в отношении договоров между государствами».

После распада СССР и образования новых независимых государств перед ними встали многочисленные проблемы, в том числе и в сфере правопреемства государств в отношении международных договоров.

В своем исследовании П.П.Кремнев указывает на актуальность вопроса о необходимости сохранения в силе обязательств бывшего СССР по общим многосторонним и двусторонним договорам [8, с. 5].

Следует отметить, что подход бывшего СССР к международным отношениям, в частности, к двусторонним и многосторонним договорам, был чрезвычайно политизирован, по этой причине СССР не являлся членом многих международных организаций и соглашений (МВФ, МБРР, Венская конвенция «О консульских сношениях» 1963 г. и т.д.).

Так, в связи с тем, что СССР не подписал Венскую конвенцию о консульских сношениях 1963 г., а консульские взаимоотношения с иностранными государствами необходимо было регулировать, в СССР был принят Консульский Устав. Особенность позиции СССР заключалась в том, что Дипломатического Устава СССР не существовало, и деятельность дипломатических представительств регулировалась международно-правовыми нормами, зафиксированными в Венской конвенции «О дипломатических сношениях» 1961 г.

Суверенный Узбекистан как полноправный субъект международного права уже не связан с договорами и, исходя из принципа tabula rasa, считал себя свободным от договоров предшественника.

На примере государств-членов СНГ можем увидеть, что общепризнанным в международном праве является положение, согласно которому правопреемниками государства-предшественника в равной мере являются все новые субъекты международного права, образовавшиеся на территории бывшего СССР. На это, в частности, указывают положения статьи 34 Конвенции 1978 г. и статьи 18 Конвенции 1983 г.

Исключения из общего правила могут иметь место лишь в тех случаях, когда речь идет о добровольном отказе какого-либо правопреемника от всех или части своих прав, либо же в случаях, когда остальные правопреемники по взаимному согласию делегируют одному из правопреемников какие-либо права. Так, в Конвенции 1978 г. предусматриваются исключения из общих правил в следующих случаях:

a) государство-преемник и другое государство-участник или другие государства – участники договаривались об ином;

b) из договора явствует или иным образом установлено, что применение этого договора в отношении государства-преемника было бы несовместимо с объектом и целями этого договора или коренным образом изменило бы условия его действия (статья 31, пункт 1 «a», «b» и статья 34, пункт 2 «a», «b»).

Страны-участницы СНГ при разрешении данных проблем в упомянутом Меморандуме также исходили из общепринятых положений. К примеру, касательно правопреемства страны путем делегирования определили, а международное сообщество признало Россию правопреемницей СССР на международной арене. Это нашло одобрение в Совете Безопасности ООН после того, как Решением Совета глав государств СНГ была поддержана кандидатура России с тем, «чтобы она продолжила членство СССР в ООН, включая постоянное членство в Совете Безопасности ООН и других международных организациях» [9, с. 8-9].

Следовательно, Россия осуществила континуитет, т.е. унаследовала личность СССР в международных делах и выступила гарантом международных договоров, за исключением тех, которые связаны с отделившейся территорией.

По мнению С.В. Черниченко, «Россия выступает как государство-предшественник, которое сохранило свою правосубъектность и продолжает существовать, в то время как остальные, новые государства выступают как преемники» [10, с. 31].

Давая объяснение тому, что именно Россия является тем государством- участником СНГ, «...которое в силу политических, экономических и правовых обстоятельств реально может нести обязательства бывшего Союза», И.Клапас предлагает «...рассматривать Россию не только как государство-преемник, но и как государство, продолжающее осуществлять права и обязанности СССР». Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи [11, с. 32].

На наш взгляд, приведенные факты свидетельствуют, во-первых, о том, что Россия является великой державой; во-вторых, что государства – участники СНГ поддержали, а мировое сообщество восприняло с пониманием Россию как последователя СССР в ООН, в Совете Безо-

пасности и других международных организациях; в-третьих, заявление России о том, что она «...продолжает осуществлять права и обязанности СССР» и другие документы подтверждают, что именно Россия является правопреемницей СССР» [12, с. 34, 48-49].

Другие государства, признавая роль международных договоров бывшего Союза ССР в деле стабилизации и дальнейшего развития отношений с другими государствами, должны общими усилиями содействовать выполнению обязательств, вытекающих из многосторонних и двусторонних договоров, т.е. исходя из территориального принципа.

Вместе с тем государства – участники СНГ, действуя на основании ст. 17, 24, 27 и 28 Конвенции, также приняли обязательства о присоединении к многосторонним международным договорам, при этом они уведомили о намерении выполнять обязательства государства-предшественника, разрешая данный вопрос на двусторонней основе, в первую очередь с приграничными государствами.

Рассмотренные положения Конвенций 1978 и 1983 гг. явились основой при подписании указанного Меморандума от 6 июля 1992 г., что представляло взаимный интерес для государств – участников СНГ [13, с. 492-493].

В преамбуле Меморандума заявлена необходимость определить общий подход к решению вопроса о правопреемстве в отношении договоров бывшего Союза ССР, представляющих общий интерес, поскольку к моменту распада СССР был участником свыше 600 многосторонних и около 15 000 двусторонних договоров. Следовательно, становятся актуальными вопросы правопреемства по отношению к ним новых независимых республик. В этих вопросах государства – участники Меморандума смогли достичь соглашения.

1. В отношении многосторонних международных договоров бывшего СССР государства – участники условились, что эти договоры не требуют совместных решений или действий. Вопрос об участии в этих договорах должен решаться в соответствии с принципами и нормами международного права каждым государством-участником Содружества самостоятельно, в зависимости от специфики каждого конкретного случая, характера или иного содержания того или иного договора.

2. В отношении двусторонних международных договоров бывшего СССР, затрагивающих интересы двух и более (но не всех) государств – участников Содружества, если требуется принятие решений или действий со стороны тех государств – участников Содружества, к которым эти договоры применимы, вопросы должны разрешаться так, как принято в международно-правовой практике, т.е. путем переговоров и поиском взаимоприемлемых решений.

3. В отношении ряда двусторонних международных договоров, которые затрагивают интересы всех государств – участников Содружества, в том числе договоры о границах и их режиме, все вопросы решаются в соответствии с международным правом, они должны оставаться в силе и участвовать в них могут лишь те государства – участники Содружества, которые имеют сопредельную границу со странами, не являющимися членами Содружества. Такие договоры СССР имел с 13 странами.

Вместе с тем каждое из государств – участников СНГ может подходить к решению вопроса об участии в многосторонних договорах со своих позиций, что соответствует общим принципам и нормам международного права.

Так, Конвенция определяет упрощенный порядок правопреемства и участия новых независимых государств в многосторонних договорах. Например, ст. 17, пункт 2 гласит, что государство «...может путем уведомления о правопреемстве установить свой статус в качестве участника любого многостороннего договора, который в момент правопреемства государств находился в силе в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств».

Узбекистан шаг за шагом ратифицировал, принял или утвердил договоры, подписанные государством-предшественником, поэтому важно уделить внимание позициям новых независимых государств, в том числе Узбекистана, в вопросах оговорок в международном праве. Оговорка в международном праве делает международные договоры универсальными и позволяет более широкому кругу государств принимать участие в договорах исходя из своих интересов и возможностей.

Узбекистан, став независимым государством, в качестве полноправного субъекта международного права начал активно использовать свое суверенное право на участие в двусторонних и многосторонних международных договорах.

Еще в 1992 г. в Узбекистане было принято Постановление Верховного Совета, где в соответствии с общепринятыми нормами международного права была подтверждена «...приверженность Республики Узбекистан неядерному пути развития и принципам нераспространения ядерного оружия», по которому страна присоединилась к Договору 1968 г. «...в качестве государства, не обладающего ядерным оружием» [14, с. 393].

Если в советский период полномочия по заключению международных соглашений практически в полном объеме принадлежали Союзу ССР, то по состоянию на 1991 г. из 15000 договоров на долю центральноазиатских республик приходилось примерно 50, или 0,03% по отношению к общему числу [16, с. 44].

Рассматривая в рамках международных организаций вопросы двусторонних и многосторонних соглашений, многие исследователи констатируют, что позиция Узбекистана отличается информативностью, инициативностью, конструктивностью, прагматичностью, реалистичностью с учетом перспектив, что соответствует нормам и принципам современного международного права, а их реализация способствует позитивному развитию международных отношений и повышению авторитета государства на международной арене.

С обретением независимости Узбекистан присоединился к ряду важных многосторонних соглашений. Так, Верховный Совет Республики Узбекистан принял Постановление «О присоединении к Конвенции о правах ребенка» за № 757-XII от 9 декабря 1992 г. В нем отмечалось, что в соответствии с принципами ООН «...признание достоинства, равных и неотъемлемых прав всех членов общества является основой обеспечения свободы человека», а также признавалось, что дети имеют право на особую заботу и защиту. Решение о присоединении направлено депозитарию нотой за № 05/95 от 16 февраля 1994 г. [17, с. 391-392].

Со временем двустороннее и многостороннее сотрудничество независимого Узбекистана с другими странами неуклонно расширялось. Только в рамках СНГ было принято свыше 500 соглашений. Узбекистан активно выступает с международно-договорными инициативами в ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО, ШОС, СНГ, ОИК и других авторитетных международных организациях, демонстрируя тем самым свой суверенитет и независимость в проведении внутренней и внешней политики.

По нашему мнению, относительно Узбекистана, как и других новых независимых государств, следует указать на частичное правопреемство, в то время как Россия выступает во многом как полный правопреемник, в качестве государства-продолжателя.

Узбекистан является правопреемником международных договоров лишь в той части, которая имеет отношение к территории, представляющей объект правопреемства. Такой подход соответствует нормам международного права. В то же время, согласно Конвенции, новое независимое государство не обязано сохранять в силе какой-либо договор или становиться его участником.

Я.Броунли утверждает, что «...при своем возникновении новое государство не связано договорами предшествующего суверена в силу принципа правопреемства государств» [18, с. 393].

В ст. 18 и 19 Конвенции новым независимым государствам предоставляется возможность установить свой статус в качестве участника международного договора, который вступил в силу после момента пра-

вопреемства, а также ратифицировать, принять или утвердить договор, подписанный государством-предшественником. Здесь, на наш взгляд, Узбекистан шаг за шагом, исходя из интересов государства и народа, ратифицировал, принял или утвердил договоры, подписанные государством- предшественником, поэтому важно уделить внимание позициям новых независимых государств, в том числе Узбекистана, в вопросах оговорок в международном праве. Оговорка в международном праве делает международные договоры универсальными и позволяет более широкому кругу государств принимать участие в договорах исходя из своих интересов и возможностей.

«Оговорка» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединения к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству» [19, с. 70].

Рассматривая роль оговорок в международном праве, Н.Р.Файзуллаева считает, что государство может таким образом выразить свою позицию, согласие или несогласие с тем или иным положением договора [20, с. 43].

Рассматривая отношения в рамках СНГ, других международных организаций вопросы двусторонних и многосторонних соглашений, многие исследователи констатируют, что позиция Узбекистана отличается информативностью, инициативностью, конструктивностью, прагматичностью, реалистичностью с учетом перспектив, что соответствует нормам и принципам современного международного права, а их реализация способствует позитивному развитию международных отношений и повышению авторитета государства на международной арене.

Литература

1. *Умарахунов И.М.* Международная договорно-правовая практика Республики Узбекистан. – Ташкент: Академия, 2003. – С. 367.

2. *Оппенгейм Л.* Международное право. В 2-х т. – М.: Иностранная литература, 1948. Т. I. – С.179.

3. Действующее международное право. В 3-х т. // Сост. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. – М.: МНИМП, 1996. Т.1. – С. 455-457.

4. *Оппенгейм Л.* Международное право. В 2-х т. – М.: Иностранная литература, 1948. Т. I. – С.164.

5. Yearbook of the International Law Commission, 1968. – V. II. – P. 98.

6. *Захарова Н.В.* Правопреемство государств. – М.: Международные отношения, 1973. – С.76.

7. *Власова Л.В.* Международное право на службе мира. – М.: Международные отношения, 1979.

8. *Кремнев П.П.* Международно-правовые проблемы, связанные с распадом СССР: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М.: Российский университет Дружбы народов, 2010. – С. 5.

9. Решение Совета глав государств СНГ от 21 декабря 1991 г. // Дипломатический вестник. – М., 1992. – № 1. – С. 8-9.

10. *Черниченко С.В.* Является ли Россия продолжателем или правопреемником СССР? //.Международное право, 2001. – № 3. – С. 31.

11. *Клапас И.* Правопреемство и континуитет в международном праве // Московский журнал международного права. – М., 1992. – № 4. – С. 32.

12. Нота МИД Российской Федерации главам дипломатических представительств от 13 января 1992 г. //Дипломатический вестник. – М., 1992. – № 1. – С. 34; Заявление "Двенадцати" о будущем статусе России и других бывших республик от 23 декабря 1991 г. // Дипломатический вестник. – М., 1992. – № 1. – С. 48-49.

13. Действующее международное право. В 3-х т. // Сост. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. Т.1. – М.: МНИМП, 1996. – С. 492-493.

14. Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – Ташкент, 1992. № 1. – С. 393.

15. *Каримов И.А.* Выступление на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Нью-Йорк, 28 сентября 1993 г. // Наша цель: свободная и процветающая Родина. – Ташкент: Узбекистан, 1996. – С. 45-55.

16. *Сарсембаев М.А.* Международно-правовые вопросы в истории Казахстана и Средней Азии (с XV в. по настоящее время): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1993.

17. Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – Ташкент: 1992. – № 1. – С. 391-392.

18. *Броунли Я.* Международное право. В 2-х книгах. – М.: Прогресс, 1977. Кн. 2. – С. 393.

19. Международное право в документах. // Сост. Н.Т. Блатова – М.: Юридическая литература, 1992. – С. 70.

20. *Файзуллаева Н.Р.* Оговорки в современном международном договорном праве: теория и практика Республики Узбекистан: Автореф. дисс. ... докт. философии (PhD) по юридическим наукам. – Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2018.

И. Бобокулов

Политический диалог, внутриафганская стабильность и региональная безопасность Центральной Азии

«Безопасность Афганистана – это безопасность Узбекистана, залог стабильности и процветания всего обширного региона Центральной и Южной Азии.»
Ш. Мирзиёев

Нынешняя нестабильная обстановка в Афганистане, сложившаяся в результате очередной попытки силового развязывания «афганского узла», вновь демонстрирует миру бесперспективность военного решения проблемы. Наблюдается удивительное совпадение позиций сторон конфликта, мировых и региональных держав и соседей Афганистана: политическое урегулирование – непременное условие достижения внутриафганского мира. (Как ни парадоксально, в 2001 г. все заинтересованные государства единодушно поддержали усилия США по противодействию «глобальной угрозе терроризма», кульминацией которых стало свержение правительства талибов.)

В свете отказа «Талибан» иметь прямые контакты с афганским правительством действенными участниками политического диалога выступают официальный Вашингтон и талибы, т.е. две из трех сторон конфликта. Достижение консенсуса в этом вопросе стало бы существенным шагом вперед и началом конца очередного внешнего военного вмешательства в афганские дела.

Бобокулов И.И., докт. юр. наук, профессор кафедры «Международное публичное право и государственно-правовые дисциплины», УМЭД.

Однако перспективы прямых межафганских переговоров усложняются как внутриполитической ситуацией, обусловленной недееспособностью тандема Ашрафа Гани и Абдулла Абдулла выработать согласованные позиции в предстоящих переговорах с талибами, так и непримиримой позицией «Исламского Эмирата Афганистана»[1] в отношении официального Кабула.

От конфликта к диалогу?

В середине 90-х годов прошлого века в условиях внутриполитической раздробленности, кризиса центральной власти и вакуума безопасности на авансцену вышла новая сила – талибы. За короткое время «слушатели медресе» взяли под свой контроль более 90 % территории страны, положив конец «феодальной раздробленности» и консолидировав свою власть под эгидой «Исламского эмирата Афганистана». Северный альянс, объединив другие вооруженные группировки, выступил против власти и влияния талибов[2]. Статус-кво, обусловленный их вооруженным противостоянием, продолжался до начала глобальной войны против терроризма, эпицентром которой стала территория Афганистана и афганско-пакистанское приграничье.

События 11 сентября 2001 г. в США внесли серьезное изменение в расстановку сил в Афганистане. Северный альянс из одной стороны конфликта превратился в ключевого партнера и союзника международной коалиции во главе США и стал влиятельной внутриафганской силой в постталибовском Афганистане. Боннская конференция[3] лишь укрепила позицию альянса, сделав его доминирующей фракцией в афганском правительстве[4]. Северный альянс при поддержке международной коалиции действовал вполне в духе принципов классики конфликтологии – «конфликт всегда есть стремление к доминированию, возможности направлять и контролировать действия другой стороны» [1].

Поддержав одну из сторон межафганского конфликта, международное сообщество не смогло поставить точку в нем. Свержение правительства талибов силами коалиции и ее афганскими союзниками, бес-

[1] Официальное название правительство талибов, существовавшее в 1996-2001 гг. в Афганистане.

[2] В состав Северного альянса вошли «Иттихад-и Ислам» (Абдул Раб Расул Сайяф), Джумбуши Милли (Абдул Рашид Достум), «Джамият-и Ислам» (Бурхануддин Раббани, Ахмад шах Масуд и Исамил Хан) и «Хезб-е Вахдат» (Карим Халили). Бурхануддин Раббани считался формальным лидером альянса.

[3] Лахдар Брахими, спецпредставитель Генерального секретаря ООН по Афганистану и архитектор первого Боннского соглашения, постфактум называл исключение «Талибана» из Боннского соглашения и соответственно из процесса формирования переходной администрации ошибкой (См.: *Brahimi L.* A New Path for Afghanistan // Washington Post, Sunday, 7 December, 2008).

[4] В переходной администрации Афганистана, утвержденной участниками Боннской конференции, пятнадцать из двадцати пяти министерских портфелей, включая ключевые министерства иностранных дел, обороны, внутренних дел и юстиции, занимали представители Северного Альянса.

спорно, привело к прекращению функционирования формальных государственных институтов «Исламского эмирата». Однако социальная база, структурные и институциональные основы движения сохранили определенную устойчивость, способность к консолидации и потенциал востребованности для заинтересованных внешних сил. Материализация этих факторов и трансформация деятельности «Талибан» в сложившихся условиях существенно изменили его положение как на национальном (афганском), так и на региональном уровне.

На современном этапе главной целью талибов является утверждение статуса движения в качестве национального феномена и обеспечение его признания в качестве легитимной политической силы.

Конфликт определенно способствовал сплочению рядов талибов и укреплению их вертикали власти. В ходе противостояния с международной коалицией и афганскими силами безопасности движение смогло мобилизовать большее число сторонников[1]. Институциональные и структурные преобразования, связанные с именами муллы Абдула Гани Барадара, Ахтара Мансура и Хайбатулла Ахунзады, позволили движению воссоздать достаточно монолитную, централизованную и эффективную систему властной структуры. В этой связи афганские эксперты Абубакар Сиддикий и Борхан Осман отмечают, что именно наличие четкой иерархии, объединенного центрального командования и сплоченности в рядах «Талибана» сыграли ключевую роль «в выживании движения» и «предотвращении его фрагментации» [2].

Движение имеет собственную повестку дня, осознанные цели и сформулированные программы, которые входят в противоречие с позицией действующего правительства Афганистана. На современном этапе главной целью талибов является *утверждение статуса движения в качестве национального феномена и обеспечение его признания в качестве легитимной политической силы.*

Таким образом, можно констатировать тот факт, что относительный успех стратегии талибов, нацеленной на расширение и укрепление своей власти и влияния в Афганистане, обусловлен, *во-первых*, определенной устойчивостью и сплоченностью институтов «Талибан» и последовательной политикой на фоне сложной военно-политической обстановки в ИРА, имеющей тенденцию к ухудшению; *во-вторых*, затяжным кризисом афганского правительства и недееспособностью политической

[1] По некоторым данным, боевиков "Талибан" насчитывается около 60 тыс. чел. В 2014 г. этот показатель не превышал 20 тыс. (по данным США) или 35 тыс. (по данным Tolo News). См.: Bill Roggio. US officials estimate Taliban strength at a minimum of 60,000 fighters [https://www.longwarjournal.org/archives/2018/01/us-officials-estimate-taliban-strength-at-a-minimum-of-60000-fighters.php].

элиты прийти к соглашению по ключевым вопросам, стоящим перед обществом и государством.

В результате «Талибан» как афганский феномен и значимый сегмент политической (этнической и социальной) жизни страны, не нашедший своего места в государственном и политическом устройстве Афганистана после 2001 г., превратился в неотъемлемую часть внутриафганской динамики безопасности, главную вооруженную оппозиционную силу, стороной конфликта и участником договорно-правовых отношений с членами международного сообщества.

США и «Талибан»: трудный путь к миру

С 2001 г. афганская стратегия Белого дома, ее позиция в отношении талибов претерпели определенную эволюцию в диапазоне от игнорирования «Талибан» как террористической организации и до его признания стороной конфликта. Впервые о необходимости примирения или «новых решениях» в деле урегулирования конфликта в Афганистане было заявлено в стратегии Барака Обамы, объявленной в конце 2009 г. под названием «АфПак» [3]. Однако тогда идея примирения подразумевала установление прямого диалога между официальным Кабулом и движением «Талибан».

Что касается контактов США с талибами, то они во многом носили частный и опосредованный характер. В частности, можно упомянуть об усилиях официального Вашингтона по освобождению американского военнослужащего из плена «Талибана» или поддержке инициатив и программ правительства ИРА по реинтеграции «умеренных талибов» в афганское общество.

В этом ракурсе назначение Залмая Халилзада, 69-летнего американского дипломата афганского происхождения и бывшего посла США в ИРА при администрации Дж. Буша-мл. специальным представителем США по примирению в Афганистане (2018 г.), свидетельствует о факте вступления Соединенных Штатов в переговорный процесс и формальном признании себя в качестве (третьей) стороны конфликта.

С января 2019 г. каждая встреча представителей США и талибов в Дохе (Катар), политическом офисе движения, стало объектом особого внимания экспертного сообщества, которое с надеждой наблюдало за этим процессом. Стороны договорились относительно предмета переговоров, т.е. по тем вопросам, которые должны были стать основой рамочного соглашения. В качестве таковых были определены следующие:

- *контртеррористические гарантии/заверения талибов о том, что территория Афганистана не станет пристанищем для ведения террористической деятельности против США и их союзников;*

- *гарантии относительно вывода из Афганистана всех иностранных войск;*
- *всеобъемлющее прекращение огня;*
- *начало внутриафганских переговоров по политическому урегулированию.*

После нескольких встреч Залмай Халилзад заявил о достижении «значительного прогресса» по всем четырем направлениям [4]. Главным критерием оценки результативности переговоров был определен принцип *«ничего не достигнуто, пока не достигнуто все»* («Nothing is agreed until everything is agreed»). И это *«все»* должно было включать *«внутриафганский диалог и всеобъемлющее прекращение огня»* [5] или, по словам главного переговорщика США, *«ни по одному из четырех индивидуальных вопросов не будет заключено отдельное соглашение»* («there will be no separate official agreements on any of the four individual issues») [6]. Именно в реализации этой задачи крылась сложность миссии Залмая Халилзада. Он рассматривал начало прямых переговоров афганского правительства с талибами и прекращение огня в качестве главного условия *вывода американских войск.* Однако неизменным условием «Талибан» оставалась неприемлемость присутствия иностранных войск на территории Афганистана. Руководство «Талибан» отказывалось рассматривать иные вопросы, в том числе начало прямых переговоров с афганским правительством, пока не будет достигнуто соглашение относительно графика вывода иностранных войск при наличии гарантии со стороны ООН и/или мусульманских стран [7].

Относительно военно-политического присутствия США в ИРА следует отметить, что американский воинский контингент на ее территории сконцентрирован в рамках двух миссий: 1) миссия НАТО «Решительная поддержка» (более 8500 чел.), цель которой заключалась в оказании помощи афганским силам национальной безопасности, и 2) контртеррористические подразделения США в рамках миссии «Стража свободы» (более 5000 чел.). Более того, существуют также так называемые частные военные компании, призванные охранять объекты правительства США (здания дипломатических представительств, военные базы), вести контртеррористические операции и обучать афганские силы безопасности.

Для достижения окончательного мира в Афганистане важна политическая воля, как правительства, так и других политических (этнических, конфессиональных) групп, представители которых принимают активное участие в неформальных встречах с участием талибов.

Итак, девять раундов встреч в Катаре завершились заключением мирного соглашения между США и движением

«Талибан» [8]. В тексте соглашения сторонам пришлось констатировать, что «упомянутые выше четыре части (т.е. вопросы, составляющие предмет переговоров. Автор) являются взаимосвязанными, и каждая из них будет выполнена в соответствии с согласованным графиком и условиями. *Договоренность по первым двум частям прокладывает путь к реализации последующих двух* (курсив автора)» [9]. Иными словами, соглашение предусматривает реализацию двух из четырех задач, а именно 1) *контртеррористические гарантии/заверения талибов о том, что территория Афганистана не станет пристанищем для ведения террористической деятельности против США и их союзников* и 2) *гарантии относительно вывода из Афганистана всех иностранных войск.*

С обретением политической независимости народами Центральной Азии ситуация в Афганистане - «сердце Азии» выступает системообразующим элементом их безопасности.

Усилия по реализации принципа «ничего не достигнуто, пока не достигнуто все» имеют и обратную связь. Перспективы военно-политического присутствия США/НАТО в ИРА связаны с достижением контртеррористических гарантий талибов относительно того, что территория Афганистана не будет использована против США и их союзников в будущем. Реализация этой задачи составляет конечную цель афганской стратегии администрации Белого дома и обусловлена выполнением талибами требования международного сообщества относительно разрыва связей движения с «Аль-Каидой» и другими международными террористическими группами и индивидами.

Дело в том, что «террористический интернационал» долгие годы служил действенным инструментом при достижении целей талибов в борьбе против официального Кабула. Оба лидера «Аль-Каиды» (Усама бен Ладен и Айман аз-Завахирий) принесли присягу верности лидеру движения, хотя ни Ахтар Мансур, ни Хайбаттула Ахунзада публично не признавали этот факт. К тому же некоторые эксперты отмечают «активность «Аль-Каиды» в командных структурах «Талибана»» [10]. Утверждается, что «Талибан» и «Аль-Каида» имеют «давние» и «крепкие» отношения (ООН) и боевики «Аль-Каиды» действуют практически во всех подконтрольных талибам провинциях Афганистана [11]. Эти обстоятельства могут подорвать перспективы переговорного процесса.

В то же время способность правительства и талибов (в случае их примирения) совместно противостоять «Аль-Каиде», «Исламскому государству» и связанными с ними террористическими организациями в Афганистане подвергается сомнению. В этой связи некоторые исследователи не исключают вероятность сохранения определенного (ограни-

ченного) воинского контингента США в Афганистане, что, в свою очередь, может предполагать пролонгацию двустороннего договора между США и ИРА по безопасности от 2014 г. В частности, в Совместной декларации между ИРА и США последние подтвердили свою готовность оказывать содействие афганским силам безопасности в предотвращении «Аль-Каиды», ИГИЛ-Хорасан и других международных террористических групп или индивидов использовать афганскую территорию против США и их союзников в соответствии с *действующими соглашениями между двумя правительствами* в области безопасности [12].

Экспертное сообщество также не исключает возможность заключения соглашения между сторонами относительно проведения совместных контртеррористических операций, в том числе с использованием авиации, наземных операций против ИГИЛ-Хорасан [13] или другие формы международного военного присутствия – участия в формировании объединенных сил талибов и действующих властей [14]. Бывший посол США в ИРА Райан Крокер заявил: «В Афганистане президент Трамп имеет выбор. Он может последовать примеру Обамы и оставить страну талибам или дать ясно понять, что Соединенные Штаты имеют свои интересы, ценности и союзников и останутся защищать их» [15].

Конфликт в ИРА и перспективы внутриафганских переговоров

Несмотря на наличие политической воли правительства ИРА и активные усилия международного сообщества, прямые межафганские переговоры пока еще не стали реальностью. Отсутствие официального Кабула в переговорном процессе, как отмечает известный специалист по Афганистану Томас Руттиг, представляет собой «главную проблему» [16].

Основным фактором, препятствующим этому процессу, является не признание талибами официального Кабула в качестве партнера в переговорах. «Талибан» имеет обособленную позицию в отношении действующей Конституции [17], будущего политического устройства Афганистана, вооруженных сил и правового положения афганских женщин. Шер Мухаммад Станикзай, руководитель политического офиса «Талибана» в Дохе, заявил, что талибы не будут просто присоединяться или интегрироваться в существующую политическую систему, так как в стране отсутствует «независимая исламская система» [18].

В одном из последних заявлений под названием «Оккупация и прекращение огня», опубликованном на официальном сайте движения «Голос джихада», талибы вновь подтвердили, что вывод контингента США и установление «Исламского правительства» являются двумя основными целями движения [19].

Традиционно сдержанная внешняя политика государств Центральной Азии в афганском направлении служит укреплению их статуса в качестве нейтрального актора и медиатора в урегулировании межафганского конфликта.

Примечательно, что «Исламский эмират Афганистана» (название правительства талибов) упоминается и в наименовании мирного соглашения от 29 февраля 2020 г., когда сами талибы при обращении к действующему правительству ИРА используют термин «Кабульская администрация» [20]. Что касается действующей Конституции Афганистана, то отмечается, что она «скопирована с Запада и навязана мусульманскому обществу Афганистана», новая Конституция, по мнению Станикзая, будет разработана афганскими учеными и интеллектуалами [21].

Видный политический деятель Афганистана Мухаммад Ата Нур, признавая «Талибан» в качестве «главной стороны конфликта», указал на наличие красных черт, от которых нельзя отступать. Таковыми, по его мнению, являются достижения в области прав женщин и национальные вооруженные силы [22]. Это была реакция на высказывание Станикзая относительно роспуска афганской армии в случае вывода коалиционных сил из Афганистана.

Реалии внутриполитической жизни в Афганистане выступают еще одним обстоятельством, препятствующим началу прямых межафганских переговоров. Дело в том, что в период между двумя президентскими выборами внутриполитическая динамика в ИРА развивалась на фоне непростых отношений между главой государства и правительства, а в результате двойной инаугурации претендентов на пост главы государства 9 марта 2020 г. тандем Ашрафа Гани и Абдулла Абдулла окончательно распался, серьезно пошатнув хрупкий внутриполитический баланс в стране, что не может не повлиять на перспективы межафганских переговоров.

В этом контексте также необходимо акцентировать внимание на неоднородности афганского политического ландшафта. Наряду с формальным субъектом, т.е. правительством, на афганской сцене присутствуют и иные акторы, которые занимают важное место во внутриафганской конфигурации сил. Это означает, что для достижения окончательного мира в Афганистане важна политическая воля как правительства, так и других политических (этнических, конфессиональных) групп, представители которых принимают активное участие в неформальных встречах с участием талибов[1].

[1] В частности, в Москве и Дохе, соответственно, в феврале, мае и июле 2019 г.

При таком раскладе сил правительство выступает одной из сторон переговорного процесса и/или в роли координатора, т.е. *primus inter pares*. Однако в этом качестве правительство национального единства не проявило свою дееспособность. В соответствии с положениями мирного соглашения между США и «Талибан», 10 марта 2020 г. должен был состояться обмен пленными между правительством и талибами, который был обозначен как *«первый день внутриафганских переговоров»* [23]. Обмен военнопленными и политическими заключенными ознаменовал бы начало прямых межафганских переговоров, что укрепило бы доверие между Кабулом и талибами. Однако, несмотря на принятие США обязательства по достижению этой цели, разногласия сторон относительно условия и порядка обмена не позволили достичь ее.

Движение «Талибан»: консолидированная сила и единый участник диалога?

Перспективы внутриафганских переговоров и постконфликтного мира в Афганистане определенно зависят от сплоченности и единства позиции талибов. Мнения экспертов в этом вопросе расходятся: движение характеризуется как «одно из наиболее сплоченных акторов в Афганистане» [24] или, согласно противоположной точке зрения, «неоднократное обезглавливание верхушки «Талибан» и жизнь в изгнании стали причиной ослабления управленческих способностей талибов» [25].

Внутренняя борьба в рядах «Талибан» относительно преемственности власти после смерти муллы Омара в 2015 г. способствовала расколу и отчуждению от основного движения ряда известных полевых командиров, что может служить подтверждением одного из вышеуказанных тезисов. За годы правления муллы Ахтара Мансура межплеменная борьба стала характерной чертой деятельности Кветтинской шуры. Мансур, происходящий из племени исхакзай, отстранил от руководства и/или понизил в должности представителей иных пуштунских племен, в частности муллу Абдула Рауфа Хадема, принадлежащего к племени ализай, и таких известных полевых командиров и членов *Рахбари шуры*, как мулла Абдул Каюм Закир (Ализай) и Мухаммад Расул Ахунд (Нурзай).

Президент Республики Узбекистан подчеркнул: «Невозможно говорить о мирной и процветающей Центральной Азии, не решив афганскую проблему». Одной из первоочередных задач в деле умиротворения Афганистана является «всестороннее содействие его интеграции в региональные экономические процессы».

Однако усилия Хайбатуллы Ахундзады, преемника Мансура на посту лидера движения, по консолидации власти и сплочения разоб-

щенных командиров и влиятельных лиц увенчались определенным успехом. Примирение с влиятельным полевым командиром Абдулом Каюмом Закиром, его возвращение в *Рахбари шура* и назначение руководителем комиссии по логистике несколько укрепило положение Ахунзады в Кветтинской шуре [26].

Вместе с тем, по мнению Антонио Густоззи, позиция Хайбатуллы Ахунзаде в руководстве организации ослабевает и в случае снижения активности он рискует потерять внешнюю и внутреннюю поддержку. Главной причиной неустойчивой позиции действующего лидера движения указывается существующий конфликт между Ахунзадой и Сиражиддином Хаккани, его заместителем и лидером «сети Хаккани». Утверждается, что Сиражиддин Хаккани (из племени задран), занимая ключевую должность в руководстве движения, обеспечил себе беспрецедентное влияние в Кветте и на юге Афганистана [27], в зоне традиционного влияния племени дуррани.

Между тем некоторые исследователи, ссылаясь на результаты бесед с представителями «сети Хаккани», отмечают готовность группы к диалогу и признанию ведущей роли *Кветтинской шуры* в переговорах [28]. Хотя в этом случае речь идет о прямых переговорах с Вашингтоном, а не с Кабулом. Следует также отметить участие Анаса Хаккани, представителя «сети Хаккани», в церемонии подписания мирного соглашения с США в составе делегации талибов во главе с муллой Барадара в Дохе. Отмечается, что «сеть Хаккани» преобразуется из автономной в финансовом, территориальном и операционном смысле группы в национальную повстанческую силу и поддерживает стремление руководства движения создать легитимную власть в Афганистане [29].

Декларация, принятая на Международной конференции высокого уровня по Афганистану в Ташкенте, стала своего рода «дорожной картой» внутриафганского примирения.

Стремления талибов к сплоченности и единство их позиции также обусловлены уровнем связей «Талибан» с властями Пакистана. Руководство талибов проводит целенаправленную политику в этом направлении. В качестве примера можно привести факт открытия политического офиса движения в Катаре, фактически его внешнеполитического ведомства за пределами Пакистана.

Более того, новое поколение полевых командиров среднего звена и рядовых боевиков движения являются выходцами из афганских сел и представляют различные регионы и этнические группы Афганистана. В отличие от старого поколения талибов и их руководства они не ассоциируют себя с Пакистаном и его властью. Поэтому перемещение базы рекрутирования из племенной полосы в афганские села расценивается

экспертами как «фундаментальное изменение во взаимных отношениях «Талибана» с пакистанскими властями» [30].

Тем не менее определенное идеологическое, племенное и политическое (целевое) разнообразие имеет место быть в рядах «Талибан». Определенная группа талибов преследует цель достижение военной победы над Кабулом и, следовательно, не склонна поддерживать политический диалог [31]. В этом плане высока вероятность того, что часть талибов, недовольных заключением политического соглашения с властями ИРА, могут вливаться в структуры таких террористических организаций, как «Аль-Каида» и Вилаят Хорасан, ячейки так называемого «Исламского государства». В этом смысле можно провести аналогию с гражданской войной в Таджикистане, когда мирное соглашение между таджикской оппозицией и официальным Душанбе в 1997 г. вынудило несогласных с ним боевиков и террористические группировки искать убежище за пределами Таджикистана, в том числе в Афганистане.

Север ИРА с его родственными для Центральной Азии народами и общими физико-географическими условиями составляет часть регионального комплекса безопасности Центральной Азии. Поэтому динамика безопасности в этой части Афганистана не может не волновать сопредельные государства.

Политический диалог и региональная безопасность Центральной Азии

С обретением политической независимости народами Центральной Азии ситуация в Афганистане – «сердце Азии» выступает *системообразующим элементом* их безопасности. Данное обстоятельство обуславливается рядом факторов, базовыми из которых являются географическая близость, общность границ, истории, религии и цивилизации народов Центральной Азии и Афганистана. Будучи фундаментальными основами взаимодействия государств, эти факторы предопределяют единство судеб этих стран и народов.

В кругу соседей Афганистана государства Центральной Азии по уровню их экономической и политической вовлеченности в «афганские дела» не занимают доминирующего положения. В этом смысле ведущая роль принадлежит иным региональным и мировым игрокам, которые имеют высокую степень вовлеченности и интеграции в политику и экономику Афганистана.

В то же время «низкая интенсивность» или традиционно сдержанная внешняя политика государств Центральной Азии в афганском направлении служит укреплению их статуса в качестве нейтрального актора и медиатора в урегулировании межафганского конфликта и усиле-

Дальнейшее укрепление сотрудничества ИРА с соседними странами, наличие устойчивой и надежной международной поддержки и достижение регионального консенсуса, будучи «материальной основой» долгосрочной стабильности и процветания обширного региона Центральной и Южной Азии, представляется более важным, чем двусторонние переговоры сторон.

нию их потенциала в качестве альтернативы в развитии экономической кооперации с ИРА.

Официальный Ташкент рассматривает Афганистан как неотъемлемую часть Центральной Азии. Следовательно, устойчивое развитие региона и внутриафганская стабильность являются взаимосвязанными. Как неоднократно подчеркивал Президент Республики Узбекистан, «невозможно говорить о мирной и процветающей Центральной Азии, не решив афганскую проблему» [32]. В этой связи глава нашего государства подчеркивает, что одной из первоочередных задач в деле умиротворения Афганистана является *«всестороннее содействие его интеграции в региональные экономические процессы»* [33].

Как результат нейтральной позиции и политики невмешательства, отмечает министр иностранных дел Республики Узбекистан А. Камилов, Узбекистан пользуется заслуженным авторитетом и доверием среди всех афганских политических сил, включая движение «Талибан». Именно в Узбекистане удалось реально «подтолкнуть» «Талибан» к вовлечению в переговорный процесс [34]. Декларация, принятая на Международной конференции высокого уровня по Афганистану в Ташкенте, стала своего рода «дорожной картой» внутриафганского примирения.

Представляется, что деятельность «Талибан» в контексте региональной безопасности Центральной Азии имеет двоякое значение. С одной стороны, государства региона осознают потенциал и перспективную роль движения в будущем политическом устройстве Афганистана и рассматривают его в качестве вооруженной оппозиции и стороной межафганского конфликта. В этом качестве представители движения неоднократно заявляли о том, что они уважают территориальную целостность и государственный суверенитет соседних государств, не вмешиваются в их внутренние дела.

В частности, в заявлении от 29 ноября 2016 г. руководство «Талибан» выразило поддержку и готовность движения обеспечить безопасность всех национальных проектов, реализуемых на территории Афганистана. В заявлении упоминаются такие энергетические и инфраструктурные проекты, как CASA-1000, ТАПИ, проект по разработке месторождения меди Айнак в провинции Логар, а также строительство пло-

тин и гидроэлектростанций. В заявлении говорится, что эти проекты *«соответствуют директивам Исламского эмирата, ... способствуют процветанию Афганистана и отвечают интересам нации»*. Эти заявления «Талибана», по мнению ведущего немецкого специалиста по Афганистану Гюнтера Кнабе, направлены на достижение конкретной стратегической цели – «признание его в качестве легитимной политической силы» [35].

С другой стороны, талибы предоставляют убежище и активно используют террористические группировки центральноазиатского происхождения в качестве действенного инструмента достижения своих целей, главным образом на севере Афганистана. Подчеркнем, что север ИРА с его родственными для Центральной Азии народами и общими физико-географическими условиями составляет часть регионального комплекса безопасности Центральной Азии. Поэтому динамика безопасности в этой части Афганистана не может не волновать сопредельные государства. И, следовательно, многое зависит от дальнейшей стратегии талибов и правительства Афганистана в отношении судьбы подконтрольных им группировок в случае подписания мирного соглашения с официальным Кабулом.

Дальнейшее укрепление *сотрудничества ИРА с соседними странами, наличие устойчивой и надежной международной поддержки и достижение регионального консенсуса,* будучи «материальной основой» долгосрочной стабильности и процветания обширного региона Центральной и Южной Азии, по мнению исследователей, представляется более важным, чем двусторонние переговоры сторон [36]. Важность достижения регионального консенсуса в политическом урегулировании конфликта в Афганистане отмечается также в Совместной декларации между правительством ИРА и США.

Установление прямых внутриафганских переговоров - это начало сложного процесса по достижению долгосрочного мира и стабильности в Афганистане.

Вовлечение внешних сил в межафганский конфликт (закономерное для политического реализма и природы современных международных отношений) лишь усугубило ситуацию в Афганистане. Круг участников конфликта и их цели не подверглись серьезному изменению, хотя происходила определенная трансформация деятельности существующих альянсов, что является естественным при эволюции конфликта.

Обособленная позиция «Талибана» и отсутствие консолидированной «афганской стороны», включающей в себя как правительство, так и иных политических акторов, с учетом этнического, племенного и

религиозного разнообразия Афганистана остаются препятствующими факторами на пути запуска механизма прямых внутриафганских переговоров.

Признавая решающую роль политического диалога с вооруженной оппозицией, каковой является движение «Талибан», выделим тот факт, что возможная интеграция талибов в политическую систему Афганистана в случае достижения их согласия с официальным Кабулом не будет означать *ipso facto* достижения внутриполитического, этнического и племенного равновесия в стране. Установление прямых внутриафганских переговоров – это начало сложного процесса по достижению долгосрочного мира и стабильности в Афганистане.

Литература

1. Политическая энциклопедия. В 2 Т. Т. 1. / Нац. обществ.- научн. фонд. – М.: Мысль, 2000. – С. 566-567.

2. *Abubakar Siddique.* The Quetta Shura: Understanding the Afghan Taliban's Leadership //Terrorism Monitor Volume 12, Issue 4, 2014. [https://jamestown.org/program/the-quetta-shura-understanding-the-afghan-talibans-leadership/]; «Талибан»: структура, вызовы и перспективы. [http://www.bbc.com/russian/international/2015/09/150923_afghan_taliban_structure].

3. См.: *Ashley J. Tellis.* Reconciling With The Taliban? Toward an Alternative Grand Strategy in Afghanistan [https://carnegieendowment.org/files/reconciling_with_taliban.pdf].

4. *Mujib Mashal. U.S. and Taliban Agree in Principle to Peace Framework, Envoy Says* [https://www.nytimes.com/2019/01/28/world/asia/taliban-peace-deal-afghanistan.html].

5. U.S., Taliban Agree In Principle To Afghan Peace "Framework" [https://www.nytimes.com/2019/01/28/world/asia/taliban-peace-deal-afghanistan.html].

6. *Thomas Ruttig.* Before Doha 7: Afghanistan peace efforts recovering from a lull? [https://www.afghanistan-analysts.org/nothing-is-agreed-until-everything-is-agreed-first-steps-in-afghan-peace-negotiations/].

7. См.: *Thomas Ruttig.* "Nothing is agreed until everything is agreed": First steps in Afghan peace negotiations [ttps://www.afghanistan-analysts.org/nothing-is-agreed-until-everything-is-agreed-first-steps-in-afghan-peace-negotiations/].

8. См.: Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America [https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf].

9. Ibid.

10. *Scott DesMarais.* The Flawed U.S. Approach to Afghanistan [https://smallwarsjournal.com/blog/flawed-us-approach-afghanistan].

11. См.: *Scott DesMarais and Emily Estelle.* Al Qaeda expands its presence in Afghanistan [http://www.understandingwar.org/backgrounder/al-qaeda-expands-its-presence-afghanistan]; UN Security Council [https://digitallibrary.un.org/record/3813209/files/S_2019_570-EN.pdf].

12. См.: Joint Declaration between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America for Bringing Peace to Afghanistan [https://www.state.gov/joint-statement-on-the-signing-of-the-u-s-taliban-agreement/].

13. *Ryan Crocker.* I was ambassador to Afghanistan. This deal is a surrender [https://www.washingtonpost.com/opinions/i-was-ambassador-to-afghanistan-this-deal-is-a-surrender/2019/01/29/8700ed68-2409-11e9-ad53-824486280311_story.html].

14. См.: *Andrew Watkins.* Taliban fragmentation: a figment of your imagination? [https://warontherocks.com/2019/09/taliban-fragmentation-a-figment-of-your-imagination/]; Thomas Ruttig and Martine van Bijlert. US-Taleban talks: An imminent agreement without peace? [https://www.afghanistan-analysts.org/us-taleban-talks-an-imminent-agreement-without-peace/].

15. См.: *Barnett Rubin.* The real challenge for Afghanistan isn't negotiating with the Taliban [https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-real-challenge-for-afghanistan-isnt-negotiating-with-the-taliban/2019/01/30/12229732-23ee-11e9-ad53-824486280311_story.html].

16. См.: *Thomas Ruttig.* "Nothing is agreed until everything is agreed": Op. cit.

17. Taliban denounces Constitution at start of Moscow talks [https://www.tolonews.com/afghanistan/taliban-denounces-constitution-start-moscow-talks].

18. См.: *Bill Roggio.* Taliban's prime objectives: U.S. withdrawal, "establishment of an Islamic Government" [https://www.longwarjournal.org/archives/2019/09/talibans-prime-objectives-us-withdrawal-establishment-of-an-islamic-government.php].

19. Ibid.

20. *Thomas Ruttig.* From Doha to Peace? Obstacles rising in the way of intra-Afghan talks [https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/from-doha-to-peace-obstacles-rising-in-the-way-of-intra-afghan-talks/].

21. Thomas Ruttig. "Nothing is agreed until everything is agreed". Op.cit.

22. См.: Noor Proposes 'Bonn Model Interim Govt' For Lasting Peace // [https://tolonews.com/afghanistan/noor-proposes-'bonn-model-interim-govt'-lasting-peace].

23. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America [https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf]

24. *Andrew Watkins.* Op. cit.

25. *Ketti Davison.* Afghanistan: a tale of two withdrawals [http://www.understandingwar.org/backgrounder/afghanistan-tale-two-withdrawals].

26. См.: *Antonio Giustozzi.* Do the Taliban have any Appetite for Reconciliation with Kabul? [https://www.crpaweb.org/single-post/2018/03/20/Do-the-Taliban-Have-any-Appetite-for-Reconciliation-with-Kabul-Antonio-Giustozzi].

27. Ibid.

28. См.: *Pickering Th.R.* Negotiating Afghanistan: When? With Whom? About What? // PRISM 3, 2012, No. 1. P.24; 2014 and Beyond: U.S. Policy Towards Afghanistan and Pakistan. Testimony by Ashley J. Tellis, House Committee on Foreign Affairs, Subcommittee on the Middle East and South Asia, 3 November 2011 [https://carnegieendowment.org/files/1103_testimony_tellis.pdf].

29. См.: *Andrew Watkins.* Op. cit.
30. Ibid.
31. *Александр Мантыцкий.* Мирное соглашение с талибами не гарантирует прекращения войны в Афганистане [http://afghanistan.ru/doc/131997.html].
32. Стратегическое видение Президента Шавката Мирзиёева вопросов обеспечения региональной безопасности и решения афганской проблемы [https://mfa.uz/ru/press/news/2020/02/23576/].
33. Выступление Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН //20.09.2017. [http://www.press-service.uz/ru/lists/view/1063]
34. Там-же.
35. Зачем талибы меняют свою стратегию в Афганистане? 7 декабря 2016. [http://news.sputnik.ru/politika/63a60e1cebfbc57ac20b2edcb741932afb366947].
См.: *Barnett Rubin.* Op. cit.

А. Умаров

Стратегия Японии в Афганистане: приоритетные интересы и основные результаты

Традиционно в контексте анализа конфликтной ситуации в Афганистане, вовлечения внешних сил в процесс ее урегулирования и значимости их усилий в восстановлении страны упоминаются в основном США, Германия, Великобритания, Иран, Индия, Пакистан, Россия и ряд других. Однако следует отметить, что за весь период новейшей истории Афганистана, начавшийся после событий 11 сентября 2001 г, немаловажную роль наряду с вышеуказанными странами выполняла Япония. Она стала одним из крупнейших доноров постконфликтного восстановления Афганистана, оказывала содействие воссозданию институтов власти, а также активно привлекала внимание международной общественности к ситуации в нестабильной стране и подчеркивала важность продолжения масштабного финансового содействия усилиям правительства в Кабуле.

Основными причинами активного вовлечения японской стороны в конфликт в Афганистане служили солидарность с близкими союзниками в лице США и европейских стран в борьбе с международным терроризмом, продвижение на международной арене позитивного имиджа Японии в качестве пацифистской страны, а также демонстрация роли ответственного члена международного сообщества с потенциальной целью укрепления своей представленности в ведущих международных институтах. Однако препятствиями в достижении постав-

Умаров А., главный научный сотрудник, Центр международных экономических и политических исследований УМЭД.

Япония стала одним из крупнейших доноров постконфликтного восстановления Афганистана, оказывала содействие воссозданию институтов власти, а также активно привлекала внимание международной общественности к ситуации в нестабильной стране и подчеркивала важность продолжения масштабного финансового содействия усилиям правительства в Кабуле.

ленных японским руководством задач служили невозможность полноценного военного присутствия на афганской территории в результате внутрияпонских законодательных ограничений, чрезмерная зависимость от различных международных структур в реализации инфраструктурных и гуманитарных проектов, а также чрезмерно высокий уровень коррупции в Афганистане, который снизил эффективность программ помощи Японии Афганистану.

История двусторонних отношений

Япония и Афганистан имеют богатую историю дипломатических сношений. Первые официальные контакты были зафиксированы в начале XX века, а дипломатические отношения были установлены в 1931 г. и активно развивались вплоть до начала вторжения СССР в Афганистан [1]. В 1969 г. король Захир Шах вместе с королевой Хумайрой совершили государственный визит в Японию, ответный государственный визит наследного принца Акихито и принцессы Мичико в Афганистан состоялся в 1971 г. [2]. В тот период Япония начала активно оказывать поддержку инфраструктурным и образовательным проектам в Афганистане, но вскоре все они были заморожены в результате начала военной кампании СССР в 1979 г.

В 1990-е годы Япония занимала нейтральную позицию между различными противоборствующими группировками на афганской территории. Тем не менее японские дипломаты в декабре 1998 г. впервые организовали международное совещание доноров, на котором обсуждались поставки продовольствия и другой гуманитарной помощи для жертв гражданской войны в Афганистане [3]. Вместе с тем японское руководство предприняло попытки выступить медиатором между конфронтирующими силами движения «Талибан» и «Северного альянса», пригласив их высокопоставленных представителей в Токио для проведения прямых переговоров в 1999 и 2000 годах [4]. Однако эти попытки не увенчались успехом и вскоре были прерваны началом военной операции США и стран Запада в Афганистане в 2001 г.

Интересы, преследуемые в рамках присутствия Японии в Афганистане после 2001 г.

Началом нового этапа внешнеполитической активности Японии в Афганистане можно считать события после 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, после которых США приняли решение о проведении военной операции на афганской территории. Японское правительство приняло решение об оказании гуманитарной поддержки и помощи развитию народа Афганистана. Несмотря на то, что Япония редко выступает в числе ключевых стран, способных оказать содействие в установлении мира и стабильности в Афганистане, Токио остается одним важнейших партнеров в определении будущего этой нестабильной страны.

Определяющими политику Японии в Афганистане интересами являются, ***во-первых***, стратегический союз с США, основанный после Второй мировой войны. Союзнические обязательства Токио стали основным драйвером ее вовлечения в афганский конфликт с первых дней военной кампании США в 2001 г. Премьер-министр страны Д.Коидзуми заявил о готовности обеспечить небоевую и гуманитарную поддержку возглавляемой США коалиции в Индийском океане [5]. Корабли боевой поддержки Военно-морских сил самообороны Японии с 2001 по 2008 г. в Индийском океане участвовали в предотвращении морских перевозок незаконного оружия, боеприпасов и наркотиков, которые финансируют террористическую деятельность [6]. Кроме того, с 2004 г. они снабжали другие военные корабли сил коалиции в Афганистане топливом и пресной водой [7]. После смены правительства и прихода к власти Демократической партии японская сторона прекратила свое военное присутствие в Индийском океане.

Основными причинами активного вовлечения японской стороны в конфликт в Афганистане служили солидарность с близкими союзниками в лице США и европейских стран в борьбе с международным терроризмом, продвижение на международной арене позитивного имиджа Японии в качестве пацифистской страны, а также демонстрация роли ответственного члена международного сообщества с потенциальной целью укрепления своей представленности в ведущих международных институтах.

Во-вторых, проактивную позицию японского руководства в отношении многих кризисных ситуаций в мире также можно объяснить желанием стать постоянным членом Совета Безопасности ООН и взять на себя «большую глобальную ответственность» [8] активным вкладом в эффективную деятельность данного института. Динамичная политика Японии в стабилизации обстановки и установлении мира в конфликт-

Японское содействие развитию Афганистана в сфере безопасности включало в себя реинтеграцию бывших бойцов группировок, противостоящих правительству в Кабуле, содействие в финансировании и подготовке афганской национальной полиции, создание необходимой таможенной и антинаркотической инфраструктуры в ряде пограничных провинций, а также разминирование и подготовка афганских специалистов в этой сфере.

ных зонах планеты нацелена на демонстрацию особой роли страны в обеспечении международной безопасности и готовности вкладывать значительные ресурсы на этом пути.

В-третьих, широкое присутствие Японии в Афганистане является частью ее глобальной внешней политики, ориентированной на конструирование положительного имиджа страны за рубежом, повышение осведомленности о японской культуре, языке и производимых товарах, способствование лучшего понимания страны. Токио опасается доминирующего присутствия Китая в Евразии [9] и предпринимает активные попытки расширения своей «мягкой силы» на континенте путем выделения значимого объема помощи развитию, экономической дипломатии и технологической поддержки экономик развивающихся стран.

Основные направления японского содействия развитию Афганистана

Несмотря на редкое упоминание значимой роли Японии в процессах урегулирования конфликта и установления мира в Афганистане, Токио длительное время занимает лидирующие позиции в мире по объемам предоставленной помощи, развитию и повышению эффективности государственного управления в этой зоне нестабильности. Основные усилия в этом направлении Япония сконцентрировала на следующих программах.

1. Содействие в сфере безопасности.

Данное направление включало в себя широкий спектр действий, охватывающих реинтеграцию бывших бойцов группировок, противостоящих правительству в Кабуле, содействие в финансировании и подготовке афганской национальной полиции, создание необходимой таможенной и антинаркотической инфраструктуры в ряде пограничных провинций, а также разминирование и подготовку афганских специалистов в этой сфере. Япония играла ведущую роль в усилиях по разоружению, демобилизации и реинтеграции неправительственных вооруженных группировок в Афганистане. В период с 2002 по 2006 г. около 60 000 бывших членов движения «Талибан» участвовали в данной программе и в результате 276 000 единиц оружия было изъято из обращения [10].

Кроме того, японское правительство приняло решение финансировать заработную плату около 90 тыс. афганских полицейских в 2009-2010 гг. с целью обеспечения стабильности президентских выборов в стране [11]. Вместе с тем Токио также обеспечивает программы по повышению грамотности сил афганской национальной армии Япония также внесла 52 млн долл. США в Целевой фонд НАТО [12] для улучшения управления и физической безопасности боеприпасов в Афганистане, строительства провинциальных центров реконструкции и оказания помощи в разминировании. В сотрудничестве с ОБСЕ и Управлением ООН по наркотикам и преступности Япония реализовала проекты по созданию необходимой инфраструктуры для обеспечения таможенного и пограничного контроля на афганских границах с Пакистаном, Ираном и Таджикистаном [13].

2. Восстановление инфраструктуры и строительство новых объектов.

В результате затяжного конфликта практически повсеместное уничтожение или серьезное повреждение имеющейся инфраструктуры было одним из главных препятствий в восстановлении Афганистана. Осознав глубину этой проблемы, различные японские государственные организации приступили к активному участию и финансированию возведения нескольких масштабных социально-экономических объектов на территории провинций Афганистана. В этих целях в 2002, 2003, 2006 и 2012 г. Япония провела ряд международных конференций стран-доноров, готовых оказать содействие восстановлению Афганистана [14]. В период с 2001 по 2017 г. Япония оказала Афганистану помощь в размере 6,4 млрд долларов США [15] в таких сферах, как разоружение и реинтеграция, реконструкция, строительство дорог и зданий, укрепление сельского хозяйства и ирригации, образование, здравоохранение, восстановление и сохранение исторического наследия. На сегодняшний день Япония является второй страной в мире после США по объему выделенной финансовой помощи Афганистану на различные проекты развития, при этом большая часть этой помощи – около 43 % [16] – была направлена на реконструкцию и строительство инфраструктуры в данной нестабильной стране. К примеру, Япония предоставила помощь для строительства 50 км трассы Кабул–Кандагар в 2003 г., а также строительству дорог вблизи границы с Пакистаном и Узбекистаном [17]. Она финансировала развитие местных дорог и

На сегодняшний день Япония является второй страной в мире после США по объему выделенной финансовой помощи Афганистану на различные проекты развития. При этом около 43 процентов было направлено на реконструкцию и строительство инфраструктуры.

восстановление аэропортов в провинциях. Так, при содействии японской стороны были завершены модернизация городской дороги Мазари-Шарифа в 2007 г. и дороги Бамиан – в 2014 г. [18]. Важным вкладом Японии также была помощь в строительстве терминала международного аэропорта в Кабуле. Были построены или капитально отремонтированы более 830 школ, обучающих более 1 млн учеников, а также японскими тренерами был разработан ряд школьных учебных материалов и повышена квалификация более 10 000 учителей [19].

3. Повышение потенциала и эффективности афганских государственных институтов.

В результате непрекращающегося конфликта Афганистан столкнулся с проблемой формирования фундаментальных государственных институтов и последующего обеспечения их эффективной работы. С целью оказания содействия в этих вопросах сразу после формирования временной администрации в Кабуле под руководством Х.Карзая японское правительство направило своих специалистов для экспертной помощи в разработке новой Конституции и системно оказывала финансовую поддержку всем президентским и парламентским выборам в Афганистане, повышает потенциал Независимой избирательной комиссии [20]. Более того, Япония принимала активное участие в становлении и укреплении потенциала министерств здравоохранения, юстиции и по делам женщин [21]. Вместе с тем Япония в 2001-2017 гг. помогла укрепить знания и навыки около 4500 афганских государственных служащих и предоставила более 900 стипендий для магистратуры и докторантуры афганским студентам в японских университетах [22].

В то же время есть ряд вопросов по эффективному использованию выделенных средств, поскольку фактор нестабильности создает серьезное препятствие в продуктивной имплементации планов по повышению результативности афганского правительства и восстановлению экономики. Более того, во многих случаях Япония предоставляла финансирование ряду международных организаций для имплементации проектов развития в Афганистане и тем самым роль Токио в этих процессах в определенной степени размывалась, так как широкая общественность воспринимала реализуемые инициативы как результат деятельности международных институтов, а не японского правительства. Своеобразным вызовом для даль-

Япония участвовала в становлении и укреплении потенциала министерств здравоохранения, юстиции и по делам женщин; в 2001-2017 гг. помогла укрепить знания и навыки около 4500 афганских государственных служащих и предоставила более 900 стипендий для магистратуры и докторантуры афганским студентам в японских университетах.

нейшей помощи Японии является сокращение военного присутствия ее союзников в лице США и европейских стран в Афганистане, что повышает риски в реализации отдельных проектов развития в афганских провинциях.

Потенциал японско-узбекского сотрудничества в Афганистане

Потенциальными направлениями для сотрудничества между Японией и Узбекистаном являются следующие:

- подготовка афганских специалистов в учебном центре в г.Термез. Финансовая поддержка японской стороной данного центра может способствовать увеличению количества обучающихся. Также опыт Японии в подготовке отдельных специалистов в сфере строительства, сельского хозяйства, здравоохранения, менеджмента образования, педагогике и других сферах крайне востребован. Налаживание практики посещения данного центра японскими преподавателями, запуск обменных программ студентов, поставки научной и учебной литературы – важные шаги в укреплении потенциала центра;
- поддержка Японией таких стратегических инфраструктурных проектов, как строительство железных и автомобильных дорог, мостов, электрификация страны, возведение новых образовательных и лечебных учреждений;
- учитывая высокий политический авторитет Токио на международной арене, поддержка Японией инициатив Узбекистана по урегулированию ситуации в соседней стране придает им дополнительный вес;
- экспертно-аналитическое сотрудничество между исследовательскими центрами Японии и Узбекистана. Учитывая богатую традицию афганистики в Узбекистане, подготовка совместных аналитических материалов о современной ситуации в Афганистане, тенденциях развития в политической и социально-экономических сферах, а также внутриполитическом раскладе сил будет способствовать своевременному обеспечению внешнеполитических курсов Японии и Узбекистана актуальными исследовательскими материалами.

Литература

1. Afghan-Japan Relations. // The Embassy of Afghanistan in Japan, April 2020. http://www.afghanembassyjp.com/relations.html

2. JICA Research Institute. Afghanistan and Japan Working Together on State-Building and Development // Japan International Cooperation Agency Research Institute, 2012.

3. *Hisane Masaki*. Afghan heads in Tokyo for peace talks. // The Japan Times, 15 March 2000. https://www.japantimes.co.jp/news/2000/03/15/national/afghan-heads-in-tokyo-for-peace-talks/#.XsXdrTozZPY

4. Там же.

5. *Axel Berkofsky*. A Pacifist Constitution for an Armed Empire: Past and Present of the Japanese Security and Defense Policies. // Universita di Pavia, FrancoAngeli, 2012. p.203

6. *Patrick Hein*. In the Shadow of Pacifism: Foreign Policy Choices of Germany and Japan in Afghanistan. // East Asia, Number 28, 2011.

7. Там же.

8. *Masatsune Katsuno*. Japan's Quest for a Permanent Seat on the United Nations Security Council. // Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012. https://library.fes.de/pdf-files/id/09024.pdf

9. *Oleg Paramonov, Olga Puzanova*. Tokyo's diplomacy in Eurasia: Successes and failures (1997–2017). // Journal of Eurasian Studies, Volume 9, Issue 2, 2018. https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.06.003

10. *Victoria Tuke*. Japan's Crucial Role in Afghanistan. // Asia Pacific Bulletin, Number 206, 10 April 2013.

11. *Dennis T. Yasutomo*. Japan's Civil-Military Diplomacy: The Banks of the Rubicon. // Routledge, 2014.

12. *Hamid Wahed Alikuzai*. A Concise History of Afghanistan in 25 Volumes. // Trafford Publishing, 2013.

13. Japan's Assistance in Afghanistan: Towards Self-Reliance. // The report of the Ministry of Foreign Affairs of Japan, April 2012. https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/japan_assistance.pdf

14. *Victoria Tuke*. Japan's Crucial Role in Afghanistan. // Asia Pacific Bulletin, Number 206, 10 April 2013.

15. *Azizullah Hamdard*. Japan pledges $3.6m in aid for Afghanistan development. // Pajhwok, 23 April 2017. https://www.pajhwok.com/en/2017/04/23/japan-pledges-36m-aid-afghanistan-development

16. *Kuniko Ashizawa*. Japan's Approach to Peacebuilding in Afghanistan: Money, Diplomacy and the Challenges of Effective Assistance. // Journal of Peacebuilding & Development, Volume 9, Issue 3, 2014. https://doi.org/10.1080/15423166.2014.984555

17. JICA Research Institute. Afghanistan and Japan Working Together on State-Building and Development // Japan International Cooperation Agency Research Institute, 2012.

18. Japan's Assistance in Afghanistan: Towards Self-Reliance. // The report of the Ministry of Foreign Affairs of Japan, April 2015. https://www.mofa.go.jp/files/000019264.pdf

19. Там же.

20. *Simran Walia*. Securing Peace in Afghanistan: A Primer on Japan's Role. // ORF Issue Brief No. 347, March 2020, Observer Research Foundation.

21. JICA Research Institute. Afghanistan and Japan Working Together on State-Building and Development // Japan International Cooperation Agency Research Institute, 2012.

22. *Azizullah Hamdard*. Japan pledges $3.6m in aid for Afghanistan development. // Pajhwok, 23 April 2017. https://www.pajhwok.com/en/2017/04/23/japan-pledges-36m-aid-afghanistan-development

Н.Т. Файзибаева

Опыт Японии: совершенствование качества туристских услуг

Индустрия туризма – одна из самых динамично развивающихся отраслей мировой экономики. В мире все больше государств рассматривают туризм в качестве ключевого сектора национальной экономики, мобилизуют серьезные ресурсы для создания конкурентоспособной туристической инфраструктуры. В этой связи изучение богатого опыта Японии как передового государства с точки зрения оказания туристических услуг и внедрение его с учетом местной специфики остается актуальной задачей для Узбекистана.

Следует подчеркнуть, что Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев инициировал структурные реформы в сфере туризма. В частности, оказанию туристских услуг современного уровня иностранным гостям будет способствовать создание Государственного комитета Республики Узбекистан по развитию туризма на базе упраздненной Национальной компании «Узбектуризм». С 1 января 2017 г. ему переданы от Кабинета Министров функции по лицензированию туристской деятельности, при этом отменяется требование о получении лицензии гостиницами и другими местами проживания [1-5]. Указом Президента № УП-4861 внесены коррективы по коренному совершенствованию системы подготовки кадров туристической отрасли, регулярному повышению знаний и квалификации гидов и других работников [2].

Следует отметить, что благодаря концептуальному пересмотру подхода к организации туристической отрасли за последние годы Узбекистан переживает туристический бум. По данным Государственного комитета по туризму Республики Узбекистан, в 2018 г. в страну въехало 5

Файзибаева Н.Т., канд. экон. наук, доцент каф. «Мировая экономика и МЭО», УМЭД.

млн 346 тыс. туристов. Данный показатель в два раза больше по сравнению с 2016 г., когда количество прибывших составило 2 млн 690 тыс. человек. В свою очередь, в течение 2019 г. количество иностранных посетителей составило 6 млн 748 тыс. человек и превысило показатели 2018 г. на 26,2 % [3].

Для повышения эффективности отрасли необходимо обращаться к мировому опыту. Индустрия въездного туризма Японии является растущим рынком, который обладает огромным потенциалом, остающимся пока не востребованным. Хоть Япония становится все более популярной в качестве туристического направления и быстро развивается в некоторых областях, ей все еще не хватает базовой инфраструктуры. В эту инфраструктуру входит многоязычная информация, вывески, доступ к Wi-Fi и обслуживающий персонал, владеющий английским языком. Глава Японского агентства по туризму Акихико Тамура опубликовал в газете «JapanTimes» свою точку зрения: «Несмотря на туристический бум, Япония по-прежнему остается «неразвитой страной», когда речь заходит о туризме» [6]. Во многом это связано с тем, что Япония традиционно сосредоточилась на своем устойчивом внутреннем туристическом рынке и ей не приходилось привлекать иностранных гостей, пока в последние годы спад в производственном секторе не заставил правительство переключить свою экономическую политику на сектор услуг, где туризм играет важную роль. Благодаря усилиям Японской национальной туристической организации (JNTO) и повышению осведомленности о преимуществах въездного туризма, число туристов действительно увеличилось, в результате чего правительство удвоило свои целевые показатели на 2020 г.

Достигнутые успехи обусловлены в основном групповыми турами. В них туристы приезжают на короткое время, посещают заранее определенные магазины, связанные с туристическим агентством, в основном занимаясь шоппингом. Этот вид туризма до сих пор обеспечивал хороший доход, но Япония ставит целью представить более устойчивые модели туризма, поэтому правительство страны разработало стратегию по продвижению туристических предложений (рис. 1).

По данным Государственного комитета по туризму Республики Узбекистан, в 2018 г. в страну въехало 5 млн. 346 тыс. туристов. Данный показатель в два раза больше по сравнению с 2016 г., когда количество прибывших составило 2 млн. 690 тыс. человек. В свою очередь, в течение 2019 года количество иностранных посетителей составило 6 млн. 748 тыс. человек и превысило показатели 2018 года на 26.2 %.

Явление непродолжительного шоппинга (его в Японии называют «взрывные покупки») стимулиру-

ется покупателями из материкового Китая. Они приобретают большое количество японской электроники для последующей перепродажи. Эти туры проводятся автобусными конвоями. Туристы совершают короткие туры по популярным достопримечательностям Киото и Хоккайдо, делая 30-минутные остановки для фотосессий в строго запланированных местах, включающих рестораны и сувенирные магазины. На конечной остановке их направляют в такие торговые районы, как Акихибара и Гинза, где они покупают не только электронику, но и предметы роскоши.

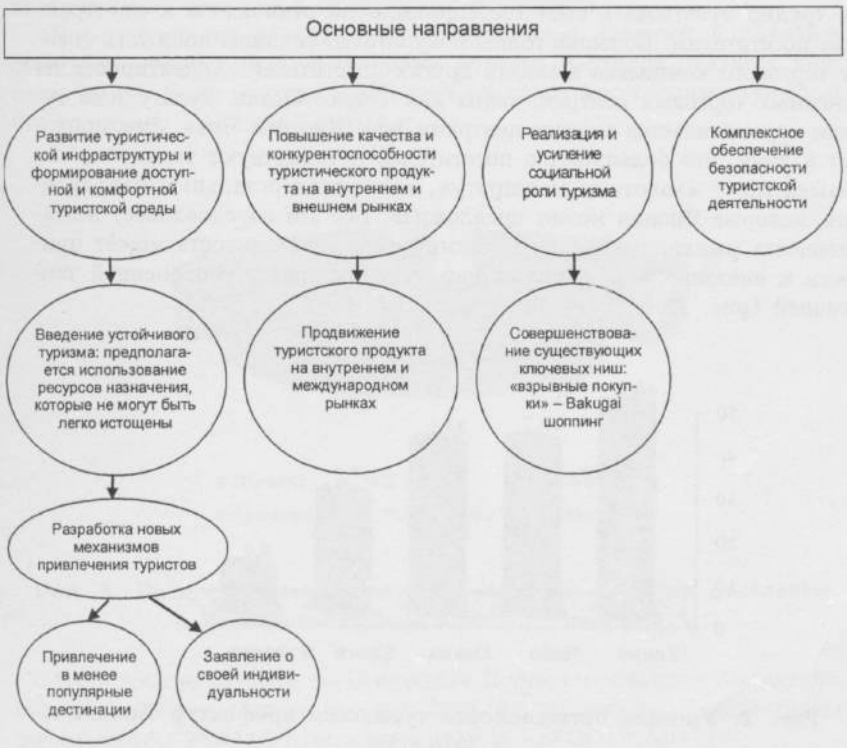

Рис. 1. Стратегия Японии по привлечению туристов до 2020 г.*

* Составлен автором на основе [8-9].

Описанный тип туризма дает мало возможностей для более глубокого понимания истории, культуры и места обитания жителей, а также всех необходимых элементов для того, чтобы посетитель мог проникнуться своеобразием места и стать постоянным посетителем. Туристы, прибывающие в пункт назначения большими группами, создают перегрузку транспорта, что вызывает недовольство у жителей. Например, в Киото все большее число групповых туристов заполняют общественные автобусы, что создает помехи в повседневной жизни обитателей. В районах Токио возникли проблемы с незаконной парковкой групповых туристических автобусов и блокированием движения. В таких ситуациях трудно чувствовать себя гостеприимно по отношению к иностранным посетителям. Большие толпы покупателей склонны понижать оценку торгового комплекса в глазах других посетителей. Акцентируясь на основных торговых центрах, таких как Токио, Осака, культурный туризм ограничивается такими центрами, как Киото и Чиба. Это приводит к тому, что большинство посетителей путешествуют только по так называемому «золотому маршруту», пропуская остальные направления, которые Япония может предложить. Все это обусловливает нестабильность рынка, поскольку экономическая волатильность может привести к внезапному падению спроса, что становится современной тенденцией (рис. 2).

Рис. 2. Уровень посещаемости туристами префектур Японии в 2018 г.*

* Составлен автором по материалам Портала статистических данных. https://www.statista.com/statistics/657560/japan-most-visited-prefectures-by-foreign-tourists/.

Несмотря на то, что шоппинг приносил неоспоримую экономическую выгоду, это не стало моделью устойчивого развития туризма. Фактически наблюдается упадок этого сектора рынка, поскольку китайские посетители перестают покупать электронику и переходят на косметику и ювелирные изделия. Снижение расходов на электронику отчасти происходит потому, что электроника китайского производства становится сопоставимой по качеству с японской, а также потому, что благодаря росту числа розничных продавцов электронной коммерции стало проще приобретать товары на дому. Модель исчерпала себя потому, что в ней нет ничего уникального для места назначения, ее легко можно воспроизвести в странах проживания посетителя.

Вместе с тем это не означает, что шоппинг не является устойчивым. В 2016 г. среди самых популярных пунктов расходов оказался шоппинг, на его долю пришлось 38% всех расходов иностранных туристов, что составило 59,32 тыс. иен (рис. 3).

Рис. 3. Распределение туристских расходов на душу населения в Японии по статьям в 2018 г., тыс. йен.*

* Составлено автором по материалам Портала статистических данных. https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/16/national/foreign-tourists-spent-record-%C2%A54-5-trillion-japan-2018/#.XcAOOzJN0dU

Китайские посетители постепенно переходят от модели группового тура к свободному бесконтрольному путешествию, где они могут тратить время и делать покупки с большей осмотрительностью, что приво-

дит к меньшему количеству оптовых покупок и большему количеству избранных покупок качественных товаров.

Многообещающими по доходам являются преимущества оздоровительного туризма как следствие перехода к покупке косметики и пищевых добавок, поскольку это указывает на интерес к японским продуктам для красоты и здоровья.

Оздоровительный туризм является показательным примером модели устойчивого туризма в Японии. В отличие от производства электронных товаров он тесно связан с историей, культурой и географией страны.

Устойчивый туризм по определению использует те ресурсы назначения, которые не могут быть легко истощены. Это относится не только к очевидным природным ресурсам или материальным товарам, которые может производить регион, но и к нематериальным активам, таким как ценность и «очарование» пункта назначения. Достопримечательностью номер один для туристов в Японии является храм Фусими Инари в Киото, поскольку он является уникальным местом, его можно сфотографировать без вездесущей толпы. В этом смысле часто ценность места назначения понижается из-за перенаселенности.

Устойчивое развитие туризма должно быть принято во внимание, когда пункт назначения достиг своей точки перегрузки инфраструктуры, поэтому число посетителей должно контролироваться. В качестве примеров направлений, ограничивающих количество посетителей, могут служить города Лондон, Барселона и Венеция [10], где направления турпотоков ограничиваются по количеству посетителей, что повышает качество их обслуживания.

Положительный образ территории, или ее бренд, формируется благодаря воздействию многих факторов: уровень развития экономики, степень развития инфраструктуры, транспорта, сферы услуг, наличие рекреационных ресурсов, экологическая составляющая территории, ее общая инвестиционная привлекательность.

Одна из стратегий привлечения туристов – организация туров в менее популярные места. Предлагается сойти с общеизвестного пути, находить способы побудить туристов путешествовать за пределами популярных направлений в менее известные, но все-таки интересные. Это поможет распределить нагрузку на транспортную инфраструктуру и снизить нагрузку на основные пункты назначения, что особенно необходимо в такой многолюдной стране, как Япония.

JNTO (Japan National Tourism Organization) осознает необходимость поощрения регионального расселения вдали от «золотого маршрута»

Маркетинг туризма и маркетинг территорий – явления взаимосвязанные. Турфирмы являются субъектами маркетинга территорий, а маркетинг территорий способствует увеличению турпотока.

Токио, Киото и Осаки, поэтому прилагает маркетинговые усилия, чтобы стимулировать поездки в сельские районы. Это, безусловно, шаг в правильном направлении. Если этот маркетинг будет успешным, он может помочь достичь стратегических целей правительства. Для успеха этой инициативы важно понять, каким должен быть целевой рынок. Это сводится к качеству, а не к количеству: качество опыта посетителя, а не количество посетителей в одиночку. Почему это важно? Чтобы полностью понять данную стратегию, необходимо сопоставить данные о поездках и расходах посетителей. Согласно опубликованной статистике туристических агентств Японии, европейские путешественники тратят в среднем больше, чем китайцы [11]. Причина этого проста: хоть европейские путешественники не участвуют в bakugai-покупках, они, как правило, остаются дольше и участвуют в более широком спектре развлечений.

У Японии есть удивительное разнообразие направлений путешествий, например, в регионы Кавагоэ (Никко), Хираидзуми, Камакура-Фудзисава, Кусацу и Нарита. Каждое из этих направлений продается как однодневная поездка, но является идеальным вариантом для проживания минимум на 2-3 ночи. Расширение этих направлений с однодневной поездки до ночного статуса требует активного участия местных поставщиков жилья, работников ресторанов и организаторов туров. Важно повышать осведомленность о том, чем интересно место назначения, при этом налаживать сотрудничество с местной маркетинговой организацией для продвижения поездок. Важно, чтобы JNTO повышала осведомленность о том, как поддерживать устойчивое развитие сферы туризма и ее инфраструктуры.

Европейские и североамериканские посетители не ограничены коротким отпуском и часто могут остаться на 2 недели и более. Это открывает возможности для гораздо большего количества интерактивных впечатлений и посещений мест в сельских местностях во время их пребывания в Японии. Кроме того, этот опыт пробуждает у посетителей чувство прекрасного и превращает их в активных сторонников той или иной местности, куда они будут возвращаться в качестве постоянных посетителей, иногда разделяя эти чувства с друзьями, семьей и коллегами в последующих поездках.

Еще одна стратегическая задача – диверсификация. Ее суть состоит в том, чтобы разнообразить направления потока туристов из-за рубежа, которые, как правило, концентрируются в трех крупных городских

районах – Токио, Нагоя и Осака. Как отмечалось ранее, многие въезжающие туристы, в частности, те, кто приезжает впервые, выбирают так называемый «золотой маршрут», соединяющий популярные направления в Токио, Киото и Осаку.

Правительство Японии стремится увеличить долю иностранных посетителей, которые останавливаются на ночь за пределами трех столичных районов, с 50% в 2020 г. до 60% в 2030 г. Однако этот показатель, который составлял 38% в 2015 г., замедлился и составил около 41% с 2017 г. [12]. Для сельских районов, которые привлекают мало въездных туристов, развитие и популяризация местных достопримечательностей и улучшение общественного транспорта считаются основными мерами.

Положительный образ территории, или ее бренд, формируется благодаря воздействию многих факторов: уровень развития экономики, степень развития инфраструктуры, транспорта, сферы услуг, наличие рекреационных ресурсов, экологическая составляющая территории, ее общая инвестиционная привлекательность.

Маркетинг туризма и маркетинг территорий – явления взаимосвязанные. Турфирмы являются субъектами маркетинга территорий, а маркетинг территорий способствует увеличению турпотока. Туризм, развитый на достаточно высоком уровне, позволяет посетителям страны составить свое положительное мнение, создать свой собственный образ той или иной территории.

Изучение опыта Японии показало, что потребительские восприятия, следовательно, качество услуги характеризуются следующими соответствиями:

- между потребительскими ожиданиями и их восприятием туроператором;
- между восприятием туроператором потребительских ожиданий и их преобразованием в показатели качества услуги;
- между параметрами качества услуги и качеством предоставляемой услуги;
- между предоставляемыми услугами и внешней информацией об услугах в рекламе.

Современные технологии в туризме и сопредельных областях экономики Узбекистана будут способствовать развитию сферы посещений страны иностранцами, на что указал Президент Республики Узбекистан в Указе «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Государственного комитета Республики Узбекистан по развитию туризма» [6].

Литература

1. Постановление Президента Республики Узбекистан «Об организации деятельности Государственного комитета Республики Узбекистан по развитию туризма» № ПП-2666 от 2 декабря 2016 г.

2. Указ Президента Республики Узбекистан"О мерах по обеспечению ускоренного развития туристской отрасли Республики Узбекистан" № УП-4861 от 2 декабря 2016 г.

3. Сборник "Туризм в Узбекистане 2019", Государственный комитет Республики Узбекистан по развитию туризма, http://cloud.uzbektourism.uz/uzbektourism/downloads/files/Book-curved.pdf (дата обращения: 05.02.2020)

4. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» № УП-4947 от 7 февраля 2017 г.

5. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшей поддержке и развитию сферы туризма в Республике Узбекистан» №137 от 15.03.2017 г.

6. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении Положения о порядке лицензирования туристской деятельности» №189 от 6 апреля 2017г.

7. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Государственного комитета Республики Узбекистан по развитию туризма». Г. Ташкент, № ПП-3510 от 6 февраля 2018 г., – http://www.lex.uz/docs/3550281

8. Новостное агентство TheJapanTimes. https://www.japantimes.co.jp/news/2016/10/21/national/japan-still-developing-nation-tourism-jta-chief/#.XLAor4kzbDc.

9. Япония становится туристической сверхдержавой. По материалам ratanews.ru – https://visitjapan.ru/news/improve/

10. Мартышенко Н.С. Практика использования ивент-стратегии для привлечения зарубежных туристов в Японию // «Достижения науки и образования», 2016.

11. Грег Ричардс, Роберт Палмер. Событийные города: культурный менеджмент и городская ревитализация / Пер. К.В. Патырбаева. – Пермь, 2014.

12. *Чугров С.В.* Япония: гибридизация и гармонизация // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 59–67.

13. Всемирная туристская организация. http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/am9-shopping-report_v2.pdf.

З.Д. Тураназарова

Особенности деятельности МОТ в Узбекистане

Процессы глобализации оказывают влияние на экономику многих государств, трудовые отношения и рынок труда. Их усиление характеризуется расширением сферы надомной работы, увеличением числа работников, занятых неполный рабочий день, ростом числа самозанятых граждан и безработицы,возникновением так называемого заемного труда,заключением срочных трудовых договоров, изменением практики коллективных переговоров, ослаблением роли национальных профсоюзов, появлением различий в правовом регулировании труда в государственном и негосударственном секторах экономики [1].

Активизация мировых хозяйственных и гуманитарных связей, региональная интеграция, международная трудовая миграция приводят к тому, что расширяются объёмы и содержание международных трудовых норм, среди которых особое место занимают трудовые стандарты. Это обусловлено распространением экстерриториального применения трудовых норм, в значительной мере сложившихся в процессе деятельности многонациональных корпораций [2].

В Узбекистане с марта 2008 г. утвержден и реализуется национальный план действий согласно ратификации Конвенций «О минимальном возрасте для приема на работу» № 138 и «О запрещении и немедленном действии по искоренению наихудших форм детского труда» № 182. К 2022 г. планируется создать Министерство социальной защиты, которое будет регулировать все социальные механизмы, действующие в социальной сфере. В действующем трудовом законодательстве республики отражены основные стандарты МОТ.

Тураназарова З.Д., преподаватель кафедры «социально-политические науки», УМЭД.

Процессы формирования транснациональных трудовых отношений имеют не только теоретико-познавательный интерес, но и важное практическое значение для многих стран и народов.

Взаимопереплетение различных по своему содержанию общественных, хозяйственных, финансовых, демографических, культурных структур и жизненных ценностей стран и народов современного мира требует пересмотра и переосмысления многих устоявшихся и, казалось бы, оправдавших себя направлений социально-экономического развития.

Важным шагом стало вступление Федерации профсоюзов Узбекистана в МКП и Торгово-промышленной палаты Узбекистана в Международную организацию работодателей (МОР).

В МОТ регулярно представляются доклады Республики Узбекистан по выполнению положений конвенций и рекомендаций МОТ.Одна из основных задач Рабочей группы – обеспечение контроля за соблюдением трудового законодательства относительно минимального возраста приема на работу, охраны и условий труда лиц моложе 18 лет, а также недопущения наихудших форм детского труда.

Европейский Союз выявил значительный прогресс в деле искоренения использования детского труда и сотрудничества Узбекистана с МОТ в этой сфере. В декабре 2016 г. Европарламент ратифицировал так называемый «Текстильный протокол», или Договор о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Узбекистаном в сфере текстильной промышленности. Суть протокола заключается в отмене системы двойного лицензирования в торговле текстильными изделиями. Решение о его ратификации принято, так как республика выполнила требование искоренить использование детского труда при сборе урожая хлопка-сырца. В проекте резолюции депутаты Европарламента отметили тот факт, что в Узбекистане в течение последних трех лет практически полностью искоренен детский труд такого вида.

К 2022 г. планируется создать Министерство социальной защиты, которое будет регулировать все социальные механизмы, действующие в социальной сфере.

Важным этапом по пути дальнейшей либерализации экономики в Узбекистане стало решение пленарной сессии Европарламента, на которой был подписан протокол о внесении изменений в Соглашение о сотрудничестве между Узбекистаном и ЕС. При его подписании Комиссар ЕС по торговле С. Мальмстрем отметила, что ратификация «Текстильного протокола» значительно расширит экспорт и импорт текстильной продукции между Республикой Узбекистан, ЕС и его странами-членами. Одобрение данного документа отвечает интересам европейских

стран, поскольку активизируются торговые связи в данной сфере. С. Мальмстрем заверила, что Комиссия ЕС будет и далее оказывать содействие Узбекистану в осуществлении диверсификации сельского хозяйства.

Согласно решению Комиссии ЕС, ратификация «Текстильного протокола» позволит ввести на взаимной основе режим наибольшего благоприятствования, который предусматривает предоставление таможенных льгот, а также привилегий в отношении внутренних налогов и сборов, которыми облагаются производство, обработка и обращение импортируемых в ЕС узбекистанских текстильных товаров.

Кроме того, МОТ постоянно следит за развитием ситуации в сфере детского и принудительного труда в нашей стране, что дает основание для одобрения данного документа.

В Узбекистане реализуется Страновая Программа по достойному труду на 2014-2016 гг., которая была пролонгирована на период до 2020 г. Согласно этой Программе, сотрудничество с МОТ осуществляется по трем согласованным приоритетным направлениям: 1) развитие национального трудового законодательства, 2) занятость и рынок труда, 3) социальная защита и социальный диалог.

В программе предусмотрено рассмотрение вопросов создания и функционирования молодежных «бирж труда» как социальной сети с учетом возможностей наставничества, квотирования, трудоустройства на условиях частичного рабочего дня, организации лагерей труда и отдыха и т.д. в соответствии с трудовым законодательством с учетом прав и интересов несовершеннолетних, а также разработка и внедрение механизмов мониторинга детского труда в свете национальных приоритетов образования посредством совершенствования работы по профориентации, мониторинга посещаемости и условий труда подростков, сочетающих учебу с работой.

Согласно «Текстильному протоколу» отменена система двойного лицензирования в торговле текстильными изделиями, принято решение о его ратификации, так как республика выполнила требование искоренить использование детского труда при сборе урожая хлопка сырца. В Узбекистане в течение последних трех лет практически полностью искоренен детский труд такого вида.

Приняты Национальные планы действий по реализации ратифицированных Конвенций МОТ по детскому и принудительному труду, утвержденные постановлениями Правительства в 2008, 2012 и 2014 гг. В них предусмотрены следующие меры:

• совершенствование нормативно-правовой базы в области детского и принудительного труда;

• контроль и мониторинг реализации Конвенции №138 и Конвенции №182;

• проведение широкой информационно-разъяснительной работы по вопросам реализации Конвенций №138 и №182 и др.

Благодаря инициативам Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева и тесному сотрудничеству с МОТ республика смогла выйти на качественно новый уровень в таких вопросах, как ликвидация задолженности по заработной плате, улучшение качества рабочей силы, улучшение условий оплаты труда, повышение заработной платы, особенно в сфере медицины и педагогики, на что выделяются финансы из госбюджета.

С 2013 г. в Узбекистане по методологии МОТ и при непосредственном участии ее экспертов проводится мониторинг использования детского и принудительного труда в сельском хозяйстве;также ведется национальный мониторинг детского и принудительного труда в сфере хлопководства, уделяется внимание информационно–разъяснительной деятельности с населением. Например, благодаря таким мероприятиям в 2013-2017 гг. были проведены мониторинги МОТ и Всемирного банка; на тот период не было выявлено случаев массового использования детского и принудительного труда в период сбора хлопка-сырца.

Таким образом, в республике реализуются действенные меры по предупреждению и недопущению принудительного труда, что было подтверждено на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сентября 2017 г. в выступлении Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева: «В сотрудничестве с Международной организацией труда приняты действенные меры по искоренению детского и принудительного труда» [3].

Благодаря инициативам Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева и тесному сотрудничеству с МОТ республика смогла выйти на качественно новый уровень в таких вопросах, как ликвидация задолженности по заработной плате, улучшение качества рабочей силы, улучшение условий оплаты труда, повышение заработной платы, особенно в сфере медицины и педагогики, на что выделяются финансы из госбюджета.

Установлен парламентский контроль по предупреждению и недопущению возможных рисков применения детского и принудительного труда в какой-либо форме. Так, на пленарном Заседании Сената 4 октября 2017 г. принято специальное постановление «Об усилении мер по обеспечению гарантированных трудовых прав граждан в соответствии с

законодательством Республики Узбекистан и международными стандартами труда».

Реализовано Постановление Кабинета Министров «О дополнительных мерах по реализации в 2018-2020 гг. ратифицированных Республикой Узбекистан конвенций Международной Организации Труда» от 31 мая 2018 г., в котором указаны данные по конкретным пунктам совершенствования национального законодательства согласно выполнению ратифицированных конвенций МОТ.

В связи с взаимодействием, разработкой и реализацией программ дальнейшего сотрудничества с МОТ в нашей стране действует Программа по достойному труду. Она имеет три направления, которые касаются социального партнерства МОТ с Узбекистаном: дальнейшее внедрение основополагающих принципов и прав в сфере труда, улучшение условий труда и социальная защита населения.

Важно, что для реализации трехстороннего диалога Постановлением Кабинета Министров №553 от 3 июля 2019 г. созданы республиканская и территориальные трехсторонние комиссии по социально-трудовым вопросам. Ведется активная работа по дальнейшей интеграции профсоюзов Узбекистана в международное профсоюзное движение, поскольку Федерация профсоюзов Узбекистана является ассоциированным членом Международной конфедерации профсоюзов (МКП) и в декабре 2018 г. восстановила свое членство во Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП) [4].

Эксперты МОТ неоднократно отмечали наиважнейшую роль Федерации профсоюзов Узбекистана.Она сотрудничает с Торгово-промышленной палатой, Комитетом женщин, Союзом молодёжи, Национальной ассоциацией ННО Узбекистана и при поддержке МОТ проводит национальный мониторинг с участием международных экспертов профсоюзных объединений МКП.

В связи с взаимодействием, разработкой и реализацией программ дальнейшего сотрудничества с МОТ в нашей стране действует Программа по достойному труду. Она имеет три направления, которые касаются социального партнерства МОТ с Узбекистаном: дальнейшее внедрение основополагающих принципов и прав в сфере труда, улучшение условий труда и социальная защита населения.

Надо отметить, что представители Федерации профсоюзов Узбекистана участвовали в субрегиональных мероприятиях МОТ, проведенных в таких странах, как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Швеция, Норвегия. Около 50 представителей из профсоюзов Узбекистана прошли обучение в Международном учебном центре

МОТ в Турине, развивая свой потенциал и набираясь опыта у международных экспертов.

Поскольку профсоюзные организации играют важную роль в решении некоторых социальных вопросов, в 2019 г. совместно с МОТ и участием представителей профцентров Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана было проведено несколько встреч в формате конференций, в том числе конференция «Быстро меняющаяся сфера труда: проблемы и решения», международный семинар «Эффективное применение Трехсторонней декларации принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики МОТ», международный форум женщин – профсоюзных лидеров и активистов гендерного равенства на трудовом рынке и профсоюзах, а также цикл семинаров по охране труда и социальной защите. Например, в Узбекистане с 22 по 29 апреля 2019 г. была объявлена Неделя охраны труда в честь Дня всемирной охраны труда, что доказывает приверженность Республики Узбекистан к выполнению международных обязательств в сфере труда и налаживании партнерства и конструктивного диалога с МОТ.

Узбекистан как полноправный член ООН активно содействует практическому осуществлению законодательных актов МОТ, тем самым создавая условия для осуществления адресной социальной защиты всех нуждающихся в этом групп населения, и проводя системный мониторинг за исполнением законодательства о труде в виде докладов Правительства по реализации международных трудовых стандартов в соответствии с требованиями и механизмами МОТ и международных обязательств республики.

Таким образом, Узбекистан как полноправный член ООН активно содействует практическому осуществлению законодательных актов МОТ, тем самым создавая условия для осуществления адресной социальной защиты всех нуждающихся в этом групп населения и проводя системный мониторинг за исполнением законодательства о труде в виде докладов Правительства по реализации международных трудовых стандартов в соответствии с требованиями и механизмами МОТ и международных обязательств республики. В сфере законотворчества предусматривается конструктивное сотрудничество с МОТ, Всемирным банком, Международной конфедерацией профсоюзов, Международной организацией работодателей и другими международными неправительственными организациями в целях эффективной реализации Концепции МОТ по достойному труду в Узбекистане [5].

Литература

1. *Feenstra R.C.* Globalization and Its Impact on Labor.// Global Economy. – Lecture. Vienna Institute for International Economic Studies. February 8, 2007. (дата обращения: 10.12.2010).

2. *Шестерякова И.В.* Глобализация и международные трудовые нормы: этапы развития. – Ростов-на-Дону, 2010. С. 112-116.

3. http://uza.uz/ru/politics/prezident-uzbekistana-shavkat-mirziyoev-vystupil-na-72-y-ses-20-09-2017

4. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан №553 от 3.07.2019 г. «О трехсторонних комиссиях по социально – трудовым вопросам» https://www.lex.uz/ru/docs/4398823

5. https://lex.uz/docs/3760770

А.Х. Ахмедходжаев

Ўзбекистон Республикасига хорижий инвестициялар, илғор замонавий технологиялар ва илм-фан ютуқларини жалб этиш ҳамда сайёҳлар оқимини кенгайтиришда консуллик муассасалари фаолиятининг ўрни ҳақида

Ўзбекистон Республикасининг савдо-иқтисодий ва инвестициявий-молиявий алоқаларининг жадал суръатларда кенгайиши бошқа давлатлар билан ҳар томонлама муносабатларни муттасил ривожланиши билан кечадиган жараён бўлиб, бу Ўзбекистон Республикасининг консуллик муассасаларининг фаолиятини такомиллаштириш заруратини юзага келтирди.

Маълумки, Ўзбекистон Республикаси ўзининг ташқи сиёсий фаолиятини авваламбор ривожланган ва кенг тармоқланган дипломатик ва консуллик муассасалари ёрдамида амалга оширади.

Консуллик муассасалари анъанавий равишда ташқи сиёсий органлар тизимига кириб, ташқи сиёсий орган, хориждаги дипломатик ваколатхоналар ва халқаро ташкилотлар қошидаги ваколатхоналар билан бир қаторда давлатнинг ташқи сиёсий функцияларини бажаради. Консуллик муассасалари дипломатик ваколатхоналардан фарқли ўлароқ, мамлакатимиз фуқаролари ва юридик шахсларини хорижда ҳимояси, уларга турли давлат юридик хизматларини кўрсатишни амалга оширади.

Ахмедходжаев А.Х., чет тилларни ўқитишнинг инновацион методикаларини ривожлантириш Республика илмий-амалий маркази

Мустақиллик йилларида республикамиз ташқи сиёсий органларининг, шу жумладан консуллик муассасаларининг изчил тизимини яратишга, Ўзбекистон Республикасининг азалий ва янги ҳамкор-мамлакатлари билан консуллик муносабатларини ривожлантиришга муваффақ бўлинди.

Авваламбор истиқлолнинг дастлабки кунларидан бошлаб Ўзбекистоннинг чет эл мамлакатлари билан дипломатия муносабатларини тартибга солувчи норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар тизими, жумладан, консуллик фаолиятини олиб боришнинг қонунчилик негизини яратишга киришилди (11, 56) ва бугунги кунга келиб, Ўзбекистон Республикасида дипломатия ва консуллик қонун ҳужжатларининг изчил тизими таркиб топди.

Истиқлолнинг дастлабки кунларидан бошлаб Ўзбекистоннинг чет эл мамлакатлари билан дипломатия муносабатларини тартибга солувчи норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар тизими, жумладан, консуллик фаолиятини олиб боришнинг қонунчилик негизини яратишга киришилди ва бугунги кунга келиб, Ўзбекистон Республикасида дипломатия ва консуллик қонун ҳужжатларининг изчил тизими таркиб топди.

Жамият ҳаётининг турли жабҳаларида, жумладан, иқтисодиёт, савдо, маданият, туризм ва фан соҳаларида Ўзбекистон фуқаролари, ташкилотлари ва корхоналарининг бошқа мамлакатлар фуқаролари, корхоналари ва фирмалари билан алоқаларини кенгайиши ва чуқурлашиши Ўзбекистон Республикаси дипломатик ва консуллик ҳуқуқининг ўрни ва аҳамиятини сезиларли даражада ортишига олиб келди. Мазкур муносабатлар ва алоқаларни тартибга солиш консуллик хизматининг ваколатлари жумласига киради.

Дарҳақиқат, бугунги кунда консуллик муносабатлари ҳам давлатлар, ҳам жисмоний ва юридик шахслар учун алоҳида диққатга сазовордир, зеро уларнинг хавфсизлигини таъминлаш, уларни ҳимоя қилиш ҳамда уларнинг ҳуқуқларига риоя этилишини назорат килиш мазкур муносабатларнинг самарадорлик даражаси билан белгиланади. Бу эса мамлакатимиз юридик ва жисмоний шахсларнинг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини амалга ошириш ва ҳимоя қилиш кўп жиҳатдан Ўзбекистон Республикаси консуллик хизмати тизимининг самарали фаолиятига боғлиқ эканлигини англатади.

Ўзбекистон Республикасининг консуллик хизмати "Ўзбекистон дипломатия хизматининг таркибий қисми" ҳисобланади (7, 166-167).

Ўзбекистон Республикасининг консуллик муносабатлари 1963 йилги Консуллик муносабатлари тўғрисидаги Вена конвенциясига, Ўзбекистон Республикасининг икки томонлама консуллик конвенциялари ва битимларига, Ўзбекистон Республикасининг консуллик тўғрисидаги қонун ҳужжатлари, шу жумладан Ўзбекистон Республикасининг Консуллик уставига асосланади.

Консуллик муносабатларини турли йўналишларда ва кенг норматив-ҳуқуқий тартибга солиш Ўзбекистон Республикасининг консуллик муносабатларини барқарор ривожлантиришга хизмат қилади.

Ҳозирги кунда Ўзбекистон Республикасида консуллик муносабатларини тартибга солишда янги таҳрирдаги Ўзбекистон Республикасининг Консуллик устави марказий ўрин тутади (16).

Янги таҳрирдаги Ўзбекистон Республикасининг Консуллик устави қабул қилингунга қадар эса 29 август 1996 йилда қабул қилинган Ўзбекистон Республикасининг Консуллик устави ҳаракатда бўлиб келди (17).

Юқорида қайд этилганидек, мустақилликнинг илк йиллариданоқ консуллик фаолиятининг турли йўналишлари ҳуқуқий тартибга солинди, хусусан, консуллик легаллаштириш масалалари (5), консул томонидан ҳужжатларни қонунийлаштириш масалалари (4), консуллик йиғимларининг тарифи (13), консуллик ҳаракатларини бажариш билан боғлиқ ҳақиқий харажатларни қоплаш учун йиғимлар ундириш ва келиб тушган пул маблағларидан фойдаланиш тартиби (6) шулар жумласидандир. Бундан ташқари хорижий давлатларнинг консуллик муассасалари ва уларнинг ходимларини Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлиги ҳузурида аккредитация қилиш тартиби ўрнатилди (8), хорижий давлатларнинг консуллик муассасалари ва уларнинг ходимларининг Ўзбекистон Республикасидаги фаолияти тартибга солинди (9), чет элда бўлган фуқароларимизга паспорт бериш жараёнини ҳуқуқий тартибга солиш ва консуллик муассасалари ваколатларини белгилаш борасида тегишли тартиб ўрнатилди (18), Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлиги тизими органлари, хусусан, консуллик муассасаларининг ташқи сиёсий ва ташқи иқтисодий фаолиятининг устувор йўналишларини амалга оширишда унинг масъулиятини кучайтириш борасида Президентнинг тизим яратувчи Фармони қабул қилинди (15).

Дарҳақиқат, Республикамизда амалга оширилаётган янгиланиш жараёни консуллик муассасалари олдига ҳам янги вазифаларни қўйиб, консуллик муносабатлари билан боғлиқ бўлган масалалар ечимига нисбатан янгича ёндашувни талаб қилмоқда. Жумладан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг мазкур Фармонида консуллик муассасалари фаолиятида кўрсатилаётган давлат хизматларининг тезкорлик ва сифат даражаси, Ўзбекистоннинг хориждаги жисмоний ва юридик шахсларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатлари самарали ҳимоя қилинишини таъминлаш, оғир шароитга тушиб қолган фуқароларга ёрдам кўрсатиш даражаси қониқарсиз аҳволда қолаётгани қайд этилиб (12), амалдаги норматив-ҳуқуқий базадан тортиб, ташкилий штат тузилмасининг бугунги фаолияти, ташқи сиёсий идора консуллик муассасалари томонидан кўрсатилаётган давлатлар хизматларининг ҳозирги суръати, сифа-

ти, кадрлар сиёсатининг самарасизлиги ва илғор ахборот-коммуникация технологияларининг етарли даражада жорий этилмаслиги каби муаммолар бирма-бир келтириб ўтилади.

Ушбу йўналишда, аввало консуллик муассасалари ишини янада фаоллаштириш, шунингдек, Ўзбекистоннинг бошқа давлатлар билан консуллик муносабатларини тартибга солувчи ҳуқуқий нормалар ва шартномавий базани Ўзбекистон Республикасининг ташқи сиёсатини самарали амалга ошириш ва унинг жаҳон ҳамжамиятига янада фаол қўшилишини таъминлаш манфаатларида такомиллаштириш тақозо этилади.

Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш. Мирзиёев Ташқи ишлар вазирлиги ва мамлакатимизнинг хорижий давлатлардаги элчихоналари фаолиятига бағишланган йиғилишдаги нутқида, "мамлакатимиз саноати ва инфратузилмаларини модернизация қилиш ва ривожлантириш учун хорижий инвестициялар, илғор замонавий технологиялар ва илм-фан ютуқларини фаол жалб этиш зарур. Мамлакатимизнинг иқтисодий ривожланиши кўп жиҳатдан фаол инвестиция сиёсатига боғлиқ. Ўзбекистонга келаётган сайёҳлар оқимини кенгайтириш бўйича элчихоналаримиз ҳам фаол ва тизимли иш олиб бориши лозим" (14), деган ташқи сиёсий органлар, хусусан консуллик муассасалари учун зарур бўлган фаолиятнинг замонавий йўналишларини санаб ўтди. Фикримизча, бунга эришиш учун улар энг аввало мамлакатимизда ишлаб чиқарилган товарлар ва хизматларни чет элда илгари суришга кўмаклашиши, мамлакатимиз компаниялари, фирмалари ва корхоналари билан уларнинг чет эллик ҳамкорлари ўртасида боғловчи бўғинга айланиши лозим.

Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш. Мирзиёевнинг ушбу нутқида дипломатик муассасалар фаолияти аввало қуйидаги энг муҳим вазифаларни ҳал этишга қаратилиши лозимлиги алоҳида таъкидланди, яъни:

"Биринчидан, экспорт, экспорт ва яна бир бор экспорт! Гап Ўзбекистонда ишлаб чиқарилаётган маҳсулотларни хорижий давлатлар бозорларига экспорт қилишга ҳар жиҳатдан амалий кўмаклашиш ҳақида бормоқда. Бугунги кунда дунёдаги кўплаб давлатлар, хусусан, ривожланган мамлакатларнинг ташқи сиёсат фаолиятида айнан шу масалага энг устувор аҳамият берилишини сизлар яхши биласизлар.

Иккинчидан, мамлакатимиз саноати ва инфратузилмаларини модернизация қилиш ва ривожлантириш учун хорижий инвестициялар, илғор замонавий технологиялар ва илм-фан ютуқларини фаол жалб этиш зарур.

Биз мамлакатимизга чет эл инвестицияларини жалб қилишда элчиларимиз, дипломатларимизнинг иштирокини кучайтириш ҳақида сўз юритдик.

Учинчидан, Ўзбекистонга келаётган сайёҳлар оқимини кенгайтириш бўйича элчихоналаримиз ҳам фаол ва тизимли иш олиб бориши лозим.

Ана шу муҳим вазифаларнинг барчаси сизларнинг кундалик фаолиятингизнинг устувор йўналишлари бўлиши даркор" (14).

Шу билан биргаликда, Ўзбекистон Республикаси Президентининг "Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлиги тизимини тубдан такомиллаштириш ҳамда ташқи сиёсий ва ташқи иқтисодий фаолиятнинг устувор йўналишларини амалга оширишда унинг масъулиятини кучайтириш чора-тадбирлари тўғрисида" 2018 йил 5 апрелдаги ПФ-5400-сонли Фармонининг 1-бандида "Ўзбекистон Республикасининг ташқи иқтисодий манфаатларини ҳимоя қилиш ва илгари суриш, савдо-иқтисодий алоқаларни ривожлантириш, чет эл инвестициялари ва илғор технологияларни жалб қилиш, миллий товарлар ва хизматларни жаҳон бозорларида тарғиб этиш ҳамда мамлакатга сайёҳлар оқимининг кўпайиши учун қулай ташқи сиёсий шароитлар яратиш" (15) Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлигининг, хусусан, консуллик муассасаларининг асосий вазифаларидан бири сифатида ҳуқуқий жиҳатдан мустаҳкамлаб қўйилди.

Ўзбекистон Республикаси консуллик муносабатларини амалга ошириш амалиёти мазкур фаолиятнинг ижобий натижалари ҳам республика учун, ҳам унинг фуқаролари учун улкан аҳамият касб этишидан далолат беради. Зеро, Ўзбекистон Республикасининг консуллик муассасалари ҳам давлат, ҳам жисмоний ва юридик шахсларнинг манфаатларини ҳимоя қилишга қаратилган бўлиб, ушбу тоифа муносабатларини ривожи аввало ташқи сиёсий тизимнинг ривожланганлик даражаси билан белгиланади. Ўзбекистон Республикасининг турли давлат ва шаҳарларда очилаётган кўп сонли консуллик муассасалари юридик ва жисмоний шахсларнинг манфаатларини тезкор ва сифатли ҳимоя қилишга имконият яратиб беради.

Ўзбекистоннинг консуллик муассасалари ўз фаолиятларини тубдан қайта кўриб чиқишлари ва ўз саъй-ҳаракатларини асосан ташқи иқтисодий манфаатларни илгари суришга, хорижий инвестицияларни республикага жалб қилишга, сайёҳлар оқимини кенгайтиришга, республикамизни халқаро транспорт ва логистика йўналишларига қўшилишини таъминлашга каратишлари лозим.

Ўзбекистон Республикасида консуллик институтининг шаклланиши ва ривожи кузатилиб, қатор консуллик муассасаларининг очилиши,

янги таҳрирда Консуллик уставининг қабул қилиниши фикримизнинг ёрқин исботидир.

Фикримизча, консуллик ҳуқуқининг ривожи ҳам илмий, ҳам амалий, ҳам ҳуқуқ ижодкорлиги йўналишларида бир хилда изчиллик билан амалга оширилиши лозим. Айниқса, ҳуқуқ ижодкорлиги соҳасида қилинадиган ишлар кўлами кенг бўлиб, бунда жорий қонунчиликни ривожлантириш, мустақилликнинг илк йилларида қабул қилинган ва ҳозиргача ҳаракатда бўлган қатор ҳужжатларни янгилаш талаб этилади.

Шунингдек, Ўзбекистоннинг консуллик муассасалари ўз фаолиятларини тубдан қайта кўриб чиқишлари ва ўз фаолиятининг тамал тоши сифатида ташқи иқтисодий манфаатларни илгари суриши, хорижий инвестицияларни республикага жалб қилиши, сайёҳлар оқимини кенгайтириши, республикамизни халқаро транспорт ва логистика йўналишларига қўшилишини таъминлаши бўлиши лозим. Шу сабабли, консуллик ваколатхоналаримиз штатига ТИВ фаолиятига тааллуқли бўлган охирги фармон ва қарорларда белгиланган ташқи иқтисодий, инвестиция ва сайёҳлик соҳаларига оид лавозимларни, яъни инвестициявий атташе, туризм атташеси ва атташе-логист лавозимларини жорий этиш ва киритиш мақсадга мувофиқдир.

Таклиф этилган лавозимларда ишлайдиган вакилларимиз мамлакатимизнинг юридик ва жисмоний шахсларига ишончли ахборотни тезкорлик билан олиш, уларга чет эллик ҳамкорлар билан ташқи иқтисодий битимларни тузиш ва кейинчалик уларни юридик қўллаб-қувватлашда ёрдам кўрсатиши лозим.

Хулоса қилиб шуни айтиш мумкинки, мамлакатимиз саноати ва инфратузилмаларини модернизация қилишда хорижий инвестициялар, илғор замонавий технологиялар ва илм-фан ютуқларини фаол жалб этиш ҳамда Ўзбекистонга келаётган сайёҳлар оқимини кенгайтириш вазифасини ҳал этишда консуллик муассасалар фаолиятини ислоҳ этиш ва кенгайтириш лозим бўлиб, юқорида билдирилган амалий таклифларнинг амалга ошиши Ўзбекистоннинг консуллик муассасалари олдида турган асосий вазифаларни муваффақиятли ҳал қилишга хизмат қилади.

Адабиётлар

1. *Алламуратов А.Т.* Теоретические вопросы дипломатического и консульского иммунитета в уголовном процессе: Учебное пособие / Под общей ред. профессора Абдумажидова Г.А. – Ташкент: ТГЮИ, 2003.

2. *Вейнер А.П.* Консулы в христианских государствах Европы и Североамериканских Соединенных Штатах. – СПб.: Тип. Князя В. П. Мещерского, 1894. – Стр. 4–6;

Бобылев Г.В., Зубков Н.Г. Основы консульской службы. – М., 1986. – Б. 610 ва бошқ.

3. *Каримов И.А.* Ўзбекистон; миллий истиқлол, иқтисод, сиёсат, мафкура. – Тошкент: «Ўзбекистон" НМИУ, 1993. – 50-б.

4. "Консул томонидан ҳужжатларни қонунийлаштириш тўғрисида"ги Йўриқнома (рўйхат 313-сон 12.03.97 й.).

5. Консуллик легаллаштириш тўғрисидаги 14 февраль 1997 йилдаги Йўриқнома // Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлиги томонидан 1997 йил 12 мартда 313-сон билан давлат рўйхатидан ўтказилган.

6. «Консуллик ҳаракатларини бажариш билан боғлиқ ҳақиқий харажатларни қоплаш учун йиғимлар ундириш ва келиб тушган пул маблағларидан фойдаланиш тартиби тўғрисида"ги Низом (рўйхат. 1273-сон, 18.09.2003 й.).

7. *Маматқулов А.* Халқаро ҳуқуқ. – Тошкент: «Адолат», 1997. – 166–167-бетлар.

8. Порядок аккредитации дипломатических представительств, консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций и их сотрудников при Министерстве иностранных дел Республики Узбекистан от 8 мая 2001г. // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2001. – № 9 (21). – Ст. 48; "Хорижий давлатларнинг дипломатик ваколатхоналарини, консуллик муассасаларини, халқаро ташкилотларнинг ваколатхоналарини ва уларнинг ходимларини Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлиги ҳузурида аккредитация қилиш тартибига ўзгартиш ва қўшимчалар киритиш ҳақида"ги Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 6 май 2019 йилдаги 376-сонли қарори // Национальная база данных законодательства, 06.05.2019 г., № 09/19/376/3096.

9. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 207 «О деятельности дипломатических представительств, консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организации и их сотрудников в Республике Узбекистан» от 8 мая 2001 г. // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2001. – № 9 (21). – Ст. 46; Положение «О дипломатических представительствах и консульских учреждениях иностранных государств в Республике Узбекистан» от 8 мая 2001 г. // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2001. – № 9 (21). – Ст. 47.

10. *Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллев Е.В.* Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. – Ташкент: «Адолат», Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, 2000. – С. 123–124.

11. *Саидова Л.А.* Правовые основы дипломатии Узбекистана // Московский журнал международного права. – М., 1999. – № 2. – С.56.

12. *Йўлдошев Тошпўлат:* Бу - Ўзбекистонни дунёга очадиган фармон // https://www.bbc.com/uzbek/uzbekistan-43669779. – 2018. – 6 апр.

13. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 1993 йил 19 августдаги 423-сонли қарори билан тасдиқланган "Ўзбекистон Республикаси консуллик йиғимларининг тарифи».

14. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Ташқи ишлар вазирлиги ва мамлакатимизнинг хорижий давлатлардаги элчихоналари фаолиятига бағишланган йиғилишдаги нутқи // https://president.uz/uz/lists/view/1423. – 2018. – 12 янв.

15. Ўзбекистон Республикаси Президентининг "Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлиги тизимини тубдан такомиллаштириш ҳамда ташқи сиёсий ва ташқи иқтисодий фаолиятнинг устувор йўналишларини амалга оширишда унинг масъулиятини кучайтириш чора-тадбирлари тўғрисида" 2018 йил 5 апрелдаги ПФ-5400-сонли Фар-

мони // Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 06.04. 2018 й., 06/18/5400/1023-сон.

16. «Ўзбекистон Республикасининг Консуллик уставини тасдиқлаш тўғрисида"ги 17 январь 2019 йилдаги Ўзбекистон Республикасининг Қонуни // Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 18.01.2019 й., 03/19/517/2497-сон; Ўзбекистон Республикасининг Консуллик устави // Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 18.01.2019 й., 03/19/517/2497-сон.

17. «Ўзбекистон Республикасининг Консуллик уставини тасдиқлаш тўғрисида"ги 29 август 1996 йилдаги Ўзбекистон Республикасининг Қонуни // Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг Ахборотномаси, 1996 й., 9-сон, 124-модда; Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг 1996 йил 29 августда қабул қилинган "Ўзбекистон Республикасининг Консуллик уставини амалга киритиш ҳақида"ги 262-I-сонли Қарори // Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг Ахборотномаси, 1996 йил, № 9, 125-модда; Ўзбекистон Республикасининг Консуллик устави // Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг Ахборотномаси, 1996 й., 9-сон, 124-модда; 1999 й., 1-сон, 20-модда; Ўзбекистон Республикаси қонун ҳужжатлари тўплами 2010 й., 37-сон, 313-модда; 2016 й., 39-сон, 457-модда.

А. Рахимов, А. Мирзалиев

Фрагментация «Талибан»: факт, вымысел и будущее

В марте 2020 г. Институт мира США опубликовал доклад под названием «Фрагментация «Талибан»: факт, вымысел и будущее», автором которого является известный эксперт, специализирующийся на изучении проблем афганского кризиса, Эндрю Уоткинс. Доклад примечателен тем, что в нем анализируется феномен «фрагментации талибов» с точки зрения оценки готовности «Талибан» участвовать в мирных переговорах и выполнять взятые на себя обязательства.

Как подчеркивает автор исследования, в международном дискурсе движение «Талибан» обычно описывается как слабая, не имеющая четкой иерархии структура, «склонная к фрагментации». Данное видение практически не менялось за последние два десятилетия, несмотря на серьезную эволюцию движения в качестве организационной структуры. Концепция фрагментированной сущности талибов фактически легла в основу подходов ведущих международных акторов к данному движению, значительно повлияла в целом на реализацию политики в отношении афганского кризиса.

Тем не менее на сегодняшний день крайне мало серьезных исследований, касающихся проблемы фрагментарности движения «Талибан». Всестороннее изучение и раскрытие данной проблематики помогло бы значительно продвинуться в урегулировании конфликта в Афганистане. В этой связи экспертно-аналитическое сообщество должно найти ответы на следующие важные вопросы: остается ли движение «Тали-

Рахимов А., главный научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований при УМЭД.
Мирзалиев А., главный научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований при УМЭД.

бан» фрагментированной организацией? Какие признаки фрагментарности характерны ей на современном этапе и как они отражаются на деятельности движения?

По мнению автора, крайне важно различать понятия фрагментации и фракционности. Зачастую толкование явления «фрагментированности», используемое в отношении талибов, носит достаточно ограниченный характер. Это объясняется в первую очередь своеобразным сетевым происхождением организации, где силен дух консультативного принятия решений. Данная особенность продолжает связывать узами талибов, несмотря на достаточно высокую степень самостоятельности на уровне управления и ведения военных операций. Опыт деятельности «Талибан» показывает, что движение может быть разделено на фракции или принимать решения в процессе фракционного консенсуса, но продолжать оставаться целостной по сути в реализации стратегических целей.

В своей фундаментальной работе по повстанческой сплоченности и фрагментации[1] профессор Чикагского университета П.Станиланд утверждает, что влиятельные повстанческие движения исторически имели две ключевые особенности. Сплоченные повстанческие группы обладают как сильными горизонтальными сетями, которые связывают лидеров организации, так и вертикальными связями, которые привязывают повстанцев к сообществам, в которых они осуществляют свою деятельность. Позднее профессор австралийского университета Вуллонгонг Т.Фаррелл применил концепцию П.Станиланда к талибам. Согласно мнению ученого, движение обладает особенностями сильного повстанческого движения. Он приходит к выводу о том, что руководство, основанное на консультативном и консенсусом способе принятия решений, остается привлекательным для разных, порой соперничающих между собой группировок талибов. Кроме того, инициативы, направленные на решение вопросов социального характера, активное использование локализованного набора, а также особое внимание к отсталым регионам Афганистана продолжают укреплять вертикальные связи «Талибан» с общинами.

По мнению П.Станиланда, ключевой особенностью «Талибан», отличающей его от других подобных группировок, являются тесные горизонтальные связи между постоянно действующими боевыми отрядами (махазами). В некоторых случаях они координируют свои действия и объединяют усилия, но в целом имеют высокую степень самостоятель-

[1] Staniland, Paul. Networks of Rebellion: Explaining Insurgent Cohesion and Collapse. Cornell University Press, 2014. JSTOR, www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt5hh16w. Accessed 2 June 2020.

ности, сами занимаются сбором и распределением средств, а также рекрутированием новых бойцов. Лидеры махазов общаются напрямую с руководством движения, имеют с ним близкие персональные отношения. Именно они являются ключевым объединяющим фактором движения на современном этапе, а не безупречная лояльность амиру (верховный руководитель).

Основной вывод из теоретических исследований ученых заключается в том, что сплоченная повстанческая группа скорее всего будет успешно вести переговоры и выполнять взятые на себе обязательства, в то время как фрагментированная группа почти никогда не способна на это. Проведенные изыскания по организационной природе движения «Талибан» свидетельствуют о том, что талибы являются относительно сплоченной структурой по сравнению с другими современными повстанческими группировками. В этих условиях попытки ослабить «Талибан» путем поддержки центробежных тенденций внутри движения способно негативно отразиться на мирном переговорном процессе, так как любое мирное разрешение конфликта в ИРА зависит от присутствия более или менее сплоченной структуры.

По мнению экспертов, относительная сплоченность «Талибан» является благоприятным фактором для организации мирных переговоров между противоборствующими сторонами в Афганистане. Подписанное между США и талибами мирное соглашение в г. Доха от 29 февраля 2020 г. демонстрирует наличие консолидированной позиции руководства движения по ключевым вопросам афганского урегулирования. Наблюдатели отмечают, что одновременно с переговорами с американской стороной талибы активно вели внутреннее межфракционное обсуждение по основным пунктам соглашения. В то же время продолжение военной активности талибов до и после подписания соглашения должно восприниматься как стремление руководства движения сохранить сплоченность в критически важный для себя момент.

Опасения некоторых исследователей по поводу того, что процесс мирных переговоров может привести к разночтениям внутри повстанческого движения и еще больше усложнить достижение стабильности, не имеет под собой объективных оснований в контексте современного Афганистана. Учитывая нынешние реалии, фрагментация «Талибан» вряд ли возможна под влиянием внешних факторов. В этой связи исследователи подходят к важному выводу: талибы могут расколоться только в том случае, если руководство потеряет способность обеспечивать выживание и продвижение интересов членов движения, а также если произойдут фундаментальные сдвиги в их базах поддержки и убежища. Кроме того, «Талибан» может испытать

внутренние противоречия в случае серьезных территориальных потерь или завоеваний.

В целом, по мнению автора, относительная сплоченность «Талибана» оставляет надежду на достижение реальных практических результатов от переговорного процесса по афганскому урегулированию. При этом внешние игроки и правительство в Кабуле должны быть заинтересованы в дальнейшей консолидации движения, так как фрагментированный «Талибан» будет практически неспособным на серьезный политический диалог.

У. Хасанов

Коллективная монография «Прикладной анализ внешнеполитических ситуаций» Центра международных экономических и политических исследований УМЭД

Изучение и выработка системного понимания особенностей базовых трендов международных отношений всегда воспринималась академическим сообществом в качестве теоретической науки, а ее прикладное значение было первостепенным. Предлагаемый вниманию читателей коллективный труд ученых Центра международных экономических и политических исследований Университета мировой экономики и дипломатии посвящен именно прикладному анализу внешнеполитических ситуаций.

Солидный коллектив авторов настоящей монографии предпринял довольно серьезную попытку исследования основ прикладного анализа во внешней политике государства, информационных аспектов их методологического обеспечения, современных граней изучения международной политики, целевого структурирования внешнеполитического анализа и особенностей оперативно-аналитической работы, характера, типологии и специфики деятельности ведущих международных «мозговых» центров и исследовательских институтов, особенностей системного моделирования и прогнозирования политических ситуаций в мире – все это вкупе традиционно задавало тон в определении и продвижении внешней политики любой страны.

Выдающиеся и наиболее цитируемые авторы этой области науки – Эдвард Карр с его фундаментальным исследованием «Двадцатилетний кризис» (впервые опубликованного еще в 1939 г.) и Ганс Моргентау с его книгой «Международная политика» (вышедшей в свет в 1948 г.) –

Хасанов У., канд. полит.наук, заведующий кафедрой «Международные отношения» УМЭД.

посвятили свое теоретическое наследие исследованию детерминирующих скрепов практической политики государства в качестве ключевого конструкта международных отношений. Системный анализ как таковой, его прикладный характер разрабатывался как методологический подход, раскрывающий суть международной политики из целого комплекса разрозненных и фрагментированных событий, на что обращают внимание читателей авторы данной коллективной монографии. Они на основе довольно солидного исследовательского материала делятся азами прикладной аналитики с будущими специалистами-международниками, теоретическим инструментарием для выработки понимания общих атрибутов и закономерностей, лежащих в основе сложнейших перипетий и поворотов международной политики, в которой борьба за доминирование была и остается определяющей. Эти и другие приоритеты стали отправными тезисами данной монографии.

В современной политологии существует огромный пласт академических материалов, посвященных изучению различных концептуальных особенностей прикладного анализа внешнеполитической и международной деятельности государств. В их числе работы крупнейших представителей американской и европейской школ политического анализа [1], а также целой плеяды видных российских экспертов [2]. Как отмечают авторы данной монографии, такие исследования затрагивают актуальные направления теории и практики подготовки ситуативного анализа, дают общие представления и знания о системном подходе к изучению современных социально-политических процессов в различных регионах мира, теоретических основах нормативного политического анализа, наиболее влиятельных «мозговых центрах». Особенно важным в монографии стал раздел, касающийся определения базовых методов исследования международных ситуаций на примере принципов контент-анализа, ивэнт-анализа, когнитивного картирования, системного анализа и теории игр. В нем приводятся отдельные ситуативные позиции сторон в урегулировании противоречий и конфликтных столкновений, понимания причинно-следственных методов в

Настоящая монография посвящена исследованию основ прикладного анализа во внешней политике государства, информационных аспектов их методологического обеспечения, современных граней изучения международной политики, целевого структурирования внешнеполитического анализа и особенностей оперативно-аналитической работы, характера, типологии и специфики деятельности ведущих международных «мозговых» центров и исследовательских институтов, особенностей системного моделирования и прогнозирования политических ситуаций в мире.

раскрытии актуальных проблем мировой политики, последовательное и целенаправленное изучение которых дает целостное представление об оптимальных форматах, категориях и типологиях принятия решений во внешнеполитической деятельности.

При анализе российских исследований авторы монографии обращаются к работам таких ведущих международников, как А.В.Торкунов (Современные международные отношения и мировая политика, 2017 г.), К.П.Боришполец (Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2010 г.); Т.А. Шаклеина (Введение в прикладной анализ международных ситуаций – М.: Аспект Пресс, 2014), А.А.Дегтярев (Прикладной политический анализ. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010), *А.Д.* Богатуров (Современная мировая политика: прикладной анализ – М.: Аспект Пресс, 2010); М.А.Хрусталев (Методология прикладного политического анализа. – М.: Проспект, 2010), по праву считающихся зачинателями традиций российской школы структурного анализа, зарождавшейся в стенах МГИМО МИД РФ, а также многих молодых специалистов, уже немало сделавших в деле совершенствования теории и практики внешнеполитического анализа [3].

Многие ученые, особенно в Соединенных Штатах второй половины прошлого столетия, считали, что теоретическая база школы прикладного анализа в начальном периоде своего становления была в некоторой мере импрессивной по своей природе. Исторические иллюстрации и ситуативные кейсы использовались скорее для подкрепления, нежели для практической импликации и подтверждения общих атрибутов и закономерностей международных отношений. В результате эта дисциплина несколько отставала от изучения экономики, которая использовала сложную методологию, заимствованную из естественных наук, для проверки конкретных исследовательских гипотез, количественных и математических методов анализа, разработки общих законов и прогнозирования линии поведения государств. Сторонники такого подхода пытались построить новую теорию международной политики, одни – ради лучшего объяснения и более высокого уровня предсказательной точности, другие – в надежде на то, что наука выработает ключ к пониманию того, как преобразовать международные отношения к лучшей модели развития.

В данной связи стоило бы отметить принципиальное отличие коллективной монографии ученых УМЭД, в достаточной степени исправляющей существующее упущение или непонимание природы международной политики, лежащей в основе многих известных исследований. Большинство таких подходов, как совершенно справедливо отмечают авторы данной книги, зиждутся на крайне ошибочной иллюзии о том, что борьба за господство в международных отношениях

может быть устранена или урегулирована международным правом, или ложной мыслью о том, что стремление к эгоизму может быть заменено эфемерной озабоченностью проблемами обеспечения некой общей безопасности, забывая о ключевой парадигме международной политики, согласно которой неустанная борьба за доминирование и обеспечение собственной национальной безопасности – перманентна и этернальна. Главный постулат здесь именно в том, что все попытки реформировать международную систему, игнорируя борьбу за власть, неумолимо завершались провалом. Не меньшую тревогу, по их мнению, вызывала опасность каких-либо наивных попыток добиться фундаментальных изменений в мире, которые усугубят проблему достижения стабильного и устойчивого баланса сил в системе международных отношений.

Теория игр, или так называемая «ролевая теория», исследуемая авторами монографии, рассматривается на примере различных кейсов, возможности интеграции анализа внешней политики и теории международных отношений. Ролевая теория была первоначально адаптирована для использования американскими учеными, позже была подхвачена европейскими экспертами, а также представителями сообщества так называемых политологов-структуралистов и конструктивистов в различных школах международных отношений. По мнению авторов монографии, ролевая теория, по-видимому, действительно заслужила право на дальнейшее развитие возможности интеграции и даже синтеза анализа внешней политики и теории международных отношений. Эти и многие другие крайне актуальные и оптимальные с исследовательской точки зрения проблемы современного регионального и глобального развития показаны авторами книги на высоком профессиональном уровне.

Данная монография по праву может считаться первым и основательным шагом по раскрытию аналитического потенциала многочисленных оптимальных инструментариев прикладного анализа в деле формирования национальной школы внешнеполитических и международных исследований.

По нашему твердому убеждению, данная монография по праву может считаться первым и основательным шагом в раскрытии аналитического потенциала многочисленных оптимальных инструментариев прикладного анализа в деле формирования национальной школы внешнеполитических и международных исследований, особенно если речь идет о целевом предназначении и аудитории таких книг, к которым традиционно относим будущих международников – бакалавров, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, занимающихся

аналитической работой, что становится серьезным подспорьем в деле подготовки высокопрофессионального экспертно-аналитического сообщества страны.

Литература

1. *K. Waltz* (eds), The Use of Force (Lanham); *Buzan B.* and *Little R.* (2000) International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations (Oxford) (2001); *Cochran M.* (1999) Normative Theory in International Relations: A Pragmatic Approach (Cambridge). *Gilpin R.G.* (1986) The Richness of the Tradition of Political Realism; *R.O. Keohane* (ed.); Neo-Realism and Its Critics (New York). *Hoffmann S.* (1990) 'International Society'; *Klein B.* (1994) Strategic Studies and World Order: The Global Politics of Deterrence (Cambridge); *Klotz A.* (1995) Norms in International Relations: The Struggle Against Apartheid (Ithaca); *Vincent R.J.* (1984) Booth and S. Smith (eds), International Relations Theory Today (Cambridge).

2. Введение в прикладной анализ международных ситуаций. – М.: Аспект Пресс, 2017; *Байков А.А., Богатуров А.Д., Колдунова Е.В., Никитенко Е.Г.* (под общей редакцией Т.А. Шаклеина,); Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. – М., 2017; *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* (ред.) Российская наука международных отношений: новые направления. – М., 2015; Внешняя политика и безопасность современной России. 1991 – 2016. Хрестоматия в 4-х томах / Составитель Т.А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002; *Возженников А.В.* Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. – М.: Изд-во РАГС, 2012; *Возженников А.В.* Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. – М.: Изд-во ЭДАС ПАК, 2014.

3. *Боришполец К.П.* Методы политических исследований: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2010; Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной:. – М.: Аспект Пресс, 2014; *Дегтярев А. А.* Прикладной политический анализ. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010; Современная мировая политика: прикладной анализ: Учебник / Под. ред. *А.Д.* Богатурова. – М.: Аспект Пресс, 2010; *Хрусталев М.А.* Методология прикладного политического анализа. – М.: Проспект, 2010; *Хрусталев М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учебник. – М.: Аспект Пресс, 2014; *Цыганков П. А.* Международные отношения: Учеб. пособие. – М.: Новая школа, 1996; *Черкасов П.* ИМЭМО. Очерк истории. – М.: Изд-во «Весь мир», 2016; *Бубнова НМ.* «Мозговые центры» как актор современной политики // Сравнительная политика. 2017.8 (3); *Варганова Г.В.* Экспликативные методы в библиотековедческих исследованиях // Библиосфера. 2008. № 4.; *Коршунов С.В.* Принятие внешнеполитических решений в России и США // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 5.

ЖАҲОН ИҚТИСОДИЁТИ ВА ДИПЛОМАТИЯ УНИВЕРСИТЕТИНИНГ ИЛМИЙ ҲАЁТИ

бўйича маълумот

2019 йил июль-сентябр ойлари

Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг июль ойида ўтказилган Илмий кенгашида Университетда амалга ошириб келинаётган Давлат илмий-техник дастурлари доирасидаги грантлардан оқилона фойдаланиш бўйича лойиҳа раҳбарларининг грантлар бўйича амалга оширилган ярим йиллик ишлари, календар режанинг бажарилиши ҳамда бу брада мавжуд муаммо ва камчиликлар бўйича ярим йиллик ҳисоботлари тингланди. Илмий кенгаш томонидан кўрсатиб ўтилган камчиликларни бартараф этиш бўйича тегишли вазифалар, жумладан, календар режага қатъий амал қилиш ва вақтида ҳамда самарали бажариш, барча ижрочиларнинг фаол иштирокини таминлаш вазифалари белгиланди.

2019 йил 8 июль куни Корея университети билан биргаликда "Глобал экологик муаммоларни ҳал этишнинг инновацион ёндашувлари: жаҳон тажрибаси (Орол денгизи мисолида)" мавзусида халқаро конференция бўлиб ўтди. Орол денгизининг ҳолатини яхшилашнинг асосий муаммолари ва йўналишлари батафсил муҳокама қилинган тадбирда Ўзбекистонда атроф-муҳитни ривожлантириш соҳасидаги олимлар ва жамоат арбоблари: Ўзбекистондаги Экологик партия раиси Борий Алихонов, Экология ва атроф-муҳит бўйича давлат қўмитаси мутахассислари қатнашдилар.

2019 йил сентябрь ҳолатига кўра Университет профессор-ўқитувчилари томонидан халқаро журналларда 39 та ва республика илмий журналларида 117 та илмий мақола чоп этилган бўлиб, халқаро мақолалар бир профессор-ўқитувчига 0,32 тадан ҳамда республика журналларидаги илмий мақолалар 0,93 тадан тўғри келмоқда. Шунингдек, ҳисобот даврида Л.Мингишовнинг "Ўзбекистоннинг экспорт рақобатбардошлигини оширишнинг асосий йўналишлари", "Халқаро иқтисодиёт ва менежмент" факультети профессор-ўқитувчилари Ш.Шарифходжаев,

Л.Ташпулатова ва С.Бакиева томонидан тайёрланган "Методические и практические аспекты развития электронной коммерции в Узбекистане: зарубежный опыт" ҳамда Л.Ташпулатова, Г.Тониянц, Р. Джураева томонидан тайёрланган "Банк тизимидаги инновациялар: глобал тенденциялар ва Ўзбекистонда ривожланиш истиқболлари" номли монографиялари нашр қилинди.

2019 йил 6 сентябрь куни Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ҳузуридаги илмий даражалар берувчи DSc.27.06.2017.Tar/Yu/I/S/24.01 рақамли Илмий кенгашнинг йиғилиши бўлиб ўтди. Йиғилишда 12.00.10 – Халқаро ҳуқуқ ихтисослиги бўйича фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун Махаматов Махмуд Махаматаминовичнинг "Ўзбекистон Республикасининг Халқаро Меҳнат Ташкилоти билан ҳамкорлигининг халқаро-ҳуқуқий асослари" мавзусидаги ва Сафаров Нурбек Абдивалиевичнингнинг "Ўзбекистон Республикасининг жиноятчиликка қарши кураш соҳасида халқаро-ҳуқуқий ҳамкорлиги" мавзусидаги диссертацияларининг муҳокамаси бўлиб ўтди. М.Махаматов ва Н.Сафаровларнинг диссертациялари Илмий кенгаш аъзолари томонидан бир овоздан экспертизадан ўтган деб тасдиқланди.

Ўқув йили мобайнида бир қанча иқтидорли талабалар қизиқиш доиралари ва фанга қобилиятлари асосида "Устоз-шогирд" тизимида илмий раҳбарларга бириктирилди. Жумладан, илмий ва публистик мақолалар ёзишга интилувчи талабалар фил.ф.д., профессор Ф.И.-Муминова раҳбарлигида 20 дан ортиқ илмий ва публицистик ишлар тайёрлади: талабаларнинг сара мақолалариб шунингдек, хорижий конференцияларда ҳамда маҳаллий газета-журналларда нашр қилинди. Халқаро муносабатлар факультетининг Халқаро муносабатлар тарихи фанига қизиқувчи талабалари т.ф.д, профессор Р.Ф.Фармоновга ва Халқаро муносабатлар назарияси фанига қизиқувчи талабалари эса с.ф.н., доцент У.А.Хасановга бириктирилди. Р.Ф.Фармонов раҳбарлигида Халқаро муносабатлар факультетининг 4- босқич талабаси А.Олимов томонидан "Уинстон Черчилл" номли илмий рисоласи тайёрланган бўлса, У.А.Хасанов раҳбарлигида иқтидорли талабалар ва магистрлар шунингдек, хорижий ёш олимлар иштирокида 2019 йил 15 июнь куни халқаро семинар ташкил этилди.

2019 йил октябрь-декабрь ойлари

Университетда жорий йилнинг охирида 138 та профессор-ўқитувчи фаолият олиб боради, улардан 15 нафари фан доктори ва 39 нафари фан номзоди бўлиб, илмий салоҳият 39,1 фоизни ташкил этади. Уни-

верситет профессор-ўқитувчилари томонидан 2019 йилда 10 та монография, шунингдек, 26 та хорижий ҳамда 48 та ВАК рўйхатига киритилган маҳаллий журналларда мақолалар, шунингдек, 195 та халқаро ва республика миқёсидаги анжуманларда тезислар нашр этилди.

2019 йилда Университет Илмий кенгашида 1 фан доктори ва 4 фалсафа доктори илмий даражаси олиш учун – жами 5 та диссертация ҳимояси ўтказилди. Илмий даража олган 4 фалсафа докторидан 2 нафари таянч докторант бўлиб, уларнинг бири муддатидан олдин ҳимояга чиққанлигини таъкидлаш жоиз. Шунингдек, Университет профессор-ўқитувчиларидан 1 нафари физика-математика фанлари бўйича фан доктори ҳамда 1 нафари иқтисод фанлари бўйича фалсафа доктори илмий даражаларини олишга муваффақ бўлди.

2019 йилнинг охирида, 6 та ихтисослик бўйича таянч докторантлар 24тани, докторантлар 4 нафарни ҳамда фалсафа доктори илмий даражасини олиш учун тадқиқот олиб бораётган мустақил изланувчилар (PhD) 88тани ва фан доктори илмий даражасини олиш учун тадқиқот олиб бораётган мустақил изланувчилар (DSc) 23 нафарни ташкил этди. Шунингдек, Университетга Жанубий Корея фуқароси Хинг Сик Ким, Хитой Халқ Республикаси фуқароси Ги Хуан ва Қозоғистон Республикаси фуқароси Жанибеков Ержан, жами 3 нафар чет эллик фуқаролар мустақил изланувчилик институтига (PhD) қабул қилинди.

2020 йил учун таянч докторантура, докторантура ва мустақил изланувчилик институтига қабулни юқори савияда ўтказиш мақсадида ЖИДУнинг 2019 йил 14 сентябрдаги № 381-UM-сонли буйруғи қабул қилинди. Мазкур буйруқ асосида Қабул комиссияси таркиби тасдиқланди ва таянч докторантура, докторантура ва мустақил изланувчилик институтларига талабгорлардан ҳужжатлар 6 ихтисолик бўйича phd.mininnovation.uz расмий веб саҳифаси орқали онлайн тарзда 2019 йилнинг 15 сентябрдан 15 октябргача бўлган муддатда қабул қилинди. Таянч докторантура бўйича 18 нафар, докторантура бўйича 1 нафар, мустақил изланувчилик (PhD) бўйича 41 нафар ва мустақил изланувчилик (DSc) бўйича 7 нафар талабгорлардан ҳужжатлар қабул қилинди.

2019 йил 20 октябрда "Университетда 2020 йил учун таянч докторантура, докторантура ва мустақил изланувчилик институтларига кириш имтиҳонларини ўтказиш тўғрисида"ги № 425-UM-сонли университет буйруғи қабул қилинди. Унга кўра, 2019 йил 14 ноябрь куни 2020 йил учун таянч докторантура, докторантура ва мустақил изланувчилик институтларига талабгорларнинг кириш имтиҳонлари бўйича консультациялар ўтказилди. Таянч докторантура институтига талабгорларнинг кириш имтиҳонлари 20-21 ноябрь кунлари хорижий тилдан

ёзма/тест ва мутахассиликдан оғзаки/суҳбат шаклда ўтказилди. 2020 йил учун докторантура ва мустақил изланувчилик институтларига талабгорлар билан суҳбат 2019 йил 22 ноябрь куни оғзаки/суҳбат шаклда ўтказилди.

2019 йил 2 декабрдаги № 495-UM-сонли университет буйруғи асосида, таянч докторантура институтига 5 нафар, докторантура институтига 1 нафар, мустақил изланувчилик (PhD) институтига 28 нафар ва мустақил изланувчилик (DSc) институтига 3 нафар талабгорлар қабул қилинди.

Ўзбекистон Республикаси Инновацион ривожланиш вазирлигининг 2019 йил 5 декабрдаги 03-10/6318-сонли хатига асосан 2020 йил учун давлат бюджети маблағлари ҳисобидан таянч докторантура институтига 3 та қўшимча квоталар ажратилди ва Университетнинг 2019 йил 13 декабрдаги "Университетнинг 2019 йил 2 декабрдаги 2020 йил учун таянч докторантура, докторантура ва мустақил изланувчилик институтларига қабул тўғрисида"ги № 495-UM-сонли буйруғига қўшимча киритиш тўғрисида"ги буйруғи билан 3 нафар таянч докторант қабул қилинди.

Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 2017 йил 22 майдаги "Олий ўқув юртидан кейинги таълим тизимини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида"ги 304-сон Қарори билан тасдиқланган "Олий ўқув юртидан кейинги таълим тўғрисидаги Низом"нинг 52-банди талабларини белгиланган тартибда бажарилишини таъминлаш мақсадида 2019 йил 18 декбрдаги "Университетида таянч докторант, докторант ва мустақил изланувчилар фаолиятини ўрганиш ҳамда докторлик диссертацияларини ўз вақтида, тўлиқ ва сифатли тайёрлаш юзасидан мониторинг ўтказиш тўғрисида" 523-UM-сонли университет буйруғи имзоланди. Мазкур буйруққа асосан 2019 йил 26 декабрь куни ўтказилган мониторингда 105 нафар таянч докторант, докторант ва мустақил изланувчилар фаолияти қуйидаги тартибда баҳоланди ҳамда Мониторинг комиссияси ҳулосалари маъқуллаш учун Университет Илмий кенгашига киритилди:

08.00.09 - Жаҳон иқтисодиёти ва 08.00.13 - Менежментихтисосликлари бўйича жами 13 нафар таянч докторант ва мустақил изланувчидан (PhD) 11 нафари мониторингдан муаффақиятли ўтди. Шахсий режа ва Олий ўқув юртидан кейинги таълим тўғрисидаги Низомнинг 53-54 бандида белгиланган талабларини етарли даражада бажармаганлиги учун бир нафар таянч докторант ҳамда бир нафар мустақил изланувчи ўз сафидан чиқарилди.

07.00.05 - Халқаро муносабатлар ва ташқи сиёсат тарихи ихтисослигида 6 нафар таянч докторант ва мустақил изланувчидан 4 нафари

ҳамда 23.00.04 - Халқаро муносабатлар, жаҳон ва минтақа тараққиётининг сиёсий муаммолари ихтисослиги бўйича 28 нафар докторант ва мустақил изланувчидан 15 нафари кейинги босқичга ўтказилди. Шахсий режа ва Олий ўқув юртидан кейинги таълим тўғрисидаги Низомнинг 53-54 бандида белгиланган талабларини етарли даражада бажармаганлиги учун 13 нафар мустақил изланувчилар ўз сафидан чиқарилди.

12.00.10 - Халқаро ҳуқуқ ихтисослигида 45 та докторант ва мустақил изланувчидан 33 нафари кейинги босқичга ўтказилди ва шахсий режа ва Олий ўқув юртидан кейинги таълим тўғрисидаги Низомнинг 53-54 бандида белгиланган талабларини етарли даражада бажармаганлиги сабабли 12 нафар тадқиқотчи мустақил изланувчилар сафидан чиқарилди.

12.00.03 - Фуқаролик ҳуқуқи. Тадбиркорлик ҳуқуқи. Оила ҳуқуқи. Халқаро хусусий ҳуқуқ ихтисослигида 13 нафар таянч докторант ва мустақил изланувчидан 10 нафари кейинги босқичга муаффақиятли ўтказилди ва шахсий режа ва Олий ўқув юртидан кейинги таълим тўғрисидаги Низомнинг 53-54 бандида белгиланган талабларини етарли даражада бажармаганлиги сабабли 3 нафари мустақил изланувчилар сафдан чиқарилди.

Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги Олий аттестация комиссияси Раёсатининг 2016 йил 28 январда 220/2-сонли қарори билан тасдиқланган "Малакавий имтиҳонларни ўтказиш тартиби тўғрисида"ги Низом ҳамда 2017 йил 31 майдаги "Малакавий имтиҳонларни ўтказиш тартиби тўғрисидаги низомга киритилаётган ўзгартиришлар" ҳақидаги 239/6-сон қарори асосида 2019йил 23 декабрдаги «Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетида малакавий имтиҳонларни ўтказиш тўғрисида» 520-UM-сонли университет буйруғи қабул қилинди. Мазкур буйруқ асосида университетда таянч докторант ва мустақил изланувчилар учун мутахассислик фанларидан 2019 йил 24 декабрь куни 08.00.09 - Жаҳон иқтисодиёти, 23.00.04 - Халқаро муносабатлар, жаҳон ва минтақа тараққиётининг сиёсий муаммолари, 07.00.05 - Халқаро муносабатлар ва ташқи сиёсат тарихи ва 12.00.10 - Халқаро ҳуқуқ ихтисосликлари бўйича 18 нафар таянч докторант ва мустақил изланувчилар учун малакавий имтиҳонлар топшириш сессияси ўтказилди ва улардан 15 нафари ихтисослик фанидан малакавий имтиҳонларни муаффақиятли топширди.

2019 йил 27 декабрь куни Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ҳузуридаги илмий даражаларини берувчи DSc.27.06.2017.Tar/Yu/I/S/24.01 рақамли Илмий кенгашнинг навбатдаги йиғилиши бўлиб ўтди. Йиғилишда 23.00.04 - Халқаро муносабатлар, глобал ва минтақа тараққиётининг сиёсий муаммолари ихтисослиги бўйича сиёсий фан-

лар доктори (DSc) илмий даражасини олиш учун Турсунмуратов Турдимурат Махаматқуловичнинг "Глобал технологик ривожланиш шароитида Ўзбекистон Республикаси миллий хавфсизлигига евроатлантик омилнинг таъсири" мавзусидаги ҳамда 12.00.10 - Халқаро ҳуқуқ ихтисослиги бўйича юридик фанлар бўйича фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун Усманова Сурайё Булатовнанинг «Ўзбекистон Республикасининг туризмни ривожлантириш соҳасидаги халқаро-ҳуқуқий ҳамкорлиги» мавзусидаги диссертацияларининг муҳокамаси бўлиб ўтди. Талабгорларнинг диссертациялари Илмий кенгаш аъзолари томонидан бир овоздан экспертизадан ўтган деб тасдиқланди.

2019 йил 7-8 ноябрь кунлари Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети томонидан COMPASS халқаро илмий лойиҳаси доирасида "Минтақавий хавфсизлик ва глобал ўзгаришлар контекстида Ўзбекистон" номли халқаро конференция ўтказилди. Тадбирда Буюк Британия, АҚШ, Россия, Хитой, Беларусь, Испания, Озарбайжон, Тожикистон, Қозоғистон ва Афғонистондан 30 га яқин экспертлар ва олимлар иштирок этди. Конференцияда бутун минтақани, хусусан, Ўзбекистонда кечаётган ўзгаришлар ва янгиланишлар жараёнини келгусида янада ривожлантиришнинг аҳамияти ва йўналишлари муҳокама қилинди. Шунингдек, мазкур конференция минтақавий муаммолар ва минтақадаги давлатларнинг миллий манфаатларини ҳисобга олган ҳолда конструктив халқаро кун тартибини ишлаб чиқишга кўмаклашди. Халқаро анжуманда Марказий Осиёда янги стратегик вазият ва унинг халқаро жараёнларга таъсири, унинг конструктив салоҳияти ва ривожланиш истиқболларини бўйича фикр алмашилди ҳамда илмий асосланган хулоса ва таклифлар ишлаб чиқилди.

2019 йил 13 декабрь куни Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ва Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги Стратегик таҳлил ва минтақалараро тадқиқотлар институти томонидан «Ўзбекистоннинг Туркий Тилли Давлатлар Кенгашидаги иштироки» мавзусида семинар ўтказилди. Семинар иштирокчилари Ўзбекистон Республикасининг Туркий тилли давлатлар кенгашидаги иштирокининг ёндашувлари ва устувор йўналишларини муҳокама қилдилар. Ушбу халқаро ташкилот доирасидаги ҳамкорлик масалалари, шунингдек, Марказий Осиёда барқарор ривожланишнинг асосий муаммолари юзасидан фикрлар алмашинилди.

2019 йилнинг 13 декабрь санасида Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2019 йил 8 октябрдаги "Ўзбекистон Республикаси олий таълим тизимини 2030 йилгача ривожлантириш концепциясини тасдиқлаш тўғрисида"ги ПФ-5847-сон Фармонини Университет фаолиятига жорий қилиш мақсадида "Япония тадқиқотлар таҳлилий маркази" таш-

кил этилди. Замонавий Япония давлати ва жамиятини кенг қамровли комплекс ўрганиш ва мамлакатда рўй бераётган асосий сиёсий, иқтисодий, ижтимоий ҳамда маданий жараёнларни таҳлил қилиш мақсадида ташкил этилган мазкур илмий-тадқиқот маркази Япон тажрибаси ва уни мамлакатимиз шарт-шароитларидан келиб чиққан ҳолда амалиётга татбиқ этиш механизмларини ишлаб чиқиш масалалари билан шуғулланади.

Марказ зиммасига Япониянинг халқаро майдонда тутган ўрни, шу жумладан, давлатлараро муносабатлар ва хавфсизлик масалаларини, шунингдек, Японияни модернизация қилишнинг ноёб ва ўзига хос тажрибасини ҳар томонлама таҳлил қилиш ҳамда Япония мамлакати тарихи, қадимий дини, япония халқининг кўп асрлик маданий ва маънавий мероси, миллий урф-одатларини ўрганиш каби долзарб вазифалар юклатилган. Шунингдек, илмий-тадқиқот маркази олдидаги яна бир муҳим вазифа халқаро соҳадаги мутахассисларнинг касбий, илмий-тадқиқот ва таҳлилий тайёргарлиги бўйича самарадорликларини оширишга йўналтирилган Япония тажрибаси бўйича янги курс ва дастурларни ўқув жараёнига тайёрлаш ва татбиқ қилишдан иборат.

МЕТОДИК КАБИНЕТ

▪ Методический кабинет ▪ Methodical cabinet ▪

ЖИДУ раҳбарияти ва "Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали таҳририяти мазмунан ва концептуал янгиланган журнални чоп этишга киришмоқда. Тажриба шуни кўрсатмоқдаки, аксарият муаллифлар, айниқса, ёш тадқиқотчилар (докторантлар)нинг илмий изланиш жараёнларини ташкил қилиш, олиб бориш қонун-қоидалари, тартиблари билан таништириш лозим экан. Бундан ташқари, улар журналимиз савиясига бўлган янги концептуал ёндашув ва турли рукнларимизнинг мазмун-моҳиятини ҳам яхши англамаган кўринадилар. Шуларни эътиборга олган ҳолда, таҳририятимиз ***«Методик кабинет»*** *деб ном олган янги рукнни жорий этишга қарор қилди. Бу рукнда журналимиз мавзусига доир бўлган, ҳамда илмий тадқиқот ишларини ташкил этиш ва амалга ошириш тартиботлари, монография, илмий мақола, тезис, маъруза, эссе ёзиш тартибларига оид турли маълумотлар беришни режалаштирганмиз.*

«Халқаро муносабатлар / Международные отношения» журналида нашр этиладиган мақолаларнинг савиясига нисбатан қўйиладиган талаблар

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журнали фанлараро ва илмий-назарий характерга эга. Журналда халқаро муносабатлар тарихи ва назарияси, халқаро ҳуқуқ ва жаҳон иқтисодиёти фундаментал муаммолари, Ўзбекистоннинг ҳозирги жаҳон сиёсатида тутган ўрни ва роли, халқаро ва минтақавий хавфсизлик масалалари, халқаро тадқиқотлар назарияси, услубиёти ва амалиёти, халқаро мунособатлар бўйича мутахассислар ва дипломатик кадрлар таёрлашда илгор миллий ҳамда жаҳон тажрибаси ва журналимиз мавзусига доир бўлган бошқа материаллар нашр этилади. Мақолалар таҳлилий ва муаммовий характерга эга бўлиши шарт. Уларнинг илмий аппаратига алоҳида эътибор қаратилиши керак. Ушбу ўринда мақоланинг ***«илмий аппарати»*** *тушунчасининг мазмун-моҳиятига қисқача таъриф бермоқчимиз:*

Илмий аппарат деганда, илмий тадқиқотни амалга оширишга имкон берадиган мантиқий фикрлаш изчиллиги, шу асосда бажариладиган операциялар кетма-кетлиги тушунилади. Тўғри ташкиллаштирилган илмий аппарат тадқиқотчига танлаб олинган мавзу бўйича илмий изланишлар-

ни амалга оширишга имконият яратиб беради. Илмий аппарат мавзу танлаб олиниб тасдиқланганидан кейин шакллантирилади.

Одатда, илмий аппарат шундай кўринишга эга бўлади:

- тадқиқотнинг ***стратегик йўналишлари*** *(мавзу доирасида мавжуд зиддият(лар)ни аниқлаш ва улар негизида пайдо бўладиган муаммони белгилаб олиш, шундан кейин тадқиқот мақсадларини ифодалаш);*

- ***технологик операциялар*** *- тадқиқот объектини, предметини, ишчи гипотезани, тадқиқот негизидаги вазифаларни, манбаларни ифодалаш;*

- ***аналитик операциялар*** *- тадқиқот мавзусининг илмий жиҳатдан янгилиги, тадқиқот учун асос қилиб олинаётган фикр-мулоҳаза (гипотеза)ларнинг назарий ва амалий жиҳатдан аҳамияти, ҳимояга олиб чиқилаётган асосий ғоялар, тадқиқот натижаларининг ҳаққонийлиги, апробацияси ҳақида мухтасар маълумотлар берилиши жоиз.*

Мақолада юқоридаги талаблар мухтасар ҳолатда ифодаланиши керак.

Таҳририятга тақдим этиладиган материаллар қуйидаги асосий шартларга жавоб бериши лозим:

1. Мақоланинг матни Word 2003 вариантида тайёрланиши.

2. Шрифт - Times New Roman, шрифт кегели (ҳажми) - 14 бўлиши.

3. Сатрлар орасидаги масофа 1,5 бўлиши.

4. Диаграмма, расм ва жадваллар фақат оқ/қора ёхуд кулрангда берилиши.

5. Мақоланинг тузилиши қуйидагича бўлиши керак: аннотация (2-3 абзацдан ошмасин), кириш, асосий қисм, хулоса, фойдаланилган адабиётлар.

6. Иқтибосларни мақоланинг охирида эмас, балки матн ичида келтирилган тартиб бўйича бериш керак.

Адабиётларга берилган ҳаволалар [1], [2], [3], тартибида берилади, адабиётлар мақоланинг охирида худди шундай тартибда кўрсатилади.

7. Мақоланинг умумий ҳажми 15 бетгача, тезислар учун - 7 бетгача.

8. Муаллиф(лар)нинг исм-шарифи, иш жойи, илмий унвони, илмий даражаси, мулоқот учун маълумотлар аниқ кўрсатилиши керак.

9. Мақолалар фақат электрон вариантда онлайн режимида ***http://uwed.uz/ru/applicant-article*** *электрон манзил бўйича қабул қилинади ва рўйхатга олинади. Таҳририят ходимлари мақоласини нашр этмоқчи бўлган муаллифлар билан бевосита мулоқотга киришмайди.*

Материалларни тайёрлашда журналимизнинг тахминий мавзулари билан танишиб чиқиш тавсия этилади. Таҳририятимизга келиб тушган мақолаларнинг чоп этилиши ёки чоп этилмаслиги ҳақидаги қарорни ***Таҳрир ҳайъати*** *қабул қилади.*

▪ Методик кабинет ▪ Methodical cabinet ▪

Руководство УМЭД и редакционная коллегия журнала «Халқаро муносабатлар» приступают к изданию концептуально обновленной версии журнала. Опыт работы показывает, что многие авторы, прежде всего молодые (исследователи, докторанты), недостаточно хорошо понимают стратегию и тактику, принципы ведения исследовательской работы, более того, неточно представляют себе новые концептуальные подходы к уровню нашего журнала, не имеют представления о сущности и назначении отдельных рубрик. Учитывая эти обстоятельства, редакционная коллегия приняла решение открыть рубрику ***«Методический кабинет»****, где будет размещаться информация, имеющая отношение как к тематике нашего журнала, так и к подготовке научных исследований и написанию научных материалов (статьи, монографии, тезисы, доклады, эссе).*

Основные критерии к уровню научных статей, принимаемых к публикации в журнале «Халқаро муносабатлар»

Журнал носит междисциплинарный, научно-теоретический характер. К публикации принимаются материалы, касающиеся фундаментальных проблем истории и теории международных отношений, международного права и мировой экономики, затрагивающие актуальные вопросы роли Узбекистана в современном мире, региональной и международной безопасности, теории, методологии и практики международных исследований, передового отечественного и зарубежного опыта в сфере подготовки высококвалифицированных специалистов-международников и дипломатических кадров, а также другие темы, отвечающие профилю нашего издания. Статьи должны иметь проблемный, аналитический характер. Особое внимание следует уделять научному аппарату. К сведению претендентов напоминаем, что такое научный аппарат.

Научный аппарат *– перечень последовательно совершаемых логико-познавательных действий (операций), обеспечивающих выполнение самого исследования. Научный аппарат организует поисковую деятельность и упорядочивает ее. Он формируется сразу после выбора темы и ее обоснования на основе анализа литературы и зондажного изучения практики. Обычно научный аппарат исследования представляется в следующем виде:* ***стратегические операции****: поиск противоречия, выявление проблемы, определение цели;* ***технологические операции****: объект исследования, предмет исследования, гипотеза исследования, задачи исследования, источники исследования, база исследования, методы исследования, этапы*

исследования; ***аналитические операции:*** *научная новизна исследования, теоретическая значимость исследования, практическая значимость исследования, положения, выносимые на обсуждение, достоверность результатов исследования, апробация результатов исследования.*

К статье приложите, пожалуйста, следующие сведения о себе:

1. *Фамилия, имя, отчество автора (полностью).*
2. *Организация (название полностью).*
3. *Должность.*
4. *Ученое звание.*
5. *Ученая степень.*
6. *Адрес (с индексом).*
7. *E-mail, факс, телефон.*

Главные критерии содержания статьи:

- *актуальность с научной и практической точек зрения,*
- *новизна постановки вопроса или раскрытия темы,*
- *фундаментальность проработки темы,*
- *аргументированность выводов,*
- *доступность и четкость изложения.*

* * *

Рукопись, представляемая в редакцию, должна отвечать следующим стандартным условиям:

– текст готовить по версии Word 2003 года;

– использовать шрифт Times New Roman, размер шрифта - 14 кегль; междустрочный интервал - 1,5;

– структура рукописи: аннотация (не более 2-3 предложений), введение, основная часть, заключение, использованная литература;

– диаграммы, рисунки и таблицы должны даваться в статье только в черно-белом или сером цветовом варианте;

– диаграммы, рисунки, таблицы давать только в черно-белом цвете либо с использованием серых оттенков;

– сноски в тексте нумеровать по порядку надстрочным индексом; ссылки на литературу нумеровать по порядку [1], [2], [3]; литературу привести в конце статьи точно так же;

– в статье должны быть указаны имя-отчетство, место работы, научная степень автора и его контактные данные (телефон, e-mail);

– объем статьи не должен превышать 15 стандартных страниц.

Статьи принимаются в электронном формате и регистрируются в режиме онлайн по адресу ***http://uwed.uz/ru/applicant-article****. Личные контакты не приветствуются.*

* * *

Решение о публикации статей, поступивших в редакцию, принимает ***редакционная коллегия****.*

www.uwed.uz

UWED